

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2021

Том 21

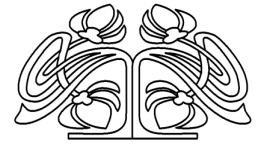
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Чиркин С. А.** Карл XII под Нарвой осенью 1700 года: свидетельства приближённых 288
Лёвин С. В. Н. Ф. Анненский на земской службе 293
Селиверстов С. В. «Восточное соглашение» Исмаила Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы) 298
Зайцев М. В. Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Кокочев, Барк 305

Всеобщая история и международные отношения

- Смирнов Н. А.** Ян Искра из Брандиса и его роль в социально-политической борьбе в Словакии и Венгрии в 1440–1460-е годы 315
Чернова Л. Н. Женщины в социальной жизни средневекового города (на материале Лондона XIV–XV веков) 320
Котлукова Д. А. Аристократическая семья Лайл: экономное «старое дворянство» или расточительные джентри? 330
Лабутина Т. Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки) 337
Маршуба Д. А. Рождение американской прессы: исторический опыт и проблемы развития 345
Юдин К. А. Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе 353
Шенин С. Ю. «План Маршалла для Азии»: генезис и крах (1953–1955 годы) 359
Чолахян В. А. Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы 365

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Борис Владимирович Лодыгин, воевода Саратова (1591–1593) 379
Амирханова М. М. Дагестанский аул эпохи нэпа: штрихи повседневности (первая половина 1920-х годов) 389
Мирзабеков М. Я. Создание и развертывание деятельности научных учреждений по изучению Дагестана в 20-е годы XX века 395
Гусева Я. Ю. «Саратовская купель»: осложнение государственно-церковных отношений в СССР в конце 1940-х гг. (на материалах Саратовского Поволжья) 403

Критика и библиография

Представляем книгу

- Кабытов П. С., Кабытова Н. Н.** Новое исследование по истории российского крестьянства периода Гражданской войны 410
Варфоломеев Ю. В. «Я пишу эти воспоминания, прежде всего с той целью, чтобы по возможности правдиво и точно изобразить события и людей, с которыми встречался на своём жизненном пути» 416

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.09.21.

Подписано в свет 30.09.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 15,87 (17,0).

Тираж 500 экз. Заказ 108-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Chirkin S. A.** Charles XII at Narva in autumn 1700: Testimonies from his confidants 288
Lyovin S. V. The service of N. F. Annensky in the zemstvo 293
Seliverstov S. V. «Eastern agreement» of Ismail Gasprinsky: The formation of an early Eurasian concept (1880–1890s) 298
Zaytsev M. V. The problem of the continuity of state financial and economic policy in the era of Nicholas II: Witte, Kokovtsov, Bark 305

World History and International Relations

- Smirnov N. A.** Jan Iskra from Brandis and his role in the social and political struggles in Slovakia and Hungary in the 1440–1460s 315
Chernova L. N. Women in the social life of a medieval town (based on the material of London in the 14th–15th centuries) 320
Kotlukova D. A. Lisle's aristocracy family: Economy «old» nobility or wasteful gentry? 330
Labutina T. L. How the Russian-British commercial treaty of 1734 was prepared (based on the materials of diplomatic correspondence) 337
Marshuba D. A. The birth of American press: Historical experience and development problems 345
Yudin K. A. Chords of the «Cold War»: Music as a resource for representing the «image of the other» in Anglo-American cinema 353
Shenin S. Yu. The «Marshall Plan for Asia»: Genesis and collapse (1953–1955) 359
Cholakhyan V. A. International participation in the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020 365

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Boris Vladimirovich Lodygin, a governor of Saratov (1591–1593) 379
Amirkhanova M. M. Dagestan aul of the NEP era: Touches of everyday life (the first half of the 1920s) 389
Mirzabekov M. Ya. Creation and deployment of scientific institutions for the study of Dagestan in the 20s of the 20th century 395
Guseva Ya. Yu. «Saratov font»: Complication of church-state relations in the USSR in the late 1940s (based on materials from the Saratov Volga region) 403

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kabytov P. S., Kabytova N. N.** A new study on the history of the Russian peasantry during the Civil War 410
Varfolomeev Yu. V. «I write these memoirs, first of all, with the aim to portray as truthfully and accurately as possible the events and people I met on my life path» 416

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

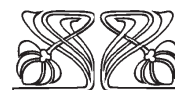
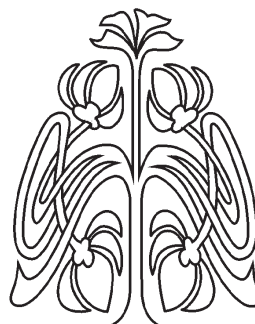
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

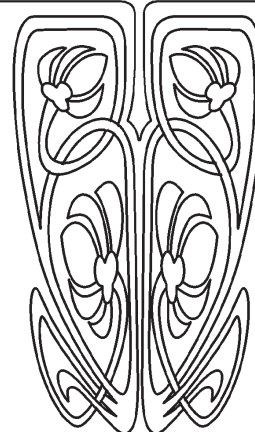
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–292
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–292
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-288-292>

Научная статья
УДК 94(485)|16|+355.48|1700|+929Карл XII

Карл XII под Нарвой осенью 1700 года: свидетельства приближённых

С. А. Чиркин

Вятский государственный агротехнологический университет, Россия, 610017, г. Киров, Октябрьский проспект, д. 133

Чиркин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, s_tchirkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-5789>

Аннотация. Нарвская кампания Карла XII и победа шведской армии над русским войском в Нарвском сражении 19 ноября 1700 г. – крупнейший успех Карла XII и одновременно тяжелейшее поражение Петра I в Великой Северной войне (1700–1721). Этим обусловлено давнее и пристальное внимание историков к роли юного шведского короля в «величайшей победе над русскими». Изданные на рубеже XIX–XX вв. мемуары, дневники и письма воинов армии Карла XII позволяют точнее уяснить эту роль. В статье анализируются малоизвестные свидетельства ближайшего окружения Карла XII о его действиях накануне и в момент Нарвского сражения.
Ключевые слова: Великая Северная война, Нарвская битва, Карл XII, Швеция, воспоминания

Для цитирования: Чиркин С. А. Карл XII под Нарвой осенью 1700 года: свидетельства приближённых // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–292. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-288-292>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Charles XII at Narva in autumn 1700: Testimonies from his confidants

S. A. Chirkin

Vyatka State Agrotechnological University, 133 Oktyabrskiy Ave, Kirov 610017, Russia

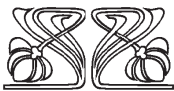
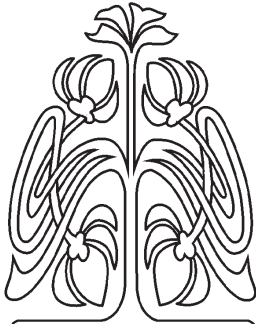
Sergei A. Chirkin, s_tchirkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-5789>

Abstract. The Narva campaign of Charles XII and the victory of the Swedish army over the Russian army in the Battle of Narva on November 19, 1700, was the greatest success of Charles XII and, at the same time, the gravest defeat of Peter I in The Great Northern War (1700–1721). This explains the long-standing and close attention of historians to the role of the young Swedish king in the «greatest victory over the Russians». The memoirs, diaries and letters of the soldiers of the army of Charles XII, published at the turn of the 19th and 20th centuries, make it possible to clearly understand this role. The article analyzes the little-known evidence of the closest circle of Charles XII about his actions on the eve and at the time of the Narva battle.

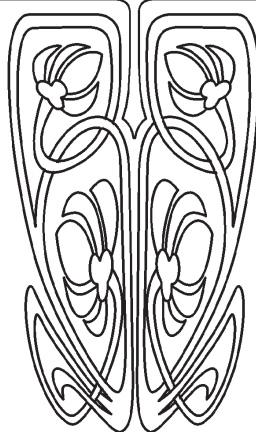
Keywords: The Great Northern War, The Battle of Narva, Charles XII, Sweden, memories

For citation: Chirkin S. A. Charles XII at Narva in autumn 1700: Testimonies from his confidants. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-288-292>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Нарвская кампания 1700 г. и сражение под Нарвой 19 ноября 1700 г., в котором 35-тысячная русская армия потерпела сокрушительное поражение от 8-тысячного отряда Карла XII, явились крупнейшим успехом шведского короля за весь период Великой Северной войны (1700–1721).

Победе под Нарвой, обусловленной в значительной мере личными и полководческими качествами Карла XII, посвящено немало исследований, как отечественных, так и зарубежных¹. Среди последних заслуживает внимания труд Л. Эриксона, отражающий состояние современной западной историографии начального периода Северной войны². В них, разумеется, так или иначе освещены и действия самого короля. Однако нельзя сказать, что история нарвской кампании в этой части написана в окончательном виде.

Изданные на рубеже XIX–XX веков мемуары, дневники и письма воинов армии Карла XII (написанные в основном «по горячим следам») ценны тем, что позволяют увидеть короля на подходе к Нарве и в огне сражения глазами очевидцев. В статье анализируются эти не введенные ранее отечественными историками в научный оборот свидетельства о действиях Карла XII накануне и в момент Нарвского сражения.

В начавшейся летом 1700 г. войне соперниками Карла XII были датский король Фредерик IV, саксонский курфюрст (и одновременно польский король) Август II и русский царь Пётр I («северные союзники»).

С целью сорвать их совместное наступление на прибалтийские владения Швеции Карл XII уже в августе решительным контрударом вывел из войны Данию. Следующий поход – против саксонцев – он намеревался начать весной следующего года, но вскоре узнал о вторжении русских войск в свои восточные провинции. К пограничной крепости Нарва подошло около 36–38 тыс. чел. пехоты, артиллерия и обоз³.

«Обложении» Нарвы – рытьем апрошей, возведением батарей, строительством укрепленного лагеря – непосредственно руководил Пётр I. Обнаружилось множество недостатков в вооружении и снабжении армии, а слабая выучка солдат не позволяла надеяться на успешный исход осады или сражения. Кроме того, в русской армии свирепствовали болезни и начался падёж лошадей.

Тем временем с целью «сикурсовать» Нарву Карл XII 1 октября 1700 г. с пехотой (16 000 чел.) и кавалерией (4 000 чел.) отплыл в Ливонию⁴.

Лейтенант-фортификатор Людвиг Хохмут, входивший в тот момент в ближайшее окружение короля, вспоминает: «Как только якоря были подняты, раздалась пушечная пальба... В пути Его Величеству нездоровилось, но поистине он был с нами на равных, был очень забавен и любезен со всеми»⁵. Ниже Хохмут повторил свое наблюдение: «Удивительно, сколь Его Величество, как впрочем и все здесь, любезен и отзывчив в это позднее и суровое время года»⁶. Он не мог

предвидеть, что после всех трудностей морского пути и многодневного пешего перехода, который предстоял шведам, их любезность сменится подавленностью и усталостью.

6 октября король высадился в Пернау на берегу Рижского залива, где с восторгом был встречен своими войсками, прибывшими ранее. «Когда Его Величество ступил на землю, – свидетельствует Хохмут, – началась беспорядочная стрельба... Едва мы приблизились к городу, шведы, бывшие там, высыпали посмотреть на короля. Подполковник, комендант крепости, встречая нас, встал на колени перед Его Величеством, радуясь его счастливому плаванью и прося Божьего благословения Его Величеству противу неприятеля. Здесь же было всё духовенство. После этого Его Величество обошёл крепость и осмотрел верки, бывшие в очень плачевном состоянии»⁷.

Тем временем, узнав о высадке в Пернау шведских войск, Пётр I направил на запад по Ревельской дороге отряд дворянской конницы под командованием Б. П. Шереметева⁸. Не встречая сопротивления, Шереметев достиг замка Везенберг, где занял позицию.

Давая войскам, угодившим в шторм, время прийти в себя, Карл XII отправился 12 октября из-под Пернау в Ревель для переговоров с местным дворянством, а против русской конницы двинул отряд генерала Отто Веллинга. В Ревеле королю уже готовили пышную встречу. Впрочем, не обошлось без курьезов, о чем сообщает Хохмут: «На въезде в город горожане хотели устроить Его Величеству парад верхом. Однако, слишком удалившись от города, они не рассчитали время, и Его Величество оказался в городе раньше, чем они»⁹.

Ливонскому дворянству Карл XII заявил о возвращении торговых привилегий, отмененных его отцом, тем самым заручившись поддержкой местного населения и даже получив от него некоторое подкрепление в людях.

В Ревеле, свидетельствует Хохмут, король «остановился в замке у генерал-губернатора графа Делагарди и все время обедал прилюдно. 28 октября король был в соборной церкви, где шведский священник пожелал счастья ему и всем подвластным ему странам. В тот же день некий морской офицер подарил Его Величеству большое русское провинциальное знамя с пленённого им судна»¹⁰.

26 октября авангард Веллинга наконец атаковал русское прикрытие в окрестностях деревень Пурц и Вариель под Везенбергом. В обоих случаях русские солдаты, расположившись по домам, стали легкой добычей шведов. Шереметев выслал к Вариелю подкрепление и заставил шведов отступить. В итоге ни одна из сторон не добила решающего успеха.

4 ноября Карл XII, находясь в Ревеле, узнал об этом столкновении и принял решение с отрядом в 5000 чел. идти к Везенбергу на соединение с Веллингом. 12 ноября король прибыл в Везенберг и неожиданно для всех, вопреки советам

ряда генералов, приказал готовиться к стремительному походу на Нарву. Войскам было дано распоряжение не брать с собой ничего лишнего: каждый солдат должен был нести на себе лишь запас продовольствия и боеприпасов.

На следующее утро полки, проведя смотр перед замковым храмом, двинулись в путь. Вечером в местечке Мальгольм был сделан первый привал. Здесь шведы простояли двое суток, дожидаясь отставших, а затем в боевом порядке отправились далее вдоль берега Финского залива¹¹.

Заранее отступив на 30 верст, Шереметев к тому моменту занял деревню Пюхайоги, где получил приказ Петра I удерживать позицию. При этом его отряды разоряли окрестности. В итоге на всем пути шведское войско ночевало под открытым небом и испытывало недостаток продовольствия. В шведской армии появились первые заболевшие¹².

В местечке Гакгоф король узнал, что деревня Пюхайоги прикрыта перевалом и занята неприятелем, а на подступах к ней выставлены дозоры. Чтобы сбить русские посты, он разделил свое войско и направил его вперед по двум параллельным дорогам. В итоге за счет внезапности и организованности шведы к вечеру 16 ноября крупными силами подошли к оборонительному рубежу.

Дальнейший путь пролегал между двух отвесных утесов, по болоту, где через ручей были наброшены деревянные мосты. За ручьем же стояла русская конница численностью 6000 чел. с орудиями¹³. Лейтенант лейб-гвардии граф Хенрик Сперлинг так описывает следующие события: «Неприятель был столь удачно прикрыт, что наш авангард не решался атаковать. Но когда об этом сообщили Его Величеству, он с несколькими офицерами явился сам и без всяких церемоний заставил неприятельских всадников, бывших по эту сторону перевала, ретироваться... Те немедленно отступили за перевал, потеряв при этом несколько человек, и наставили на Его Величество мушкеты. Взяв драгун, Его Величество так близко подошёл к перевалу, что неприятели с криком разбежались, но затем собрались снова. Тогда Его Величество повелел выкатить против них шесть орудий, которые открыли стрельбу, когда уже стало темнеть»¹⁴.

Было сделано несколько выстрелов, но штурм король отложил до утра. Впрочем, его отчаянная смелость предрешила исход дела. В ночь на 17 ноября Шереметев, оставив мосты нетронутыми, быстро и неорганизованно отступил к Силламяги, а оттуда к Нарве. Таким образом, он даже не пытался задержать шведов в удобном для обороны дефиле. Не выяснил он и численности неприятельского войска. Пытаясь все же исправить свою оплошность, на следующий день отряды Шереметева в районе между Пюхайоги и Силламяги атаковали шведский обоз. «Его Величество с драбантами и драгунами, – сообщал Сперлинг, – тотчас кинулся туда, но, когда они прибыли, наши люди уже пленили нескольких русских»¹⁵. Король

стремился быть всюду, где назревала опасность.

18 ноября у местечка Лангена, в десяти верстах от Нарвы, шведы вновь встретили русские разезды. Карл XII повелел готовиться к генеральному сражению, ожидая, что вскоре явятся и основные силы. Но русское командование во главе с герцогом К.-Е. де Круа в тот день не покинуло укреплений. В итоге шведы в последний раз перед битвой расположились на привал и за ночь смогли разведать русский лагерь и заготовить фашины для преодоления рва¹⁶.

На исходе дня король ужинал в палатке генерала графа К. Врангеля. Встав из-за стола, он отправился отблагодарить одного старого солдата «за усердие при отражении неприятеля, спасшее накануне жизнь Его Величеству»¹⁷.

Утром 19 ноября, соблюдая полную тишину, шведы вышли из Лангены. «Никто не мог предсказать, – отмечал Сперлинг, – что Его Величество атакует в тот же день. Но как только Его Величество увидел неприятеля и оценил его положение за ретрашементом, он решил, что едва мы доберёмся до него, необходимо немедленно атаковать»¹⁸.

Могло показаться, что испытывавший собственную судьбу король задумал и армию поставить в заведомо невыгодное положение против превосходившего в силах и укрепленного неприятеля. В действительности, ознакомившись с данными разведки и обратив внимание на растянутасть русских войск, он, по совету генерала К. Г. Реншильда, решил пробить их оборону в центре, разделить пополам и, не давая прийти в себя, разбить по частям¹⁹.

В 10 ч утра шведы появились перед русским лагерем. Дав войскам небольшой отдых, Карл XII приказал им строиться в боевой порядок, а сам отправился на рекогносцировку. В 14 ч шведская артиллерия начала «обработку» русских позиций. Завязалась артиллерийская дуэль²⁰.

В начавшейся битве Карл XII, как и ранее во время девятидневного пути, пытался вдохновить свои войска на подвиг. Сойдя с коня, он встал на колени и стал молиться о победе. Затем, обняв нескольких солдат, он велел дать сигнал к штурму – пустить в небо две ракеты.

Благодаря снегу, ударившему в лицо русским солдатам, шведам удалось неожиданно атаковать. Через полчаса прорыв был в трех местах. Благодаря быстроте, натиску и слаженности шведы отрезали центр русского лагеря от флангов. Вал и главная батарея оказались в их руках. Впрочем, русские некоторое время ожесточенно отбивались. Секретарь королевской канцелярии Йозас Цедерхельм, бывший в тот день при генерале М. Штенбоке, описывает ответный огонь: «Пули свистели возле ушей... Пушечные и иные выстрелы было видно и слышно. Одно ядро упало в стороне от меня, а другое позади, не уронив и волоса с моей головы, хотя трудно себе представить подобное»²¹.

Под огонь попал и король, который находился перед центром своей наступающей армии. «Его Величество с эскадром драгун, – отмечал Сперлинг, – бросился преследовать отступающих, хотя с ретрашементом в него стреляли из пушек и из мушкетов... Этим Его Величество лишь вынудил неприятеля за ретрашементом, уже собиравшегося бежать, вновь отчаянно сражаться, ибо тот не видел другого выхода»²².

Тем не менее, не выдержав натиска, дивизии И. Ю. Трубецкого и А. М. Головина бросились к мосту через реку Нарову, который тотчас разрушился. В это время конница Шереметева вместо того, чтобы зайти шведам во фланг, попыталась преодолеть реку вплавь. В результате утонуло до тысячи всадников²³.

Паника охватила русский лагерь: командование утратило управление, а растерявшиеся офицеры не знали, что делать. Спасаясь от избияния собственными солдатами, главнокомандующий герцог де Круа со своим штабом сдался генералу Штенбоку («Их пистолеты и шпаги были отобраны, – замечает Цедерхельм, – но Его Величество вернул всё обратно»²⁴). И всё же ужас и оцепенение поразили не все русские части. Возле реки, огородив себя артиллерийскими повозками наподобие вагенбурга, шведов встретили Преображенский, Семеновский и Лефортовский полки, а также примкнувшие к ним солдаты дивизии Головина. Оставленные своими командирами, они все же смогли остановить колонну генерала Реншильда. Заслышав перестрелку, Карл XII со своим камердинером А. Хардом прискакал сюда²⁵.

Относительно этого эпизода сражения в литературе часто упоминается о том, как по пути король угодил в болото, в котором оставил сапог. Иную версию случившегося встречаем у Сперлинга: «Невзирая на мёртвых, лежавших повсюду... Его Величество и Хард спустились в ров. Его Величество преодолел его, лишь когда два финна помогли ему выбраться и сесть на коня, но без шпаги и сапога, которые остались во рву. Затем показался и Хард, который при спуске сильно ударился плечом»²⁶. Добравшись до реки, король несколько раз атаковал русский вагенбург, но безуспешно. При этом лошадь под ним была убита ядром, а пуля разорвала его галстук. Не могли сломить русских и королевские гвардейцы, явившиеся вскоре, «причём убитых было так много, что Его Величество спешился и взял командование на себя»²⁷. Бой закончился в 16 ч с наступлением темноты.

Намереваясь разгромить «вагенбург» на следующий день, король расположился между городом и ретраншаментом. Вскоре, однако, со стороны реки показался переговорщик, просивший о возможности выхода. «Его Величество, – говорил Сперлинг, – сначала не хотел и слышать об этом, но поскольку уже знал, что царь накануне бежал, отвечал, что будет милостив со всеми, кто сложит оружие. Переговорщик поклялся, что они

хотят лишь переговорить со своими генералами и готовы дать заложников... В конце концов, Его Величество согласился»²⁸.

Около 20 ч вечера явились переговорщики из русского штаба²⁹. Русские генералы просили о выходе с оружием, артиллерией, знаменами и обозом. Король согласился отдать только знамена, оружие и шесть пушек гвардии, о чем Сперлинг написал: «Его Величество внял их просьбе с особой благосклонностью, равно как и просьбе тех, кто был в вагенбурге. Он обещал всем своё покровительство, позволив тем, кто был в вагенбурге, уйти с оружием. После этого вагенбург был занят отрядом генерал-майора Поссе, а неприятель в 23 часа отошёл к реке»³⁰.

С этого момента русские и шведские саперы стали восстанавливать мост через Нарову для прохода русской армии на следующий день. При этом остаток ночи шведская конница оставалась верхом, а пехота с оружием наготове³¹.

В условиях всеобщей неразберихи в темноте некоторое время еще продолжались стычки. Сперлинг вспоминает: «Когда стрельба стихла, Его Величество повелел подобрать раненых и доставить их в город. Но все были крайне удивлены, видя их скорое возвращение. Причина была в том, что неприятель, которому случилось стоять у них на пути, сделал по ним залп. Русские генералы тотчас заверили Его Величество, что это недоразумение, ибо не все ещё знали о милости, им оказанной. Раненых отправили снова и уже без всяких препятствий со стороны неприятеля»³².

Общие потери русской армии составили 6 тыс. чел. убитыми, утонувшими и ранеными, включая дезертиров и погибших от голода и холода³³. Шведы потеряли до тысячи человек убитыми³⁴.

Рано утром по наскоро восстановленному мосту остатки русской армии стали переходить через Нарову. «Явились толпы неприятеля, которые до этого были в стороне от крепости или справа от направления нашей атаки... Всех их, прошедших мимо Его Величества с непокрытыми головами, было не менее 15 тысяч человек»³⁵, – говорил Сперлинг. За ними, держа заряженные ружья, наблюдали 3 тыс. шведов. Остальным воинам, многие из которых были ранены, Карл XII разрешил сидеть на земле³⁶.

Стоит отметить, что личное оружие и знамена сохранила в итоге лишь русская гвардия. Поскольку шведы выявили нарушение достигнутого ночью соглашения (русскими была вывезена царская казна), Карл XII приказал отобрать знамена и мушкеты у двинувшихся следом частей.

Лишь спустя сутки король разрешил армии разбить лагерь под стенами города, но держа при этом наготове лошадей и оружие³⁷. Сам он по ложной тревоге 21 ноября вновь бросился искать противника у реки, но никого там не встретил³⁸.

Пленные русские генералы были размещены в Нарве, где по указанию короля с ними

обходились весьма учтиво: вернули оружие и назначили денежное содержание. Большинство из них затем были отправлены в Швецию военнопленными.

Очевидно, что наиболее отличившиеся воины вновь были удостоены королевской благодарности. Об этом, в частности, свидетельствует Симон-Даниэль Барон, прапорщик нарвского гарнизона. Еще 27 августа Барон был взят в плен вторгнувшимися русскими войсками. Под пытками он не раскрыл численности гарнизона Нарвы, а в ходе сражения был вызволен из плена. «Из-за увечий, – говорил Барон, – мне невозможно было следовать за Его Величеством, который хотел взять меня с собою, заверяя в своей милости и обещающая повышение по службе, и потому вынужден был я остаться в Нарве с другими израненными воинами»³⁹.

Известно также, что Карл XII вычеркнул из оставленной вскоре победной репортажи все слишком обидное для Петра I и хвалебное для себя (впрочем, Пётр I сам назвал эту битву «младенческим игранием, а искусством ниже вида»)⁴⁰. В письме сестре Ульрике-Элеоноре, написанном в начале 1701 г., Карл XII отозвался о победе и вовсе в шутовском духе: «Дорогая сестра... Мы хорошо провели время»⁴¹. Более ни слова. Вероятно, дело было не столько в скромности, сколько в презрении короля к русскому войску образца 1700 г.

Таким образом, воспоминания воинов из ближайшего окружения Карла XII содержат немало ценных сведений об участии короля в военных действиях, развернувшихся под Нарвой в 1700 г. В этих описаниях обращают на себя внимание примеры личной доблести короля, а также трудности войны, которые монарх-воин стойко переносил. Приведённые свидетельства позволяют глубже понять причины единственной в своём роде безоговорочной победы шведов над русской армией в Северной войне.

Примечания

- 1 См.: Походы Карла XII : в 3 т. Т. 1 : Зеландия и Нарва / ред. О. Шолин. М. : Книга, 2014. 136 с.
- 2 Ericson L. Svenska slagfält. Wahlström & Widstrand, 2003. 456 p.
- 3 См.: Великанов В. С. К вопросу о состоянии русской армии после нарвского поражения, зима 1700–1701 гг. // Война и оружие : Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции : в 5 ч. / науч. ред. С. В. Ефимов. СПб. : ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 2. С. 27.

- 4 См.: Походы Карла XI I. Т. 1 : Зеландия и Нарва. М., 2014. С. 14.
- 5 Karolinska krigares dagbocker (KKD) : in 1–12 vols. Lund, 1903. Vol. 2. P. 115.
- 6 Ibid.
- 7 Ibid.
- 8 Андреев И. Л. На пути к Полтаве. М. : Вече, 2009. С. 160.
- 9 KKD. Vol. 2. P. 116.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. P. 117.
- 12 См.: Беспалов А. Северная война. Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной. 1700–1709. М. : Рейтар, 1998. С. 34.
- 13 См.: История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб. : Тип. А. А. Краевского, 1883. С. 146.
- 14 KKD. Vol. 3. Lund, 1907. P. 7.
- 15 Ibid. P. 8.
- 16 Ibid.
- 17 KKD. Vol. 2. P. 119.
- 18 KKD. Vol. 3. P. 5.
- 19 Kuvaja Ch. Karolinska krigare 1660–1721. Schildts Förlags AB, 2008. P. 64.
- 20 KKD. Vol. 2. P. 120.
- 21 KKD. Vol. 8. Lund, 1913. P. 163–166.
- 22 KKD. Vol. 3. P. 11.
- 23 См.: Феоктистов И. И. Город Нарва. Исторический очерк : по поводу 200-летия взятия этого города Петром Великим. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1904. С. 118.
- 24 KKD. Vol. 8. P. 163.
- 25 См.: Петров А. Нарвская операция 1700 // Военный сборник. 1872. № 7. С. 24.
- 26 KKD. Vol. 3. P. 12.
- 27 Ibid.
- 28 Ibid. P. 12–13.
- 29 См.: Погосский А. Ф. Нарва и Полтава. СПб. : тип. В. А. Тиханова, 1911. С. 38.
- 30 KKD. Vol. 3. P. 14.
- 31 См.: Погосский А. Ф. Указ. соч. С. 52.
- 32 KKD. Vol. 3. P. 14.
- 33 См.: Великанов В. С. Указ. соч. Ч. 2. С. 26–42.
- 34 См.: История Северной войны 1700–1721 гг. / отв. ред. И. И. Ростунов. М. : Наука, 1987. С. 49.
- 35 KKD. Vol. 3. P. 15.
- 36 Ibid.
- 37 Ibid. P. 15–16.
- 38 KKD. Vol. 2. P. 125.
- 39 KKD. Vol. 12. Lund, 1918. P. 376.
- 40 История Северной войны. С. 49.
- 41 Konung Karl XII:s egenhändiga bref. Stockholm, 1893. P. 40–41.

Поступила в редакцию 20.12.2020, после рецензирования 05.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 20.12.2020, revised 05.03.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 293–297
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 293–297
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-293-297>

Научная статья
УДК [94+342.25:311.4](470.341+470.41)18|+929Анненский

Н. Ф. Анненский на земской службе

С. В. Лёвин

Московский государственный областной университет, Россия, Московская обл., 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Аннотация. Заметное место в общественной жизни России пореформенного периода занимали земские служащие. Многие из них участвовали в народническом движении 1870-х гг., но по разным причинам отошли от него и всецело посвятили себя земской службе, получив тем самым возможность легального изучения быта, культуры, трудовой деятельности крестьян, отстаивания их интересов перед помещиками, губернской и уездной администрациями. Одним из таких подвижников был Н. Ф. Анненский. В статье предпринята попытка рассмотреть его деятельность в качестве руководителя земских статистических отделов (бюро) Казанской и Нижегородской губерний. На основе анализа разноплановых архивных и опубликованных источников автор пришел к выводу о том, что Н. Ф. Анненский, находясь на земской службе, внес весомый вклад в развитие российской статистики, разработав новые методики статистических исследований, объединив оценочные и почвенные работы. Его опыт плодотворно использовался статистиками других губерний. Н. Ф. Анненского по праву можно считать одним из корифеев земской статистики.

Ключевые слова: губерния, земство, крестьянские хозяйства, народническое движение, перепись

Для цитирования: Лёвин С. В. Н. Ф. Анненский на земской службе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 293–297. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-293-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The service of N. F. Annensky in the zemstvo

S. V. Lyovin

Moscow Region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Abstract. Zemstvo officials occupied a prominent place in the social life of Russia in the post-reform period. Many of them participated in the populist movement in the 1870s, but for various reasons they left it and devoted themselves entirely to the zemstvo service, thereby obtaining the opportunity to legally study the way of life, culture, labour activities of peasants and to defend their interests before the landlords, gubernia and uyezd administrations. N. F. Annensky was one of these devotees. The paper attempts to consider his activities as the head of the zemstvo statistical departments (bureaus) of the Kazan and Nizhny Novgorod gubernias. On the basis of the analysis of diverse archival and published sources the author came to the conclusion that while in the zemstvo service N. F. Annensky made a significant contribution to the development of Russian statistics creating new methods of statistical research by combining assessment and soil work. His experience was fruitfully used by statisticians from other gubernias. N. F. Annensky can rightfully be considered one of zemstvo statistical luminaries.

Keywords: gubernia, zemstvo, peasant households, populist movement, census

For citation: Lyovin S. V. The service of N. F. Annensky in the zemstvo. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-293-297>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Народническое движение 1870-х гг. дало российской демократической общественности целую плеяду молодых, прогрессивно мыслящих, стремившихся к активной деятельности, людей, а земству – высокопрофессиональных, ответственных специалистов. Благодаря им многим губернским и уездным земствам удалось существенно улучшить свою хозяйственную и культурно-просветительскую деятельность,

образование и медицину. Вчерашние народники внесли в общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны свежую струю теории «малых дел», которую энергично принялись претворять в жизнь, поступив на земскую службу, составив так называемый «третий элемент» земства. Одним из таких деятелей являлся Н. Ф. Анненский, оставивший заметный след в земской статистике. Следует отметить,

что данный вопрос в исторической литературе является малоизученным. Земская статистическая деятельность Н. Ф. Анненского историками рассматривалась фрагментарно, в контексте истории казанского или нижегородского земства. Исключение составляет статья О. Л. Протасовой и Э. В. Бикбаевой, в которой предпринята попытка создания его научной биографии¹. К сожалению, земская служба Н. Ф. Анненского оказалась вне поля зрения авторов, акцентировавших свое внимание на его общественно-политической деятельности и взглядах как яркого представителя либерального народничества.

Безусловно, важным и значимым представляется глубокий и содержательный анализ деятельности Н. Ф. Анненского на поприще земской статистики, его вклад в развитие методологии статистических исследований. Работа базируется на архивных и опубликованных источниках, некоторые из архивных документов впервые вводятся в научный оборот. В основу исследования положен биографический метод. Наряду с ним результативно использовались системный анализ и обобщение.

Николай Фёдорович Анненский родился 28 февраля (12 марта) 1843 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1849 г. его отца назначили начальником и советником одного из отделений Главного управления Западной Сибирью, и семья переехала в Омск. Здесь Николай поступил в местный кадетский корпус, по окончании которого в 1860 г. продолжил обучение в Петербургском университете в качестве вольнослушателя. Его отца назначили чиновником по особым поручениям в Министерство иностранных дел, и семья вновь вернулась в северную столицу. Здесь он познакомился с А. Н. Ткачёвой – родной сестрой известного революционера, идеолога «русского бланкизма» в народничестве П. Н. Ткачёва, которая в 1866 г. стала его женой. Женитьба не помешала Н. Ф. Анненскому успешно закончить в 1868 г. юридический факультет Петербургского университета и поступить на историко-филологический факультет Киевского университета. Его работа в качестве статистика началась в 1873 г. в статистическом отделе Министерства путей сообщения. Молодой специалист довольно быстро зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, о чем свидетельствует его участие в международных статистических конгрессах в Венгрии в 1876 г. и в Италии в 1877 г. Однако в 1880 г. Н. Ф. Анненский, сотрудничавший с газетой народнического толка «Начало», был обвинен в распространении революционной пропаганды, а также в «поддержании сношений с лицами сомнительными в политическом отношении...» и арестован². Постановлением Верховной распорядительной комиссии его в административном порядке выслали в Тобольскую губернию, где вместе с женой, последовавшей за ним, он пробыл до марта 1881 г. Получив «высочайшее раз-

решение» проживать в европейской части страны, Н. Ф. Анненский переехал в г. Свияжск Казанской губернии. Здесь и началась его земская служба.

В 1883 г. Казанская губернская земская управа вознамерилась провести перепись крестьянских хозяйств уездов, сильнее других пострадавших от неурожая 1879–1880 гг. Наряду с этим планировалось провести оценку земель, находившихся в сельскохозяйственном обороте, и недвижимости, как в уездах, так и в самой Казани. Это было обусловлено двумя факторами: а) иметь достоверные и по возможности полные данные о крестьянских хозяйствах губернии, чтобы оперативно оказывать им продовольственную помощь в случае неурожая; б) получить основания для дифференцированного налогообложения крестьянских земель, городского и сельского недвижимого имущества с целью пополнения земского бюджета. В поисках «подготовленного к статистическим исследованиям лица» губернская земская управа обратилась к Н. Ф. Анненскому, имевшему знания теории статистики и методологии обработки цифрового материала. И хотя у него не было опыта проведения такого рода и масштаба работ, он согласился руководить ими и составил программу их проведения, которую одобрили и члены земской управы, и губернатор. Однако самому составителю программы «как состоящему под негласным надзором» участвовать в статистических работах губернатор не разрешил³. «Создавалось довольно нелепое положение, – вспоминала об этом А. Н. Анненская, – Николай считался приглашённым управой на службу и не мог иметь личных сношений с нею; совершенно неопытные, выбранные им молодые люди должны были производить местные исследования по его программе, как бы под его руководством, а в действительности он не мог наблюдать даже за первыми шагами их на этом новом деле и преподавать им на месте необходимые практические указания»⁴.

Очевидно, и сам губернатор понимал абсурдность запрета, а потому, когда начались переписи крестьянских хозяйств одного из самых крупных уездов губернии – Спасского, все же разрешил Н. Ф. Анненскому в виде исключения выехать на место, но тут же отправил «секретное указание» уездному исправнику установить за ним «строжайший секретный надзор, и в случае надобности, если будет представляться опасность к побегу, то подвергнуть его аресту»⁵. Канцелярия губернатора сделала запрос свияжскому уездному исправнику о поведении Н. Ф. Анненского. В своем ответном донесении от 4 (16) августа 1883 г., исправник сообщал: «Анненский во время состояния под гласным надзором полиции вёл себя безукоризненно (подчёркнуто в тексте документа. – С. Л.), в поступках неблаговидных никаких замечен не был и подозрительного знакомства не имеет»⁶.

Наряду с проведением переписей крестьянских хозяйств статистический отдел приступил к оценке

их земель, а также строений производственного и коммерческого назначения, жилых домов Казани и уездных городов. Земля оценивалась на основании «выручек и затрат при обычных приёмах культуры и средних хозяйственно-экономических условиях, существующих в той или другой местности»⁷. По сути Н. Ф. Анненский выводил средний показатель, увязывая воедино производительность крестьянского труда с размером землевладения и урожайностью зерновых культур в зависимости от почв и вносимых удобрений. Это несколько затрудняло дифференцированное налогообложение крестьянских земель, но давало земству достаточно полную и достоверную картину их экономического положения, что позволяло оперативно оказывать им продовольственную помощь в случае возможного неурожая.

Под руководством Н. Ф. Анненского были проведены оценочно-статистические исследования и частновладельческих хозяйств губернии. Если с результатами оценки земель губернские и уездные гласные согласились, то оценка городской недвижимости, проведенная статистиками под руководством Н. Ф. Анненского, вызвала критику с их стороны. По итогам исследований статистиков показатель доходности городской недвижимости губернии вырос в 4 раза по сравнению с оценкой, которую проводили городские оценочные и раскладочные комиссии – с 591871 до 2594900 руб.⁸ Председатель губернской земской управы и некоторые ее члены на одном из заседаний заявили, что оценочные критерии слишком завышены, упрекая Н. Ф. Анненского в субъективном подходе «к делу», предвзятости и корысти. Это обидело его. «На губернском собрании, – вспоминала А. Н. Анненская, – был избран новый председатель управы, и он с самого начала взял такой тон, который муж не мог вынести. Между ними произошёл крупный разговор, и муж объявил ему, что отказывается от заведывания статистическим бюро»⁹. 22 января (2 марта) 1887 г. Н. Ф. Анненского уволили с земской службы. Сам он свое увольнение объяснял тем, что «губернская управа перестала доверять моему умению и способности руководить статистическим делом»¹⁰. К этому времени Н. Ф. Анненский, ставший широко известным в земской среде как высокопрофессиональный специалист по статистике, получил приглашение от председателя нижегородской губернской земской управы А. В. Баженова возглавить статистический отдел. Следует отметить, что вместе со своим руководителем в Нижний Новгород из Казани переехали все пятеро его подчиненных, которые гордились, когда о них говорили «они “школы Анненского”»¹¹.

В Нижнем Новгороде земские статистики под руководством Н. Ф. Анненского провели оценочные работы, носившие комбинированный характер, во всех уездах губернии. Этому фактору Н. Ф. Анненский придавал исключительно

важное, если не сказать решающее значение. «В основание общего плана наших работ, – писал он в предисловии к “Сборнику статистических сведений” по Княгининскому уезду, – положена была та руководящая мысль, что правильные оценочные выводы возможны только при условии отчётливого выяснения естественных и общеэкономических условий, в которых находятся исследуемые хозяйства; что только при двойном контроле и освещении данных о доходности земель фактами естественно-историческими, с одной стороны, и общеэкономическими с другой, возможно безошибочно разобраться в них и прийти к верным заключениям»¹². В дополнение к этому, по инициативе Н. Ф. Анненского и при его непосредственном участии, были предприняты исследования почв с целью определения доходности земель для дифференцированного обложения их земским налогом. В них принял участие известный ученый-почвовед Н. М. Сибирцев.

Переписи крестьянских хозяйств в Нижегородской губернии проводились по той же программе, что и в Казанской. В их основе лежали оценочные критерии. Это свидетельствует о том, что Н. Ф. Анненскому принадлежит неоспоримая заслуга в разработке по сути нового типа статистических исследований – оценочно-почвенного, в котором оценочные работы были объединены с изучением состава почв, что позволило в сравнительно короткий срок определить доходность крестьянских земель и установить размер налогообложения для них. Согласно подсчетам Д. А. Николаева это увеличило поступления в бюджет губернского земства в 2 раза¹³.

Одну из главных причин продуктивной деятельности нижегородского статистического отдела О. Э. Шмидт, возглавивший его после ухода Н. Ф. Анненского, видел в коллективном стиле работы, обсуждении и принятии решений по тому или иному вопросу. «Убеждение в том, что предоставление каждому из участников статистической работы возможности проявить в ней своё творчество оказывается весьма полезным для её результатов, перенесено Анненским в Нижний и определило собою главные черты нижегородской статистической организации»¹⁴, – вспоминал он. К высказыванию О. Э. Шмидта следует добавить, что стиль руководства Н. Ф. Анненского во многом и предопределил высокую эффективность деятельности статистических отделов, которыми он руководил.

Во многом благодаря статистическим работам, нижегородскому земству удалось своевременно оказать продовольственную помощь крестьянским хозяйствам губернии в неурожайный 1891 г. и предотвратить массовый голод. «Когда выяснилось, какие уезды более всего пострадали от неурожая, – вспоминал друг Н. Ф. Анненского писатель и общественный деятель В. Г. Короленко, – земская управа снарядила в эти уез-

ды ещё особую статистическую экспедицию обследования размеров нужды и необходимой помощи»¹⁵. В это трудное, сложное для губернии время Н. Ф. Анненский смог организовать эффективную работу статистического отдела, на что обратили внимание не только земцы, но и представители губернской администрации, общественность. «И то, и другое, то есть подбор работников и метод исследования, зависели от руководителя статистического бюро, которому и губернское земство, и всё население обязаны в этот тяжёлый год глубокой благодарностью»¹⁶, – отмечал В. Г. Короленко.

Вместе с тем данные земской статистики показали бедственное в целом экономическое положение крестьянских хозяйств губернии. Это вызвало критику в ее адрес со стороны части крупных землевладельцев, считавших, что статистики сознательно сгустили краски, манипулируя цифрами.

Н. Ф. Анненский сумел организовать и текущую статистику. При его активном участии в губернии была создана сеть добровольных корреспондентов в количестве 2000 чел., которые регулярно доставляли сведения, требовавшиеся статистическому отделу. Успешный опыт Н. Ф. Анненского в создании текущей статистики оказался востребованным, его позаимствовали самарские, саратовские, уфимские и тамбовские коллеги.

Авторитет Н. Ф. Анненского в среде земских статистиков был настолько высок, что к нему обращались не только за консультациями, советами, но и с просьбами третейского судейства в спорных вопросах. Например, статистики полтавского губернского земства просили Анненского выступить третейским судьёй «при разбирательстве дела между нами и заведующим харьковскою текущею статистикою Б. Авиловым»¹⁷. Н. Ф. Анненский, болезненно воспринимавший скандалы среди земских статистиков, благополучно разрешил конфликт. А. Н. Анненская вспоминала: «Очень неприятно было мужу, когда приходилось улаживать какие-нибудь взаимные недоразумения между сотрудниками»¹⁸.

К 1895 г. статистические работы в губернии были завершены и Анненские уехали из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург, где Н. Ф. Анненский возглавил статистический отдел городской управы. Он успешно совмещал работу в отделе с общественной деятельностью. Умер Николай Фёдорович Анненский в 1912 г.

1870–1880-е гг. дали земству много высококлассных специалистов, настоящих энтузиастов своего дела, для всех сфер земской деятельности. Статистика являлась новой областью. Статистики внесли решающий вклад в изучение крестьянского хозяйства пореформенного периода, представив полные и достоверные данные о социальной структуре крестьянских семей и их имуществен-

ном положении, оказав тем самым неоценимую услугу не только земству, но и государственным учреждениям, банкам, агрономам, экономистам, историкам, публицистам. Заметное место в среде земских статистиков занимает Н. Ф. Анненский, который первым среди них объединил оценочные и почвенные работы, удачно согласовав общестатистические и специально-оценочные задачи. Эта попытка оказалась результативной; была достигнута высокая точность определения доходности земель, находившихся в сельскохозяйственном обороте. Разработанную Н. Ф. Анненским методику оценочно-почвенных исследований взяли на вооружение многие губернские земские статистические отделы. Она, как отметил в своих воспоминаниях земский статистик и публицист И. П. Белоконский, создала ему «особенную славу»¹⁹.

В земской службе Н. Ф. Анненский нашел свое призвание. Французская исследовательница М. Меспуле сравнивала земского статистика с русским ученым конца XIX в., «любящего знания и прогресс, и стремящегося к социальным изменениям»²⁰. Данное сравнение полностью применимо к Николаю Фёдоровичу Анненскому, отстаивавшему прогрессивное направление в земской статистике, ценившему знания и постоянно себя ими обогащавшему, стремившемуся к активной общественной деятельности, социальным изменениям.

Примечания

- ¹ См.: Протасова О. Л., Бикбаева Э. В. Н. Ф. Анненский – общественный и политический деятель либерального народничества // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 38–44.
- ² См.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 35 (Анненский Николай Фёдорович (1843–1912) – публицист, экономист-статистик, сотрудник журнала «Отечественные записки»). Оп. 1. Д. 21. Л. 15.
- ³ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. (Департамент полиции Министерства внутренних дел). 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2(3). Л. 145.
- ⁴ Анненская А. Н. Из прошлых лет. (Воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1914. № 7. С. 64–65.
- ⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1 (Канцелярия казанского губернатора). Оп. 3. Д. 5224. Л. 15.
- ⁶ Там же. Л. 78 об.
- ⁷ Сравнительная оценка земельных угодий в уездах Казанской губернии. Казань: Типография губернского правления, 1893. С. 55.
- ⁸ См.: Материалы для сравнительной оценки городов и посадов Казанской губернии. Казань: Типография Г. В. Вечеслава, 1885. С. 17.
- ⁹ Анненская А. Н. Указ. соч. С. 32.

- ¹⁰ *Анненский Н. Ф.* Письмо в редакцию // Волжский вестник. 30 янв. 1887. № 28. С. 2.
- ¹¹ *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за 50 лет. Л. : Прибой, 1929. С. 226.
- ¹² Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Часть экономическая. Вып. IV : Княгининский уезд. Н. Новгород : Издание Нижегородского губернского земства, 1888. С. II.
- ¹³ *Николаев Д. А.* Нижегородское земство в 1865–1918 гг. : Обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999. С. 106.
- ¹⁴ *Шмидт О. Э.* Особенности приёмов в нижегородских земельно-оценочных статистических работах // Статистический вестник. 1916–1917. Кн. 1–2. С. 111.
- ¹⁵ *Короленко В. Г.* Третий элемент // Собр. соч. : в 10 т. Т. 8 / подг. текста и примеч. С. В. Короленко. М. : Художественная литература, 1955. С. 279.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Архив российской Академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 641. Л. 3.
- ¹⁸ *Анненская А. Н.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁹ *Белокопский И. П.* В годы бесправия. Воспоминания. М. : Издательство политехноржан, 1930. С. 97.
- ²⁰ *Mespoulet M.* Statisticiens des zemstva : formation d'une nouvelle profession intellectuelle en Russie dans la periode prerevolutionnaire (1880–1917). Le cas de Saratov // Cahiers du Monde russe. 1999. Vol. 40, № 4. Octobre – decembre. P. 613.

Поступила в редакцию 05.04.2021 после рецензирования 07.04.21, принята к публикации 12.04.2021
Received 05.04.2021, revised 07.04.21, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–304

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–304

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

Научная статья

УДК 1(470+571)|18|+929Гаспринский

«Восточное соглашение» Исмаила Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы)

С. В. Селиверстов

Академия государственного управления, Казахстан, Z00P4G2, г. Нур-Султан, пр. Абая, д. 33

Селиверстов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, приглашенный доцент, Академия государственного управления, Казахстан, г. Нур-Султан, seliverst.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Аннотация. Статья посвящена становлению евразийской интеллектуальной тенденции в России. Реконструируются взгляды тюрко-мусульманского деятеля Исмаила Гаспринского. Анализируются его представления о сближении России и Турции, о потенциальном «восточном соглашении» с участием России, Турции, Персии и балканских государств. Формулируется вывод, согласно которому идея «восточного соглашения» является по содержанию и смыслу ранним евразийским (проевразийским) концептом.

Ключевые слова: интеллектуальная история, евразийская тенденция, общественная мысль, Россия, Турция, русско-мусульманский мир, Европа, Восток

Для цитирования: Селиверстов С. В. «Восточное соглашение» Исмаила Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

«Eastern agreement» of Ismail Gasprinsky: The formation of an early Eurasian concept (1880–1890s)

S. V. Seliverstov

Academy of Public Administration, 33 Abaja Avenue, Nur-Sultan Z00P4G2, Kazakhstan

Sergey V. Seliverstov, seliverst.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Abstract. The article is devoted to the formation of the Eurasian intellectual tendency in Russia – based on the material of the Turkic social thought. The views of the Turkic-Muslim leader Ismail Gasprinsky are reconstructed. His ideas about the rapprochement between Russia and Turkey, about a potential «Eastern agreement» with the participation of Russia, Turkey, Persia and the Balkan states are shown. It is concluded that the idea of an «Eastern agreement» is (in terms of content and meaning) an early Eurasian/pro-Eurasian concept.

Keywords: intellectual history, Eurasian tendency, social thought, Russia, Turkey, Russian-Muslim world, Europe, East

For citation: Seliverstov S. V. «Eastern agreement» of Ismail Gasprinsky: The formation of an early Eurasian concept (1880–1890s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Интеллектуальная история России XIX–XX вв. весьма многообразна. Трактую ее в качестве мульти(не)линейного процесса накопления и обогащения отечественной общественной мысли, полагаем, что особого внимания заслуживает становление на российской почве значимых интеллектуальных, историко-культурных явлений (славянофильство, западничество, народничество, областничество), содержащих как классические образцы, так и, с одной стороны, ранние, а с другой – поздние. В данном историко-культурном ряду находится и такое многозначное

явление как евразийство (евразийская интеллектуальная тенденция).

Ранние этапы евразийской тенденции в России, т. е. этапы генезиса, рассматриваются в диссертациях, как правило, ретроспективно – в виде вводных сюжетов, посвященных истокам классического евразийства 1920–1930-х гг. Это касается, например, диссертаций социально-философского¹ и философско-культурного² профилей, по историческим³ и политическим⁴ наукам. Однако в методологическом плане такого прикладного ретроспективного подхода, на наш взгляд, недоста-

точно. Чтобы полноценно раскрыть проблематику становления евразийской тенденции на раннем этапе (в контексте эпохи), необходимо раннеевразийские явления рассматривать как основной предмет исследования. Возможности для этого открывает изучение интеллектуальной истории России – существенного компонента отечественной истории. Персональные вариации круга лиц, относимых к аспекту «истоков» («предшественников») евразийской тенденции, включают, как правило, в нетождественных сочетаниях представителей русско-славянской общественной мысли (Н. М. Карамзин, Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. И. Ламанский, Д. И. Менделеев, В. С. Соловьев, В. В. Бартольд, Э. Э. Ухтомский и др.). Однако феномен общественной мысли России содержит в своем поле интеллектуалов различного национально-культурного происхождения – не в последнюю очередь – тюркского. Поэтому для полноценного осмысления раннеевразийских идей необходим анализ и тюркской общественной мысли (в контексте общей интеллектуальной истории России). И это логично, так как историческое содержание евразийских идей неразрывно связано с масштабной славяно-тюркской проблематикой.

Целью статьи являются реконструкция и интерпретация раннеевразийского концепта восточного (русско-восточного) соглашения в публицистическом творчестве Исмаила Гаспринского (1851–1914) – известного российского тюрко-мусульманского деятеля последней трети XIX – начала XX в. Данный сюжет недостаточно изучен, так как в диссертационных работах по классическому евразийству близость его взглядов к евразийскому дискурсу не исследуется. Кроме того, примечательно, что в персоналистской историографии, посвященной собственно И. Гаспринскому, он рассматривается преимущественно как национальный тюркский, крымский, татарский мыслитель⁵ и общественный деятель⁶, а не в контексте более широкой историко-культурной проблематики раннеевразийских идей. Аналогичный подход присутствует и во вступительных статьях к издающемуся «Полному собранию сочинений» Гаспринского⁷. Из немногочисленных работ, где его взгляды рассматриваются в евразийском ракурсе, следует выделить статью Ю. Б. Османова о взаимоотношениях России и Турции, опубликованную посмертно и, таким образом, не получившую авторского продолжения⁸, и современные диссертационные исследования Н. Е. Тихоновой – магистерское⁹ и кандидатское¹⁰. Мы разделяем ее точку зрения о близости определенных воззрений Гаспринского к концепции евразийства, однако проблематика «восточного соглашения» в указанных работах специально не рассматривается.

Особенность Гаспринского как личности состоит в том, что, имея крымскотатарское происхождение, он, тем не менее, стал мыслителем

общероссийского и международного уровня. Гаспринский внимательно наблюдал и смело анализировал исторические процессы не только в локальном, но и в глобальном масштабе. Центральное место среди его работ 1880–1890-х гг., касающихся взаимоотношений России и Востока, занимает краткий, но содержательный трактат «Русско-восточное соглашение: мысли, заметки и пожелания», изданный в Бахчисарае в 1896 г.

Обратившись к рассмотрению внешней политики стран Европы, России и Турции, Гаспринский затронул область «сложных международных вопросов», которые, как правило, имеют место в столицах. Тем не менее мыслитель полагал, что его идеи заслуживают того, чтобы быть «обсужденными и взвешенными русским и восточным читателем»¹¹. Желая позитивного, конструктивного развития взаимоотношений в рамках большого русско-мусульманского мира, Гаспринский уже в 1883 г. в статье «Россия и Восток» (газета «Переводчик-Терджиман») раскрыл свое видение перспективных приоритетов: «Мы думаем, – подчеркнул он, – что было бы умно и полезно, забыв прошлое, искренне сблизиться туркам и русским. Этого не желает, может не допустить Европа, но тем более надо об этом постараться ради общей выгоды и пользы»¹². Данное предложение, обращенное по сути к Петербургу и Стамбулу, было весьма своевременным в первой половине 1880-х гг., когда оба государства выстраивали политику после Берлинского конгресса. Однако понимание «необходимости доброго соседства» достигалось непросто. Побывав в Стамбуле в том же 1883 г., Гаспринский увидел, что турки смотрят на международные дела и отношения с Россией через «навязанные им чужие очки» – франко-английские¹³. Через 2 года вновь посетив Стамбул, он смог констатировать, что, хотя значительная часть турок «еще принуждена носить очки» (на этот раз германские), они все же «начинают смотреть из-под очков или помимо них»¹⁴.

На фоне конфликта между Англией и Россией по поводу афганской границы, когда для Турции возник «жгучий и важный» вопрос – «стать за Россию или Англию», его интересовала не дипломатия, а «собственное мнение турок», выработавшееся «свободно под горьким руководством истории». Гаспринский пришел к выводу о том, что «турская масса» изверилась в пользу «исконных западных друзей» и, анализируя «грубо, но здраво пережитые события, пришла к практическому убеждению, что гораздо лучше и выгоднее жить в наилучших отношениях с ближайшим соседом и опаснейшим противником – Россией»¹⁵. Более того, от простых турок, далеких от «дипломатической кухни», он услышал в 1885 г. «простодушный» тезис: Европа «боится союза русских и турок и потому постоянно старается ссорить», но уже «при первом соглашении этих государств господство европейской “интриги” (фитне) па-

дет». Также он ссылается на позицию писателя Ахмеда Мидхата, редактора стамбульских газет «Терджиман-Хакикат» и «Османлы», который прежде был «ярким противником» России, а теперь проводит «идею полного сближения» и позитивно оценивает движение России в Азии¹⁶.

Как сторонник турецко-русского и вообще российско-восточного сближения, Гаспринский с одобрением и надеждой воспринимал любое проявление сближения стран. Однако международные реалии и восточные настроения были не столь обнадеживающими. Поэтому и в 1896 г. он был вынужден отметить: зарубежные мусульмане, как и прежде, надевая «очки» Запада, «имеют крайне смутное и неправильное представление о России», что препятствует выстраиванию отношений с «великой северной страной». Кроме того, и в самой России понимание Востока также «не достигло должного развития». Чтобы избавиться от таких «роковых недоразумений», – полагал Гаспринский, – русские и мусульмане должны изучать друг друга «без предвзятых или заказных убеждений»¹⁷. Так, он указал на востребованную в большом русско-мусульманском мире задачу – взаимное познание. Именно в этом направлении работала в 1880–1890-е и последующие годы бахчисарайская газета «Переводчик-Терджиман», проводя, невзирая на западную политику и прессу, идею о сближении России и Востока. Уже в 1886 г., ходатайствуя об открытии в газете новых рубрик «Обзор восточной печати» и «Обзор русской печати», Гаспринский отмечал, что «сопредельные с Россией мусульманские страны все сведения о России и русской жизни черпают исключительно из европейских источников, нередко враждебных нашему отечеству», т. е. «смотрят на вещи сквозь призму мнений и пожеланий западной печати». Редактор «Терджимана» не мог согласиться с такой ситуацией и, учитывая распространение газеты в мусульманских странах, посчитал своим долгом «по возможности служить» взаимному знакомству восточных и российских читателей «без посредства английских и немецких переводчиков»¹⁸. Добиваясь взаимопонимания, Гаспринский в 1890-е гг. достиг успеха среди российских и зарубежных мусульман, о каком прежде «не смел и думать»¹⁹.

Характерна интерпретация Гаспринским острых сторон российско-османских отношений, в частности, проблемы проливов. Он признает, что значение морей и выхода к океану для России «весьма понятно», так как обусловлено экономическими и политическими потребностями «обширнейшей континентальной страны», а потому данное стремление не следует рассматривать восточным народам как «жажду завоевания» или «вражду к исламу»²⁰. Какую же линию, по его представлению, должна занять в вопросе о режиме проливов Турция? Открыто высказанная позиция Гаспринского такова: османскому государству следует «сохранить» за собой проливы, но при

этом открыть путь «естественной потребности могущественного соседнего народа». По его убеждению, именно такая линия подтвердит «политическую мудрость» правителей Востока. Но очень важно и другое – самой России следует выстроить отношения с сопредельными восточными странами, чтобы «мирно и без жертв заручиться тем, что ей необходимо в интересах охраны южных границ и развития своей торговли»²¹.

Взаимоотношения России и Востока для Гаспринского не абстрактны – от них в значительной степени зависит реальная судьба тюрко-мусульманского мира. Поэтому он прямо, без всякой показной иносказательности вскрывает позицию европейских держав и формулирует запрос на альтернативу: «Западу выгодно, и он доволен, если в России и на Востоке находятся исторические, географические и теологические мотивы к взаимной вражде и недоверию. Но не будет ли лучше поискать в той же истории и географии мотивов к взаимности и согласию»? Для Гаспринского это не риторический вопрос, а такой, на который следует дать положительный ответ: «Я думаю, что это будет лучше, – подчеркивает он, – хотя Запад может очень и очень рассердиться за это и на русских, и на мусульман»²². Следовательно, по проблеме проливов, по его убеждению, контактировать необходимо напрямую России и Турции, так как адекватного восприятия со стороны Запада ожидать сложно. Исходя из исторического опыта, И. Гаспринский видел в России тип государства, способный проводить восточную политику «на справедливых условиях»²³. И с этим нельзя не согласиться. Что касается отношений с Европой, то Гаспринский отметил тенденцию второй половины 1880-х гг., когда Стамбул в вопросе о Восточной Румелии (во время болгарского кризиса 1885–1887 гг.) и обострившихся взаимоотношений европейских стран проявил последовательность, сумел отказаться от «чуждых ему интересов» и «предоставил расхлебывать кашу тем, которые ее заварили»²⁴. Когда же болгарский кризис пошел на спад, Турция старалась поддерживать «наилучшие отношения со всеми державами», не входя с ними «ни в какие союзы», чтобы не быть ограниченной, зависимой от Европы²⁵. Данная ситуация, сочувственно изложенная Гаспринским в газете «Переводчик-Терджиман», иллюстрирует его понимание оптимальных отношений с Европой. На потенциальные взаимосвязи России и Турции он смотрел иначе.

Примечательно, что конструктивные идеи, относящиеся к российско-турецкой сфере, были изложены им в 1896 г., когда Европой овладело, как замечает Гаспринский, волнение «по случаю слухов о заключении русско-турецкого союза». Однако Запад встревожился, не без иронии замечает он, «не в чаянии русско-турецкого нашествия». Причина возбуждения была прозаична – возможный альянс между Россией и Турцией (или,

как замечает Гаспринский, – союз Белого Царя и Халифа мусульман) кардинально «перепутает карты» Восточного вопроса, «коими привыкли играть в Европе»²⁶.

В середине 1890-х гг. Восточный вопрос вновь обострился. Британия, исходя из своих стратегических выгод и желая полностью аннексировать Египет, стремилась подвинуть Россию к участию в разделе османских территорий. В частности, премьер-министр Р. Солсбери пытался убедить Николая II «не бояться исчезновения Османской империи, раздел которой позволил бы удовлетворить все державы». Однако Петербург выступил за сохранение существующего положения. Данная позиция отстаивалась министром иностранных дел А. Б. Лобановым-Ростовским в 1895–1896 гг.²⁷ В публичной сфере декларации Британии на Востоке были иными: Лондон представлял Россию врагом, а себя – другом мусульман. Гаспринскому, следившему за зарубежной мусульманской прессой, это было известно. Но в середине 1890-х гг., как он отмечает, «завеса с английской игры» поднялась, и Восток «начал относиться критически ко всей истории с английской дружбой»²⁸.

В данной международной ситуации в начале 1896 г. (после ее обострения в конце 1895 г. и последовавшего обращения императора Николая II к султану Абдулхамиду II), когда ситуация вокруг Турции на время стабилизировалась, в европейской прессе высказывались мнения о потенциальном российско-османском союзе. Таковой не состоялся – Россия осталась в рамках коалиционной европейской политики, однако в любом случае в конце XIX в., как отмечается в литературе, Петербург выступал за самостоятельную и целостную Турцию, которая находилась бы в хороших отношениях с Россией²⁹. Конечно, это был далеко не максимум позитивных российско-османских взаимоотношений. Гаспринский желал большего. Однако прозойти это могло лишь тогда, когда Россия как европейско-азиатская страна более четко и недвусмысленно конкретизировала бы свою суверенную историко-культурную и политическую позицию по отношению к собственно Европе. Сам же Гаспринский в 1890-е гг. мыслил не только здраво, но и по-настоящему дальновидно. Не случайно он указывает: «Уже одна тревога Европы каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении или союзе, показывает, какое важное значение он мог бы иметь»³⁰. Даже спустя годы (в 1908 г.) Гаспринский помнил международную ситуацию 1896 г. и охватившее Запад возбуждение. И он спрашивает: отчего этот слух в такой степени тогда «взбудоражил европейскую прессу» и принудил дипломатов держав «наострить уши» (вплоть до того, что обеим подозреваемым столицам пришлось выступать с опровержением)? Убедительный ответ, оставшийся для него неизменным и в начале XX в., заключается в том, что

такой альянс существенно перепутал бы европейские политические карты³¹ и тем самым, добавим, мог привести к неожиданному для западных держав проигрышу.

Потенциальная роль российско-османского соглашения не ограничивалась двусторонними отношениями. Значение и возможности такого союза еще больше возрастут, – подчеркивал Гаспринский, – «если поставить вопрос шире и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении и солидарности всего Востока с Россией». Он предполагал, что «искренние, дружественные отношения» с османским и персидским государствами незамедлительно и положительно откликнутся на связях России как с Египтом и арабским миром, так с Афганистаном и мусульманами Индии³². Важно и то, что Гаспринский не ограничивает проект восточного соглашения только мусульманскими народами. Учитывая «обоюдные выгоды», в таком общевосточном соглашении, замечает он, было бы место и «княжествам Балканского полуострова»³³, т. е. славянским, христианским народам. Данный объемный восточный взгляд напоминает о концептуальной идее Восточного союза К. Н. Леонтьева³⁴, вынашиваемой им вплоть до смерти (1891 г.), в основе которой русский мыслитель видел как православные, так и мусульманские элементы. Содержательная и временная соотносимость обоих восточных макрорегиональных проектов подтверждает, что они основывались не на локальных славянских или тюркских тенденциях, а на действительных, реальных нуждах российско-мусульманского, по сути евразийского мира.

Как реалист Гаспринский видел, что соглашение подобного формата предполагает «известные обязанности» и в итоге «связывает договаривающегося». В чем, на его взгляд, в таком случае должны быть уверены стороны восточного соглашения? Россия, полагал он, – в том, что в мусульманских народах она обретает «верных и надежных союзников». Мусульмане, со своей стороны, – в том, что Россия не имеет устремлений «посягнуть на их троны и верования»³⁵. Не менее важно и то, что соглашение подобного рода должно базироваться «на ясных и точных условиях». Поэтому, вступая на путь, ведущий к договору, «не должно иметь в виду провести друг друга, но должно найти прочную базу для честного соглашения и обеспечения общего интереса и мирного развития народов»³⁶. Очерченный Гаспринским подход к макрорегиональным взаимоотношениям как к равноправным, транспарентным, без двойных стандартов и желания одностороннего выигрыша принципиально отличается от восточной политики европейских держав XIX в. и с полным основанием может быть концептуально идентифицирован как евразийский подход в международной сфере.

Прагматизм Гаспринского проявился в констатации возможных возражений против рос-

сийско-восточного союза. Например, что данным договором Петербург будто бы «свяжет себе руки». Но, замечает автор, если Россия «гарантирует» целостность мусульманских государств, то, бесспорно, «обеспечит себя соответствующими выгодами»³⁷. Также признает Гаспринский и иное возможное препятствие: недоброжелатели в Стамбуле и Тегеране могут утверждать, что соглашение «лишает» правителей восточных стран суверенности. На это он отвечает: «Напротив, соглашение упрочивает положение этих государств и стран, избавив их от подчас невыносимых влияний то одной, то другой державы»³⁸.

Не мог Гаспринский обойти и мнений об «исторической миссии» России на Востоке. Имея в виду общекультурную, прагматичную задачу, вытекающую из распространения европейского образования, науки, медицины и т. д., возможности России, полагал он, в результате достижения восточного соглашения не сократятся, а возрастут. Что касается собственно религиозной стороны, то он не видит предпосылок к тому, чтобы русский народ (по отношению к мусульманам) стал разыгрывать «роль крестоносцев двадцатого века»³⁹. Публикуя свою работу в 1890-е гг., Гаспринский смотрел вперед – в наступающий XX в. Примечательно, что и позже, в 1908 г., он отмечал: если в обострившемся балканском вопросе «англичанам угодно сыграть роль крестоносцев», то России следовать аналогичной политике нет необходимости⁴⁰.

В понимании Гаспринского русско-турецкое и шире – российско-восточное соглашение, с одной стороны, существенно расширит возможности России, с другой – придаст мусульманским государствам стабильность, устойчивость и силу. Именно поэтому, как он пишет, Европа будет бороться против данного соглашения «всеми правдами и неправдами». Запад ни перед чем не остановится: «пустит в ход все пружины» (от Петербурга и Стамбула до Тегерана и Каира), начнет «угрожать войной»⁴¹. В частности, как на пример антироссийской западной пропаганды Гаспринский ссылается на Лондон, который распространял на Востоке «басню» о намерениях русского «казака» погубить мусульманство, которое якобы Британия защищает. Он писал, что англичане, подтасовывая и толкуя факты соответствующим образом, пытаются убедить мусульманские народы в «неисправимой вражде русских к мусульманам». Более того, Британия финансирует часть индийской и арабской печати, внедряя в исламский социум тезисы о солидарности британско-мусульманских интересов и одновременно – о российской угрозе мусульманству. На этом фоне, считает Гаспринский, «добрые отношения» российского царя к халифу могли бы скорректировать симпатии индийского мусульманства и подчеркивает значимость встречной комплиментарности: «От доброго мнения мусульман Россия никогда не проиграет, но извлечь пользу может»⁴².

Русско-мусульманский мыслитель убежден, что, несмотря на противодействие Запада, восточное соглашение имеет шансы быть реализованным при наличии желания и воли «руководящих людей России и Востока». Если же исторический акт осуществится, то тогда, имея «за себя и за собой» Турцию и Иран, Россия в реальности сможет стать близкой, «родной» для мусульманского мира, пойти во главе его⁴³. Будучи хорошо осведомленным о процессах в мировом мусульманстве, он цитирует парижскую газету младотурецких кругов «Мешверет»: «Мы не чувствуем никакой вражды к России. Она имеет свою историческую миссию, а мы со своей стороны озабочены охраной нашей независимости и достоинства. Не возможно ли согласовать эти по-видимому противоположные точки зрения? Мы думаем, что возможно»⁴⁴. По существу данное рассуждение оппозиционной газеты свидетельствует о прагматичном характере турецко-русских, тюрко-славянских отношений. Да, позиции османского и российского государств нередко противоположны. Но это не повод для пессимизма. Следует прилагать взаимные усилия, чтобы согласовывать, сближать расходящиеся позиции. Аналогичным образом осуществлялась общественная деятельность Гаспринского.

Следует заметить, что некоторые шаги к российско-восточному сближению время от времени предпринимались. Так, в мирной обстановке начала 1870-х гг. (до Восточного кризиса) великий везир М. Недим-паша прежнему влиянию Европы предпочел курс на сближение с Россией. Поэтому логично, что российский посол Н. П. Игнатьев констатировал в первой половине 1870-х гг., что отношения России и Турции «не заставляли желать ничего лучшего»⁴⁵. С другой стороны, шейх и мыслитель Д. Афгани, разочаровавшись в английской поддержке⁴⁶, отправился в 1887–1889 гг. в Москву и Петербург. По сведениям востоковеда С. И. Уманца, он вел переговоры сначала с М. Н. Катковым (который стремился к коррективке российского внешнеполитического курса), а после его кончины в июле 1887 г. пытался непосредственно повлиять на Министерство иностранных дел в плане создания общего союза России и Персии для «освобождения Востока от англичан»⁴⁷. Зная об этих тенденциях, Гаспринский предполагал, что вместо ситуативных и фрагментарных восточных сближений сможет выработаться устойчивая союзническая практика, так как для России – страны, близкой к мусульманским народам – «доверие и симпатии, враждебность и недоверие этого особого много-миллионного мира» не могут быть безразличны⁴⁸. При том он четко осознает: международные реалии на рубеже XIX–XX вв. таковы, что отношение к восточным народам может определяться как в виде «соседства, союза с ними», так и в виде доминирования. В частности, наблюдая позицию Турции в связи с попытками Германии «связать» ее тройственным союзом, Гаспринский сделал

вывод, согласно которому «султан ищет большего, чем могут дать ему западные комбинации»⁴⁹.

Личная позиция Гаспринского оформилась в 1870–1880-е гг. и укрепилась в 1890-е: он однозначно был приверженцем партнерских, дружеских отношений и не желал столкновений внутри большого русско-мусульманского мира, конфликтов между мусульманской и христианской цивилизациями. Гаспринский надеялся, что Россия проявит волю и сможет найти взаимоприемлемую форму честных, доброжелательных союзнических отношений с мусульманскими странами. Обращаясь к восточным читателям, он деликатно отмечает, что не собирается навязывать никому свои взгляды: «Пусть мусульманские государства живут и развиваются вне всяких соглашений». Но если они чувствуют необходимость комбинаций, то «мы советуем им помнить про могучую Россию», которая «может жить и развиваться сама по себе без всяких союзов и соглашений», однако «не в таком положении мусульманские государства»⁵⁰.

С тех пор как были высказаны эти проницательные мысли, прошло более 100 лет. Многое в мире изменилось. Отсюда вопрос: как выглядит международно-политическая концепция Гаспринского через призму проблем новейшей эпохи? Каждый исследователь видит по-своему его наследие, но объективно рассматривая потенциал и востребованность концепта российско-восточного соглашения, следует признать ошибочной категоричную точку зрения, согласно которой «максима» внешнеполитических, международных прогнозов Гаспринского является «невозвратно устаревшей»⁵¹. Полагаем, что идея российско-восточного, евразийского сотрудничества в новых макрорегиональных условиях XXI в. востребована не в меньшей степени, чем столетие назад.

В целом, как показала реконструкция, концепт большого восточного соглашения базируется на историческом опыте славяно-тюркского сосуществования и взаимодействия, накопленного в России, и включает в себя, с точки зрения Гаспринского, ряд аспектов:

самостоятельное («не через чужие очки») взаимное познание русского и турецкого народов, славян и тюрков;

поиск «взаимности и согласия» по сложным российско-османским вопросам (например, о черноморских проливах);

сближение России и Турции, критический пересмотр европейской восточной политики (в том числе понимание причин «тревоги» Европы перед русско-тюркским сближением);

переход от российско-османского сближения к большому восточному соглашению, включающему ряд славянских и мусульманских государств;

понимание обязанностей, возможностей и преимуществ равноправного международного соглашения («не должно иметь в виду провести друг друга»);

взвешенный анализ аргументов «за» и «против» восточного соглашения.

Таким образом, в Российской и Османской империях, в славянских и тюркских народах России и Турции Гаспринский видел не непримиримых историко-культурных, цивилизационных антагонистов, находящихся в зависимости от европейских «коалиций», а потенциально суверенных исторических партнеров, позитивные взаимоотношения которых соответствовали долгосрочным интересам обеих стран и народов.

Ключевая идея о необходимости прагматичного сближения русских и тюрков получила у Гаспринского внешнее продолжение, распространилась на международные отношения, в частности, на взаимоотношения России и Турции. При этом концепт восточного соглашения, инициированный и обоснованный на протяжении 1880–1890-х гг., содержал не только текущее, ситуативное русско-турецкое наполнение, а более широкий и долгосрочный проевразийский смысл.

С точки зрения объективного познания, необходима не локализация интеллектуального наследия Гаспринского в национально-конфессиональных рамках, а рассмотрение в контексте тенденций российской общественной мысли. Взгляды Гаспринского занимают в интеллектуальной истории России важное место, с полным основанием их следует рассматривать как тюркский компонент процесса становления евразийской тенденции. Реконструкция его воззрений подтверждает и более общий тезис (который может быть отнесен не только к Гаспринскому): адекватное восприятие предшественников классического евразийства – в плане раннеевразийских идей – возможно при расширении горизонта интерпретации и рассмотрении их (предшественников) миропонимания в широком, развивающемся интеллектуальном контексте второй половины XIX в.

Примечания

- 1 См.: Горяев А. Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России : дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2003. 284 с.
- 2 См.: Романова Е. А. Этнокультурная концепция основоположников евразийства : дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 175 с.
- 3 См.: Никитенко Е. В. Евразийство 1920-х гг. : история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Кламарского) центров движения : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 217 с.
- 4 См.: Ибраев М. У. Государственность в политическом учении евразийства (классическая традиция) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 147 с.
- 5 См.: Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению : Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь : Доля, 2000. 328 с.
- 6 См.: Гаспринский Исмагъиль : тарихи-документаль жьыентык / сост. С. Рахимов. Казань : Жьен, 2006. 544 с.

- 7 См.: *Гаспринский И.* Полн. собр. соч. : в 3 т. Казань ; Симферополь : Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2016–2019. Т. 1–3.
- 8 *Османов Ю. Б.* Исмаил Гаспринский о русско-турецких отношениях и проблеме евразийства // *Османская империя : проблемы внешней политики и отношений с Россией* / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М. : Институт востоковедения РАН, 1996. С. 237–244.
- 9 *Тихонова Н. Е.* Исмаил Гаспринский и его протоевразийские идеи : магистер. дис. СПб., 2016. 111 с.
- 10 *Тихонова Н. Е.* Роль крымскотатарской газеты «переводчик-Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880–1910-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 203 с.
- 11 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания // *Гаспринский Исмаил бей. Из наследия* / сост. Ю. Кандымов и др. Симферополь : Таврия, 1991. С. 52.
- 12 *Гаспринский И.* Россия и Восток (Исторический очерк) // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 169.
- 13 *Гаспринский И.* Несколько дней в Стамбуле // Там же. С. 285.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 285–287.
- 17 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 54–55.
- 18 Прошение И. Гаспринского в Главное управление по делам печати об открытии новых рубрик в газете «Терджиман» // *Гаспринский Исмаил бей : тарихи-документаль жынтык* / сост. С. Рахимов. Казань : Жыен, 2006. С. 372–373.
- 19 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 57.
- 20 Там же. С. 59.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 57.
- 23 *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению... С. 57.
- 24 *Гаспринский И.* Султан Абдуль-Гамид // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 380–381.
- 25 См.: *Гаспринский И.* Спокойствие всего мира находится в зависимости [...] // Там же. С. 302.
- 26 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 59–60.
- 27 См.: *Игнатьев А. В.* Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение // *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* М. : Международные отношения, 1997. С. 101–106.
- 28 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 63.
- 29 См.: *Игнатьев А. В.* Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение... С. 102.
- 30 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 60.
- 31 См.: *Гаспринский И.* Велико-Восточный вопрос // *Терджиман.* 1908. 29 апр. № 32.
- 32 См.: *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 60.
- 33 Там же. С. 61.
- 34 Леонтьев К. Н. – Филиппову Т. И. 29 марта 1891 г. // *Пророки византизма : Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891)* / сост. О. Л. Фетисенко. СПб. : Пушкинский Дом, 2012. С. 620–622.
- 35 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 61.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 61–62.
- 38 Там же. С. 62.
- 39 Там же. С. 59.
- 40 См.: *Гаспринский И.* По поводу речи министра иностранных дел // *Терджиман.* 1908. 18 апреля. № 29.
- 41 *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 62.
- 42 Там же. С. 62–63, 65.
- 43 Там же. С. 62.
- 44 Там же. С. 64.
- 45 *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. М. : Наука, 1985. С. 97, 121.
- 46 См.: *К вопросу о панисламизме* // *Мир ислама.* 1913. Т. 2, вып. 1. С. 3.
- 47 *Уманец С. И.* Современный бабизм. Тифлис : Г. Мелик-Каракозов, 1904. С. 45.
- 48 См.: *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 64–65.
- 49 Там же. С. 65.
- 50 Там же.
- 51 *Червоная С. М.* Единство в языке, делах и вере : испытание временем // *Ас-Алан.* 2001. № 2 (5). С. 388.

Поступила в редакцию 30.01.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 30.01.2021, revised 20.02.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 305–314
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 305–314
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

Научная статья
УДК [94+338.2:336](470+571)|18/19|+929[Витте+Коковцов+Барк]

Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Коковцов, Барк

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, ZaytsevMV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2035-2786>

Аннотация. Объектом изучения являются принципы государственной экономической политики в правление Николая II. Рассматриваются взгляды и деятельность министров финансов С. Ю. Витте, В. Н. Коковцова и П. Л. Барка. Анализируются причины и суть изменений в экономических приоритетах государства. Главный вывод заключается в том, что политику Министерства финансов в тот период отличали серьезные колебания, вызванные объективными и субъективными обстоятельствами.

Ключевые слова: экономическая история России, экономическая политика, Министерство финансов, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. Л. Барк

Для цитирования: Зайцев М. В. Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Коковцов, Барк // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the continuity of state financial and economic policy in the era of Nicholas II: Witte, Kokovtsov, Bark

M. V. Zaytsev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maxim V. Zaytsev, ZaytsevMV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2035-2786>

Abstract. The object of study is the principles of state economic policy during the reign of Nicholas II. The views and activities of finance ministers S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and P. L. Bark are considered. The author analyzes the reasons and essence of changes in the economic priorities of the state. During this period, the policy of the Ministry of Finance was characterized by serious fluctuations caused by objective and subjective circumstances.

Keywords: economic history of Russia, economic policy, Ministry of Finance, S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov, P. L. Bark

For citation: Zaytsev M. V. The problem of the continuity of state financial and economic policy in the era of Nicholas II: Witte, Kokovtsov, Bark. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 305–314 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История развития экономики и финансов в эпоху правления последнего российского императора неоднократно оказывалась предметом исследования. Однако, что касается преемственности принципов регулирования экономики государством на различных этапах царствования Николая II, то здесь пока рано говорить о какой-либо единой концепции, которой бы придерживалось большинство специалистов.

В конце XIX – начале XX в. главная роль в определении целей и задач государственной финансово-экономической политики отводилась

Министерству финансов Российской империи, являвшемуся тогда де-факто «министерством народного хозяйства»¹. При Николае II это ведомство последовательно возглавляли всего три человека – С. Ю. Витте (1892–1903), В. Н. Коковцов (1904–1914) и П. Л. Барк (1914–1917), что можно считать необычным явлением для последнего царствования, поскольку главы большинства ведомств менялись гораздо чаще. Формально пост министра финансов занимали еще Э. Д. Плесске (16 августа 1903–4 февраля 1904 г.) и И. П. Шипов (28 октября 1905–24 апреля 1906 г.), но первый

был тяжело болен уже в момент своего назначения, толком не смог приступить к практической работе и даже не был утвержден в должности вплоть до увольнения, а второй весь недолгий период своего министерства находился под влиянием С. Ю. Витте, возглавлявшего тогда Совет министров. Так что говорить об их самостоятельном вкладе исторического масштаба в государственную экономическую политику не приходится.

Деятельность каждого из трех вышеупомянутых лиц изучалась с разной степенью интенсивности. Наибольшее внимание всегда привлекала фигура Витте, о работе которого во главе Министерства финансов много писали в XX в. такие крупные представители отечественной историографии, как Б. А. Романов, А. П. Погребинский, И. Ф. Гиндин, А. Л. Сидоров, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, Л. Е. Шепелёв и многие др.² Из работ о финансово-экономической политике этого министра, опубликованных за последние два десятилетия, наиболее значительными представляются труды М. И. Долаковой 2005³ и 2011 гг.⁴, монографии М. В. Мельникова 2005⁵ и 2007 гг.⁶, а также докторская диссертация этого же автора⁷. Стоит упомянуть и написанную в 1960–1970-е гг., но увидевшую свет лишь в 2000-е гг. работу И. Ф. Гиндина⁸. Финансово-экономическая политика Коковцова оказывалась в поле зрения специалистов реже⁹, только в последние десятилетия его личность и деятельность стали изучаться более интенсивно¹⁰. Барк же вообще долгое время попадал на страницы исторических исследований лишь эпизодически, пока в начале 2000-х гг. не появился целиком посвященный ему фундаментальный труд С. Г. Беляева¹¹. При этом специалисты почти не пытались рассматривать политику, проводившуюся всеми тремя министрами, в качестве единого процесса. Цель данной статьи – анализ принципов, на которых строились финансово-экономические мероприятия государства весь период царствования Николая II. Необходимо ответить на вопросы: существовала ли преемственность экономической политики Министерства финансов и, если существовала, то в каких именно аспектах? Стоит уточнить, что под «экономической политикой» будет пониматься сочетание целей государства в области народного хозяйства и средств их достижения.

Принято считать, что министр финансов Витте имел определенную экономическую программу, которую последовательно осуществлял на занимаемом посту (такая точка зрения присутствует, в частности, в трудах Б. В. Ананьича¹², Л. Е. Шепелёва¹³, А. П. Корелина и С. А. Степанова¹⁴, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина¹⁵). В своих воззрениях он опирался на учение немецкого мыслителя Даниэля Фридриха Листа, который полагал, что прогресс каждого современного государства выражается в переходе от аграрной к индустриальной стадии развития. В странах

же, где такой переход по каким-то причинам запаздывал, конкуренция со стороны передовых держав становилась тормозящим фактором и, чтобы его преодолеть, требовалась целенаправленная протекционистская политика государства, ограничивающего поступление чужеземных товаров на внутренний рынок. Эти главные идеи немецкого ученого Витте усвоил и сохранил до конца жизни. «Современное государство, – утверждал он в своих воспоминаниях, – не может быть великим без национальной развитой промышленности. Это показывает история. Это очевидно из современной действительности и, наконец, это ясно из экономической здоровой теории»¹⁶.

На посту министра финансов Сергей Юльевич исходил из того, что государство должно активно вмешиваться в экономические процессы и прежде всего поощрять развитие национальной промышленности. Только это, по его мнению, давало возможность стране успешно конкурировать с другими государствами на международной арене. «Создание своей собственной промышленности, – убеждал Витте Николая II в 1899 г., – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»¹⁷.

Для достижения этой цели предполагалось использовать несколько инструментов: 1) бюджетное регулирование, построенное на ограничении неприоритетных расходов и создании максимально благоприятных условий для отечественной индустрии; 2) стабилизацию национальной валюты ради укрепления кредитной системы и притока иностранных инвестиций в промышленность; 3) покровительственную таможенную политику, направленную на достижение активного внешнеторгового баланса и повышение конкурентоспособности российской промышленной продукции на внутреннем рынке; 4) развитие налогообложения, в смысле максимальной концентрации ресурсов в руках государства и направление их в сторону приоритетных сфер; 5) поощрение строительства железных дорог, которое стимулирует темпы промышленного производства как прямо (через заказы предприятиям), так и косвенно (через оживление экономической конъюнктуры). При этом автор программы прекрасно осознавал, что некоторые меры явно ударят по интересам отечественных аграриев, но в своих речах и текстах всячески старался ретушировать эту их сторону. «Из всех видов покровительства таможенная защита земледелия оправдывается наименее. Меры к подъёму сельского хозяйства должны быть иные – создание обширного внутреннего рынка путем развития местной промышленности, уменьшения накладных расходов посредством повышения техники и торговли сельскохозяйственными продуктами и подъема сельскохозяйственных знаний для лучшего использования почвенных богатств и уменьшения расходов производства»¹⁸, –

доказывал он в конце 1892 г. в своем первом докладе о государственном бюджете.

Необходимо подчеркнуть, что изложенная экономическая программа не являлась полностью оригинальной, а в основных элементах была заимствована Витте у лиц, занимавших пост министра финансов до него, что доказано исследованиями В. Л. Степанова, например его статьями 2004¹⁹ и 2017 гг.²⁰ Сергей Юльевич и сам признавал это вполне официально: «Я, вступая в управление Министерством финансов в 1892 г., считал своей обязанностью прежде всего выяснить себе основания торгово-промышленной политики моих предшественников и приложить все силы к тому, чтобы продолжить или закончить то, что было ими начато или, в свою очередь, унаследовано ими от своих предшественников»²¹. Н. Н. Покровский, карьера которого по большей части прошла на рубеже XIX–XX вв. в финансовом ведомстве, вспоминал: «Основы многого из того, что было восполнено (так в публикации. – М. З.) при С. Ю. Витте и даже позднее, при В. Н. Коковцове, были, несомненно, заложены Н. Х. Бунге. По крайней мере, сам С. Ю. Витте открыто указывал, что принципы многих из его реформ, напр[имер], денежной, были указаны Н. Х. Бунге. В области податной первые преобразования в промысловом обложении, которые положили начало постепенному переходу к окладной системе, были осуществлены при Н. Х. Бунге; при нём же отменены последние остатки подушного обложения. В других областях никто, как он, положил основу нашему рабочему законодательству и широкому развитию народных сбережений. Наконец, при нём создан Крестьянский банк, т. е. дано основание аграрному законодательству, которое, при дальнейшем планомерном развитии, сохранило бы основы экономического и социального строя»²².

Заимствовав у предшественников все, что казалось ему наиболее важным, Витте дополнил их положения собственными взглядами на задачи государственной экономической политики и на посту министра финансов вложил всю свою энергию в реализацию созданной таким образом программы. Вопросы урегулирования бюджета были поручены им В. Н. Коковцову, которого он специально для этого пригласил на должность товарища министра в 1896 г. Примечательно, что Коковцов до этого 6 лет прослужил статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета, который ежегодно рассматривал роспись расходов и расходов Российской империи, и ему не раз приходилось указывать на недостатки смет, составляемых ведомством Витте. Теперь же его большой опыт в бюджетных делах использовался в интересах Министерства финансов для успешного проведения годовой росписи через Государственный совет и для отстаивания возражений на требования других ведомств об ассигновании средств²³. Работа приносила свои

плоды: с 1895 по 1902 г. обыкновенный бюджет России всегда сводился с профицитом, а по единой росписи дефицит образовывался лишь в отдельные годы из-за крупных чрезвычайных расходов на сооружение и выкуп казной железных дорог, досрочное погашение и конверсию займов, а также на усиление разменного фонда²⁴.

Кстати, источники дефицита указывают на то, что бюджетное равновесие для Витте не являлось самоцелью. Он легко шел на его нарушение во имя реализации элементов общей программы, в частности для создания необходимых условий денежной реформы, готовившейся еще его предшественниками на посту министра финансов, начиная с 1860-х гг. Благодаря многолетним коллективным усилиям в 1895–1897 гг. введение золотого монометаллизма наконец было осуществлено (этот вопрос хорошо изучен, например, в работах Л. Е. Шепелёва²⁵, А. П. Корелина²⁶, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина²⁷, а также в коллективной монографии «Русский рубль: два века истории»²⁸). Российский рубль стал твердой валютой, что способствовало притоку иностранного капитала и ускорило модернизацию промышленности. Однако реформа имела и негативные последствия: нехватка бумажных денег для потребностей народного хозяйства, усиление зависимости страны от западных инвестиций, рост государственного долга, наконец, ущерб для аграрного сектора, нанесенный укреплением курса рубля и связанным с этим падением цен на сельскохозяйственную продукцию. Уже в рассматриваемую эпоху многие современники жестко критиковали Министерство финансов за верность золотому стандарту (об этом, в частности, пишут В. Ю. Байбиков²⁹ и В. Л. Степанов³⁰).

Налогообложение в годы министерства Витте постоянно росло, причем главным образом косвенное. За 10 лет (1892–1902) налог с торговли увеличился с 35 до 66 млн руб., акцизы (табачный, сахарный, нефтяной и спичечный) – с 75 до 146 млн руб., доход от таможенных сборов – со 130 до 205 млн руб.³¹ Увеличение этих показателей отчасти объясняется ростом экономики страны, но оно же вызывалось и изменениями, которые Министерство финансов вносило в принципы налогообложения.

Одним из косвенных налогов фактически являлись поступления от торговли алкоголем, где до середины 1890-х гг. действовала акцизная система. С 1895 г. начинается введение государственной монополии на торговлю крепкими напитками. Непосредственное осуществление этой реформы Витте поручил все тому же Коковцову, назначив его председателем Совета по делам казенной продажи питей. К 1902 г. монополия была введена уже в 63 губерниях и 8 областях Европейской России и Западной Сибири, а к 1904 г. предполагалось распространить ее и на Восточную Сибирь³². В 1902 г. доход от казенной продажи питей уже составил 462 млн руб.,

или 25,6 % всех обыкновенных доходов бюджета Российской империи³³.

Аккумулируемые государством ресурсы разными путями направлялись на поддержку отечественной промышленности и увеличение масштабов железнодорожного строительства. С начала 1890-х гг. Россия переживает второй железнодорожный «бум»: за 1893–1903 гг. в эксплуатацию введено 25 366 верст путей, из которых 10 561 составляли казенные, а 14 805 – частные³⁴.

В феврале 1904 г. пост министра финансов занял Коковцов и почти все последующее десятилетие основы государственной экономической политики определялись им. Исключение составили лишь несколько месяцев с октября 1905 по апрель 1906 г., когда он из-за несовпадения взглядов с Витте, занимавшим тогда пост председателя Совета министров, вынужден был временно оставить свою должность. Но даже в это время он частично сохранял влияние на экономическую политику, оставаясь членом Комитета финансов и принимая участие в переговорах о крупном займе с французскими банковскими кругами.

Период министерства Коковцова в силу объективных обстоятельств был куда сложнее, нежели время управления Витте. Российская промышленность еще не оправилась от последствий глобального кризиса 1900–1903 гг. и находилась в состоянии депрессии. Владимир Николаевич занял свой пост через несколько дней после начала Русско-японской войны, вызвавшей необходимость менять бюджетную политику и находить ресурсы для компенсации резко возросших чрезвычайных расходов³⁵. С января 1905 г. к этим трудностям добавились революционные события, которые ухудшили общую экономическую конъюнктуру, подорвали собираемость многих доходов бюджета и осложнили поиск кредита. Затем революция привела к изменениям в государственном строе России, что заставило Министерство финансов приспособиться к новым условиям работы, предусматривавшим сотрудничество с законодательными палатами, и поначалу в связи с радикальным составом первых двух Государственных дум продуктивное взаимодействие откровенно не складывалось³⁶. А после установления нового строя началась реализация широких социальных реформ и модернизация вооруженных сил (и на то и на другое государство должно было понести колоссальные затраты). Чтобы сохранить устойчивость финансово-экономической системы в эпоху повышенной турбулентности, от министра финансов требовались недюжинные способности.

Необходимо отметить, что Коковцов не был склонен к развитию оригинальных экономических теорий, хотя его подготовка в этом отношении вряд ли уступала подготовке его предшественника. Витте, окончивший физико-математический факультет Новороссийского университета, постигал экономическую науку частично на практике, а частично путем самообразования. Обучение

Коковцова в Александровском лицее предполагало освоение главным образом правовых дисциплин, но в последние два учебных года ему также преподавали курсы политической экономии, государственных финансов и статистики. Окончательно же его идеалы в области экономической политики сформировались во время практической работы статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета (1890–1896) и товарищем министра финансов при Витте (1896–1902).

Коковцов никогда не скрывал, что не являлся новатором в деле управления финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны. Как и Витте, свою главную задачу в качестве министра финансов он видел в том, чтобы «сберечь, охранить и развить» то, что было сделано его предшественниками. Однако главным пунктом своей программы он называл уже не насаждение всеми средствами национальной промышленности, а стремление сохранять бюджетное равновесие, т. е. покрывать обыкновенные и, насколько возможно, чрезвычайные бюджетные расходы обыкновенными доходами, не прибегая к займам. «Таковую политику, – вспоминал он на закате жизни, – я всегда считал основой не только финансового, но и общего экономического благополучия государства»³⁷. К такому явлению, как бюджетный дефицит, он относился сугубо отрицательно, о чем в ноябре 1906 г. писал возглавлявшему правительству Столыпину: «Дефицит заставляет заключать тяжелые займы для его покрытия, нарушает правильность всех расчетов в государственном хозяйстве, подрывает доверие к государственному кредиту и колеблет народное хозяйство понижением расценки государственных бумаг, повышением ссудного процента и прекращением притока капиталов к производительным затратам. Свидетельствуя о финансовой и экономической слабости государства, дефицит умалывает и политический престиж его». Особое внимание Коковцов обращал на то, что внешние и внутренние политические осложнения могут дополнительно усилить негативные последствия бюджетного дефицита³⁸.

Практическому осуществлению принципа бюджетного равновесия в первые годы его министерства (1904–1908) мешали объективные обстоятельства, поскольку война и революция, с одной стороны, резко повысили расходы, с другой – вызвали снижение доходов, при том, что стагнация в промышленности продолжалась. Только после выхода страны из политического кризиса и в результате улучшения общего состояния экономики удалось восстановить бездефицитность бюджета. Начиная с 1909 г., государственная роспись выполнялась с профицитом (за исключением небольшого дефицита в 1912 г.) по сумме обыкновенных и чрезвычайных статей³⁹. В этом же году российское правительство заключило последний до начала Первой мировой войны прямой государственный заем. Кроме того, Министерство финан-

сов провело несколько операций по погашению государственного долга, благодаря чему его общая сумма сократилась с 9054 млн руб. (на 1 января 1910 г.) до 8824 млн руб. (на 1 января 1914 г.), причем уменьшилась и доля платежей по нему в бюджете страны⁴⁰.

Таким образом Витте и Коковцов были в общем солидарны в необходимости поддержания бездефицитного бюджета (хотя первый и не считал это категорически необходимым), но расходились в цели, ради которой оно осуществлялось. Для Витте стабильный бюджет и золотое денежное обращение служили условиями привлечения иностранного капитала в экономику России для стимулирования промышленности, в том числе через прямые государственные займы. Коковцов был убежден, что подобные займы вредны, так как ставят государство в подчиненное положение, но золотой стандарт сам по себе является «фундаментом промышленной и экономической деятельности»⁴¹, поэтому его нужно всеми средствами оберегать.

Тем не менее Коковцов старался в доставшихся ему условиях продолжать линию своего предшественника по защите отечественной промышленности. Выступая в 1912 г. перед элитой московского бизнеса, он заявил: «С той поры, как я стал заниматься промышленными и экономическими вопросами, я был, есть и буду убеждённым поборником покровительственной системы. Этого я никогда не скрывал, и считаю, что государство, ставшее 50 лет тому назад на путь ограждения собственной промышленности, такое государство не должно ломать этой линии, а должно вести её и дальше». Причем одним из главных инструментов защиты он назвал тарифную политику Министерства финансов⁴².

Впрочем, эти декларации не стоит переоценивать, тем более, что эта речь была адресована предпринимательским кругам. На заседаниях правительства риторика Коковцова могла существенно отличаться. Так, в августе 1911 г. он заявлял одному из коллег по кабинету: «Всякая отрасль промышленности может создаваться и поддерживаться только естественным путем, как результат спроса. При наличии благоприятных экономических условий соответствующая отрасль промышленности создаётся сама собой, при отсутствии же их она всегда будет влачить жалкое существование. <...> Искусственное насаждение промышленности, например, металлургической, ведёт всегда к последующим потрясениям»⁴³. А ведь, помимо намерений, необходимы еще и возможности для их осуществления. Витте проводил свою индустриализацию, не стесняясь выкачивать средства из сельскохозяйственного сектора. Бессмысленно рассуждать о том, продолжил бы его действия в этом направлении Коковцов, если бы находился в тех же исторических обстоятельствах. Известно, что одной из главных причин Первой русской революции являлся аграрный вопрос, по-

этому с 1906 г. правительство под руководством П. А. Столыпина пыталось осуществить в этой сфере масштабную реформу. В новых условиях ни один министр финансов (даже сам Витте) не смог бы противостоять переориентации акцентов государственной экономической политики.

А Коковцов совсем не был настроен в этом смысле радикально, на что уже давно обратили внимание специалисты. Так, Л. Е. Шепелёв утверждал, что Коковцов «выступал за параллельное с промышленностью развитие сельского хозяйства и ограничение казённого предпринимательства», и его отказ от активной финансовой политики (в смысле целенаправленного поощрения промышленности) «был вынужденным и в условиях того времени неизбежным»⁴⁴. В. С. Дякин на основе анализа государственных мероприятий в области сельского хозяйства пришел к выводу, согласно которому «Коковцов был последовательным сторонником промышленного развития страны и привлечения в этих целях иностранного капитала. В этом, как и в явно скептическом отношении к продуктивности усиленного привлечения вложений в сельское хозяйство, он продолжал линию Витте. Но Коковцов, во-первых, был против того форсированного индустриального развития, к которому прибегал Витте, создавая для целых отраслей промышленности условия всемерного благоприятствования. <...> Во-вторых, Коковцов действовал в условиях, когда политика насаждения промышленности изжила себя. С одной стороны, промышленность уже не нуждалась в государстве для привлечения иностранных капиталов, а с другой – достигла такого уровня, когда правительство, тем более оказавшееся в трудных финансовых условиях, и не могло содействовать их привлечению в нужных масштабах»⁴⁵. Интересно, что оба исследователя признавали соответствие финансово-экономической деятельности Коковцова той исторической обстановке, в которой она протекала.

Расхождение с Витте заключалось и в оценке самой роли государства по отношению к народному хозяйству. Коковцов не выступал принципиальным противником активного вмешательства власти в экономику, но считал, «что государство не должно быть монополистом, и что рядом с ведением казённого хозяйства в некоторых специальных областях должна быть всячески поощряема частная инициатива»⁴⁶. Среди таких «специальных областей», по его мнению, находилась сфера строительства и эксплуатации железных дорог, т. е. именно та отрасль, которая благодаря Витте с начала 1890-х гг. испытывала на себе особо активное вмешательство государства.

Интересно, что взгляды самого Сергея Юльевича на эту проблему претерпели определенную эволюцию. Начиная свою карьеру при Александре III, он выступал за создание железных дорог только на бюджетные средства и за постепенный переход частной железнодорожной сети в казен-

ную собственность. Однако в дальнейшем, оказавшись на посту министра финансов, Витте понял, что добиться необходимых темпов строительства новых дорог можно лишь методом параллельного развития частного железнодорожного хозяйства и казенного. При нем дополнительный приток инвестиций в строительство негосударственных путей стал обеспечиваться масштабной гарантией казны по облигациям, выпускаемым частными компаниями. Отрицательной стороной такой гарантии было фактическое превращение частных железнодорожных займов в государственные, но Витте доказывал, что это не отражается на общем кредите государства. Данные принципы были официально зафиксированы высочайше утвержденным положением Комитета министров в мае 1897 г.⁴⁷

Любопытно, что после внедрения такой системы темпы развития казенной железнодорожной сети России все равно опережали соответствующий показатель частной. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, за 1893–1897 гг. было введено в эксплуатацию 3339 верст казенных железных дорог (что в среднем составляло 667,8 версты ежегодно), а за 1898–1903 гг. – 7222 (1203,6 ежегодно). Частные дороги за 1893–1897 гг. увеличили свою протяженность на 6694 версты (1338,8 ежегодно), а за 1898–1903 гг. – на 8111 верст (1351,8 в год). Кроме того, за 1893–1903 гг. государство выкупило в свою собственность несколько линий частных обществ общей протяженностью в 13 849 верст. Национализация железнодорожных путей осуществлялась в тех случаях, когда та или иная компания не могла обеспечить их эффективную эксплуатацию и оказывалась не способна выплатить долг правительству по выданным ссудам и гарантии капиталов⁴⁸. Таким образом, попытки Витте стимулировать частную инициативу в деле развития железных дорог на практике не привели к революции в данной сфере, и государственный сектор здесь шел впереди.

Возглавив Министерство финансов, Коковцов настолько серьезно изменил принципы стимулирования железнодорожного строительства, что некоторые исследователи даже называют это самостоятельной программой⁴⁹. Предпринятые им меры должны были способствовать увеличению масштабов частного предпринимательства в железнодорожной сфере с параллельным снижением рисков для государства там, где это было возможно. В частности, 10 июня 1905 г. Николай II утвердил положение, составленное министром финансов, а затем совместно одобренное Департаментом экономии Государственного совета и Комитетом министров «О мерах к привлечению частных капиталов в дело железнодорожного строительства в России», предоставившее ряд дополнительных льгот частным компаниям. Стоит упомянуть и законопроект «О некоторых изменениях в условиях образования железнодо-

рожных предприятий», внесенный Коковцовым в третью Государственную думу в 1910 г. и предусматривавший ещё большие привилегии частным инвесторам, включая государственную гарантию не только облигаций, но и акций, хотя последний проект так и не был одобрен вплоть до его ухода с поста министра финансов в 1914 г.

Однако радикальных изменений в данной сфере вновь не произошло: темпы развития государственной доли железных дорог по-прежнему опережали соответствующий показатель частной: с 1904 по 1913 г. казенная сеть увеличилась на 7910 верст, в то время как частная всего на 2953 версты. Существенное замедление роста частного строительства объясняется тяжелым положением российской экономики в 1904–1908 гг., которое сильнее отразилось на частных предприятиях. Возможно, поэтому Коковцов старался всемерно поддерживать прежде всего именно второй тип железнодорожных обществ. На 1 января 1914 г. казенных линий, постройка которых уже была санкционирована правительством, но еще не осуществлена, было 1300 верст, в то время как аналогичных частных – 13 300 верст, т. е. в 10 с лишним раз больше. Помимо этого, объем средств, выделяемых из бюджета на казенные железные дороги и их подвижной состав, в 1904–1912 гг. постоянно снижался⁵⁰.

Витте и Коковцов по-разному смотрели на регулирование железнодорожной сферы еще в одном аспекте. Последний не считал безусловно необходимым перевод железнодорожных обществ из частной в государственную собственность (за исключением тех редких случаев, когда дорога имела военно-стратегическое значение). Вместо этого он старался поставить их деятельность в такие условия, чтобы она способствовала увеличению государственной выгоды. Коковцов использовал стремление частных компаний добиться отсрочки выкупа их предприятий государством, что предусматривалось для тех из них, чьи капиталы гарантировала казна. Во время перезаключения соглашений с действующими обществами или при создании новых Министерство финансов добивалось более широкого участия в прибылях предприятия, увеличения ведомственного контроля за расходованием строительных капиталов, гарантируемых государством, включения коронных чиновников в состав руководящих органов обществ и т. д. Помимо этого, основным условием перенесения выкупа на более поздний срок как правило являлось обязательство общества выстроить за свой счёт дополнительные пути⁵¹.

Фискальная политика Министерства финансов в данный период характеризуется тем, что новых прямых налогов не вводилось, были лишь немного повышены ставки промыслового налога, гербового сбора и пошлин с переходящих безвозмездно имуществ. К прямым налогам Коковцов относил и выкупные платежи, которые правительству вообще пришлось отменить по по-

литическим причинам в 1905 г., потеряв на этом около 90 млн. руб. ежегодных поступлений. Без учета выкупных платежей доля прямых налогов и пошлин в обыкновенном бюджете России принципиально не изменилась: в 1903 г. она составляла 11,9 %, а в 1913 г. – 14,8 %. Цикл реформ, осуществлявшихся правительством Столыпина, предусматривал и мероприятия финансового ведомства, среди которых были реформы налога с недвижимых имуществ, промыслового налога, наследственных пошлин и главное – введение прогрессивного подоходного налога с доходов, превышающих 1000 руб. в год. Все эти реформы должны были сделать податную нагрузку максимально соответствующей доходности облагаемых объектов. Однако в связи с упоминавшимися противоречиями между исполнительной и законодательной ветвями власти, а также по другим причинам реализовать удалось только реформу обложения городских недвижимых имуществ (закон 6 июня 1910 г.), тогда как остальные проекты на много лет застряли в законодательных палатах⁵².

Повышение косвенного обложения осуществлялось локальными мерами: в 1905 г. увеличены акцизы на пиво, дрожжи, нефтепродукты и спички, в 1909 г. – на табак и, кроме того, установлен налог на папиросные гильзы и бумагу⁵³. Коковцов, стоявший у истоков введения казенной винной монополии, продолжал считать ее целесообразной и финансово оправданной мерой, несмотря на резкую критику, все чаще раздававшуюся по этому поводу в обществе и законодательных палатах. В ведомственном издании, специально подготовленном им к 10-летию своей работы министром, он доказывал, что душевое потребление спиртного в России не растет (в последнее время оно даже снизилось, по сравнению с 1906–1907 гг.), а страна занимает по этому показателю предпоследнее место в Европе. Следовательно, он не видел причин отказываться от статьи, принесшей в 1913 г. 900 млн руб., или 26,3 % обыкновенных доходов государственного бюджета⁵⁴.

Забавно, что одним из главных критиков, выступавших в Государственном совете против «спаивания народа» в интересах пополнения бюджета, являлся не кто иной, как Витте. Он и другие оппоненты Коковцова, занимавшего с 1911 г. еще и пост председателя Совета министров, использовали питейный вопрос для настраивания общественного мнения против главы правительства. На этом фоне в январе 1914 г. интрига, развернувшаяся против Коковцова, привела к его отставке с обеих должностей, причем в своем письме по этому поводу Николай II обронил странную фразу: «За последние два года я не во всем одобрял деятельность финансового ведомства и сознаю, что дальше так продолжаться не может»⁵⁵. Какие конкретно поводы для неодобрения имелись в виду, царь не уточнил, но одним из них, безусловно, являлся пресловутый «пьяный

бюджет», по поводу которого тогда развернулась широкая капания в печати и в кулуарах.

Сменивший Коковцова на посту главы Министерства финансов П. Л. Барк начинал свою служебную карьеру именно в этом ведомстве. При Витте он занимал должности среднего звена, а в 1906 г. достиг поста товарища управляющего Государственным банком. После этого он ненадолго прервал государственную службу и несколько лет работал директором Волжско-Камского коммерческого банка. Но в 1911 г. Барка назначили товарищем министра торговли и промышленности, причем в правящих кругах многие были уверены, что его таким образом уже тогда готовили на место министра финансов (знал об этом и сам Коковцов)⁵⁶. Замена одного министра на другого 30 января 1914 г., как упоминалось выше, стала результатом масштабной интриги, в которой принимали участие многие влиятельные лица, в частности, С. Ю. Витте, В. П. Мещерский, Г. Е. Распутин, а ее центральной фигурой являлся главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин⁵⁷. Последний категорически разошелся с Коковцовым в пору совместной работы в кабинете Столыпина по вопросу о финансировании сельского хозяйства и теперь устранял препятствие для достижения своих амбициозных целей.

Смена министра финансов стала необходимостью, по мнению тех, кто её осуществлял, ради переориентации всей государственной экономической политики. «Новый курс» формулировался теперь преимущественно А. В. Кривошеиным, для которого назначенный председателем Совета министров И. Л. Горемыкин служил лишь ширмой. Уже в рескрипте на имя Барка (написанного Кривошеиным в присутствии Горемыкина⁵⁸) Николай II сетовал, что ему приходится наблюдать «печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств – неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжкую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита». «Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны, – указывал он новому министру, – от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных. А по сему необходимо направить финансовую политику к взысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа»⁵⁹.

Основываясь на этой санкции императора, правительство Кривошеина и Горемыкина планировало широкие изменения, к которым, помимо борьбы со «спаиванием народа», относились: 1) «национализация кредита» (отказ государства

работать с еврейскими и инородческими банками); 2) усиление казенного предпринимательства (особенно железнодорожного) и государственного вмешательства в частную торгово-промышленную деятельность; 3) масштабные меры, направленные на поддержку сельского хозяйства, в том числе реорганизация учреждений аграрного кредита⁶⁰.

Однако реализация этой программы с самого начала столкнулась с объективными трудностями, из-за чего некоторыми элементами пришлось пожертвовать практически сразу. Например, уже в феврале 1914 г. Барк успокоил представителей крупнейших банков, заявив, что правительство не будет следовать антисемитским лозунгам, а Государственный банк будет, как и прежде, предоставлять кредит без каких-либо ограничений по национальному признаку. К лету того же года верхи отказались от введения дополнительных ограничений прав евреев и иностранцев в акционерных предприятиях. Осуществлению же амбициозных планов Кривошеина по увеличению государственной поддержки сельского хозяйства помешала Первая мировая война⁶¹.

Единственной крупной реформой, которую удалось осуществить представителям «нового курса», стало введение «сухого закона». Характерная деталь: с момента своего назначения Барк не делал ничего для ее реализации, ограничиваясь локальными мерами по сокращению торговли спиртным. Очевидно, он просто не знал, как именно компенсировать потерю четверти доходов бюджета. Только с началом мобилизации в июле 1914 г. правительство запретило торговлю виноводочной продукцией в регионах, охваченных призывными мероприятиями, а 22 августа Николай II распространил запрет на всю империю и пролонгировал его действие до момента окончания войны. Этот популистский шаг, лишивший бюджет России, вступающей в мировую войну, одного из важнейших источников доходов, привел совсем не к тем результатам, которых желали достичь его инициаторы. Ликвидация казенной торговли спиртным, естественно, вызвала резкий рост самогонарения, потребления суррогатов, корчемства и массу негативных социальных последствий от этих явлений⁶².

В связи с началом войны Россия вынужденно отказалась от золотой валюты: 27 июля 1914 г. Государственный банк объявил о прекращении размена кредитных билетов на золото. А кроме того, военные нужды заставили вновь прибегнуть к прямым внешним государственным займам. Так были запущены процессы, которые позже привели рубль к безудержной инфляции и поставили все денежное хозяйство на грань крушения⁶³.

Бюджетные принципы Министерства финансов также претерпели трансформацию, по большей части вынужденную. С самого начала Барк собирался отказаться от жесткости Коковцова, проявляемой к коллегам по кабинету в виде мак-

симального сокращения расходов ведомственных смет. Неизвестно как далеко он зашел бы на этом пути в обычных условиях, но военное время само по себе требовало разумной экономии в сферах, не связанных напрямую со снабжением армии. Война заставила вернуться и к бюджетному дефициту. Более того, она привела к нарушению бюджетного единства, поскольку специально созданный фонд, за счет которого финансировались военные нужды, де-факто стал вторым расходным бюджетом. Система «двух бюджетов» привела к появлению фиктивных доходов от уплаты пошлин на казенные заказы или от казенных перевозок по железным дорогам, которые оплачивались за счет самого же казначейства. Дефицит обычного бюджета удалось постепенно преодолеть за счет увеличения налогов (преимущественно косвенных), причем большинство налоговых новшеств принимались без одобрения Думы и Государственного совета, в порядке чрезвычайного-указного законодательства. К редким исключениям из этого ряда относится закон о подоходном налоге от 6 апреля 1916 г., который Барку удалось с трудом провести через законодательные палаты. Однако практическому применению этого нововведения помешала Февральская революция⁶⁴.

Финансовая политика Барка оказалась весьма противоречивой в связи со сложностями беспрецедентной по своим масштабам и по размерам денежных затрат войны. Изучив ее принципы во всех подробностях, С. Г. Беляев пришел к следующему выводу: «Ряд объективных причин способствовал ухудшению финансового положения России, как и других воюющих держав. Россия не могла избежать краха золотого стандарта, инфляции, роста государственного долга, упадка производства и прочих негативных факторов, связанных с военными действиями. Что же касается субъективных факторов, то, с одной стороны, П. Л. Барк сумел обеспечить казну необходимыми средствами для ведения боевых действий, с другой стороны – проводимая им налоговая политика отличалась известной хаотичностью и непоследовательностью, опиралась на старые и самим же финансовым ведомством осуждаемые методы, основанные на приоритете косвенного обложения»⁶⁵.

Исходя из изложенного, стоит заключить, что говорить о совершенной последовательности и преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху царствования Николая II не приходится. Отчасти это объясняется разницей во взглядах на цели и задачи государства в народно-хозяйственной сфере тех лиц, которые возглавляли Министерство финансов. Но гораздо большее влияние на деятельность ведомства оказывали объективные условия. Витте работал в эпоху экономического подъема, только в последние три года сменившегося кризисом (1900–1903), и относительного

внутреннего и внешнего спокойствия. Такая обстановка позволяла реализовать программу государственной индустриализации, пусть и не в том объеме, который был запланирован этим министром. Коковцову сначала пришлось решать задачи по спасению денежно-финансовой системы в эпоху Русско-японской войны и Первой русской революции, а затем изыскивать средства на обеспечение широкомасштабной модернизации страны, носившей одновременно политический, социальный и экономический характер. На долю Барка выпала труднейшая задача руководить финансами во время невиданной до этого по своим масштабам войны, когда вся экономическая политика была вынужденно переориентирована на военные потребности.

Активное вмешательство государства в экономику, декларированное Витте, не стало символом веры для Коковцова, который не считал нужным искусственно наращивать казенный сектор, тем более что в обстановке борьбы населения за политические свободы это вряд ли было возможно. Зато во время Первой мировой войны такая идея возродилась вновь, но уже не в смысле искусственного насаждения национальной промышленности, а в смысле мобилизации государством всех ресурсов ради победы. В 1906–1914 гг. в приоритетах экономической политики наметился было перелом, результатом которого могло бы стать повышенное внимание уже не к индустриальному, а к сельскохозяйственному сектору. Но этому помешала сначала смерть П. А. Столыпина, а затем опять-таки наступление военного времени. Так что, в отличие от Витте, Коковцову и Барку в их деятельности больше приходилось следовать прагматическим соображениям настоящего момента, нежели отвлеченным экономическим теориям.

Примечания

- 1 *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II : в 2 т. М. : Феникс, 1992. Т. 1. С. 31.
- 2 См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 140–144.
- 3 *Долакова М. И.* Социально-экономические реформы С. Ю. Витте, 1892–1903 гг. СПб. : Инфо-да, 2005. 103 с.
- 4 *Долакова М. И.* Финансовая политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX века. М. : АПКИППРО ; Academia, 2011. 208 с.
- 5 *Мельников М. В.* Финансовая политика России в конце XIX века. Путь к золотому рублю. Ковров : КГТА, 2005. 300 с.
- 6 *Мельников М. В.* Финансовая политика России в начале XX века. Эпоха золотого рубля. Ковров : КГТА, 2007. 457 с.
- 7 *Мельников М. В.* Финансовая политика России во второй половине XIX – начале XX в. : проблема становления золотого денежного обращения : дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. 596 с.
- 8 *Гиндин И. Ф.* Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2006. № 12. 2007. № 1–11.
- 9 См.: *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 343.
- 10 См.: *Зайцев М. В.* Изучение государственной и общественной деятельности В. Н. Коковцова в современной российской историографии // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. 2017. № 1 (250), вып. 41. С. 123–132.
- 11 *Беляев С. Г. П. Л.* Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. 619 с.
- 12 *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Л. : Наука, 1970. С. 19–20.
- 13 *Шепелёв Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука, 1981. С. 193–194, 204–210.
- 14 *Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю.* Витте – финансист, политик, дипломат. М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. С. 13–16.
- 15 *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 67–68.
- 16 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. С. 504.
- 17 Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определённой программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 6. С. 177.
- 18 Цит по : *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. / Ю. П. Бокарев, А. Н. Боханов, Л. А. Катыхова и др.* М. : Прогресс–Академия, 1994. С. 119.
- 19 *Степанов В. Л.* Предпосылки денежной реформы С. Ю. Витте : политика министра финансов И. А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.
- 20 *Степанов В. Л. С. Ю.* Витте – наследник Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 38–42.
- 21 Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II... С. 175.
- 22 *Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце : воспоминания министра иностранных дел. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 47–48.
- 23 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого : правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. С. 545.
- 24 Министерство финансов. 1802–1902. II Ч. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. С. 646–649.
- 25 *Шепелёв Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 176–180, 223–226.
- 26 *Корелин А. П. С. Ю.* Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3. С. 48–53.

- ²⁷ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 70–73.
- ²⁸ Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. С. 115–139.
- ²⁹ Байбиков В. Ю. Денежная реформа С. Ю. Витте в оценке консерваторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 52–57.
- ³⁰ Степанов В. Л. А. Д. Нечволодов : критика денежной реформы С. Ю. Витте и апология номинализма // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4 (9). С. 141–150.
- ³¹ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. II. С. 640, 646.
- ³² Корелин А. П. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. II. С. 646.
- ³⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.
- ³⁵ См. подробнее : Зайцев М. В. Министерство финансов России в период Русско-японской войны (изыскание средств для покрытия военных расходов) // Клио. 2002. № 2 (17). С. 88–95.
- ³⁶ См. подробнее : Зайцев М. В. Министерство финансов Российской империи и Государственная дума I–II созывов : взаимодействие в законодательной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 147–155. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-147-155>
- ³⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. : в 2 кн. М. : Наука, 1992. Кн. 2. С. 302.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 298. Л. 5 об.
- ³⁹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 44–45.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 6. Л. 60 ; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1913 г. СПб., 1913. С. 52–53 ; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 40–41, 58–59, 77, 80–81.
- ⁴¹ Промышленность и торговля. 1912. № 8. С. 394.
- ⁴² Там же. С. 397–398.
- ⁴³ Цит. по : Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / отв. ред. В. С. Дякин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 428–429.
- ⁴⁴ Шелелёв Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 127.
- ⁴⁵ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. : Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 195–196.
- ⁴⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 304.
- ⁴⁷ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 414 (А. В. Ивановский). К. 2. Д. 2 (Воспоминания А. В. Ивановского). Л. 149–150.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцова). Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.–4.
- ⁴⁹ См.: Катарин Д. Н. С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и реформы железных дорог в Российской империи в 1902–1913 гг. // Пятнадцатые Романовские чтения : всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург – Алапаевск, 16–17 июля 2015 г.) : материалы. Екатеринбург : Квадрат, 2015. С. 105–113.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 966 (В. Н. Коковцов). Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.–6, 8–8 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 7–9, 12–20 об.
- ⁵² Министерство финансов. 1904–1913. [СПб. : Б. и., 1914]. С. 101–110.
- ⁵³ Там же. С. 113.
- ⁵⁴ Там же. С. 6, 120–121.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 1115. Л. 1–2.
- ⁵⁶ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 243.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 892 (А. А. Гирс). Оп. 1. Д. 61. Л. 8 а–8 а об., 11 об.
- ⁵⁸ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж : Imprimerie RIUF, 1973. С. 179.
- ⁵⁹ Высочайший рескрипт, данный на имя управляющего Министерством финансов П. Л. Барка // Голос долга. 1914. № 2. С. 143–144.
- ⁶⁰ Дякин В. С. Указ. соч. С. 327–329.
- ⁶¹ Там же. С. 327–339.
- ⁶² Аксёнов В. Б. «Сухой закон» 1914 года : от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.
- ⁶³ Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. С. 175–181.
- ⁶⁴ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 547.
- ⁶⁵ Там же. С. 549.

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 30.03.2021 принята к публикации 12.04.2021
Received 01.03.2021, revised 30.03.2021, accepted 12.04.2021

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 315–319

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 315–319
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-315-319>

Научная статья
УДК 94(437.6+439)14|+929Ян Искра

Ян Искра из Брандиса и его роль в социально-политической борьбе в Словакии и Венгрии в 1440–1460-е годы

Н. А. Смирнов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Смирнов Никита Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории, nicitasmirnov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2122-6602>

Аннотация. В статье рассматривается деятельность чешского рыцаря Яна Искры из Брандиса в Словакии и Венгрии в 1440–1460-е годы. В условиях резкого обострения социально-политической борьбы он сумел приобрести значительное влияние и утвердить власть над большей частью территории современной Словакии. Автор выявляет причины возвышения Искры, а также обстоятельства утраты им завоеванных позиций после 1453 г.

Ключевые слова: Ян Искра, Словакия, Венгрия, движение «братриков», социально политическая борьба

Для цитирования: Смирнов Н. А. Ян Искра из Брандиса и его роль в социально-политической борьбе в Словакии и Венгрии в 1440–1460-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 315–319. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-315-319>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Jan Iskra from Brandis and his role in the social and political struggles in Slovakia and Hungary in the 1440–1460s

N. A. Smirnov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

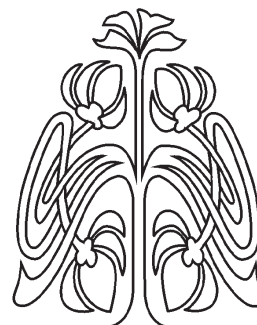
Nikita A. Smirnov, nicitasmirnov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2122-6602>

Abstract. The article examines the activities of the Czech knight Jan Iskra of Brandis in Slovakia and Hungary in the 1440–1460s. In the conditions of a sharp aggravation of the socio-political struggle, he managed to gain significant influence and assert power over most of the territory of modern Slovakia. The author reveals the reasons for the rise of Iskra, as well as the circumstances of the loss of his conquered positions after 1453.

Keywords: Jan Iskra, Slovakia, Hungary, the “Bratrikov” movement, social and political struggle

For citation: Smirnov N. A. Jan Iskra from Brandis and his role in the social and political struggles in Slovakia and Hungary in the 1440–1460s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 315–319 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-315-319>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В XIV–XV вв. на арене истории появился новый тип правителей. Никколо Макиавелли писал, что они получали власть «чужим оружием или милостью судьбы»¹. Обычно это были военные руководители, не отличавшиеся знатностью происхождения, но достаточно амбициозные, чтобы воспользоваться нестабильной ситуацией в той или стране и с помощью верных им войск захватить власть. В качестве примеров таких правителей Макиавелли приводит Франческо Сфорца и Чезаре Борджа². Однако это явление имело место не только в государствах Апеннинского полуострова, но и далеко за его пределами – в странах Центральной Европы (Чехии и Венгрии), переживавших в XV в. период резкого обострения социальных противоречий и политической нестабильности. В судьбе одного из самых ярких персонажей эпохи – Яна Искры из Брандиса – тесно переплелись судьбы обоих названных государств.

Ян Искра, представитель не очень знатного чешского рода, встав во главе отрядов таборитов, оставшихся в словацких землях (Верхней Венгрии, по терминологии того времени) после поражения в битве при Липанах (30 мая 1434 г.), сумел на несколько лет захватить власть над большей частью территории современной Словакии.

Нам мало известно о жизни Искры до его появления в Словакии. Многие документы, касающиеся деятельности этого рыцаря, до сих пор остаются неопубликованными и хранятся в архивах³. Он происходил из моравской ветви рода Брандис. Его семья была тесно связана с епископами Оломоуца. Как это повлияло на религиозные взгляды Искры, неизвестно. Вопрос о его убеждениях остается открытым, по крайней мере, будущий папа римский Пий II, Эней Сильвий Пикколомини в своем произведении «О знаменитых мужах» не упоминает о каких-либо отклонениях взглядов Искры от официального католицизма. Пикколомини описывает его как человека среднего роста, темноволосого, не брившего бороду, не лишённого чувства юмора. Как отмечает Эней Сильвий, Искра не отличался особой жадностью, но в то же время был склонен к пышности и великолепию⁴. Чешскому кондотьеру, по мнению итальянского писателя-гуманиста, не было свойственно трудолюбие, но в трудные минуты он умел собраться и проявлял незаурядную волю и энергию в достижении поставленных целей⁵.

Военный опыт Искра получал в годы Гуситских войн, сражаясь под руководством таборитских гетманов Яна Жижки и Прокопа Великого. В 1430-х гг. Искра расширил круг военных знаний и навыков, поступив на службу Венецианской республике⁶.

Возможно, Ян Искра служил в наемных войсках Сигизмунда Люксембургского, императора Священной Римской Империи, короля Чехии и Венгрии. Однако документ короля Сигизмунда, изданный в Праге 26 марта 1437 г., в котором

монарх обратился к городу Шопрону по вопросу об обеспечении припасами 12 кораблей, приготовленных для похода по Дунаю из Братиславы на Белград, прямо не упоминает Искру по имени. Упоминается только звание командира – капитана таборитов и остается неясным, был ли это именно Искра или кто-то другой⁷.

Первое задокументированное упоминание о деятельности Искры в Словакии датируется 22 августа 1440 г., когда он был взят в плен вместе с небольшой группой вооруженных людей перед укрепленным монастырем влиятельного и могущественного бенедиктинского аббатства св. Микулаша. Затем Искра был освобожден из заточения в одном из замков венгерского магната Понграца в обмен на обещание сражаться под его командованием против турок⁸.

Ян Искра сыграл важную роль в борьбе за власть, развернувшуюся в Венгерском королевстве после неожиданной смерти (27 октября 1439 г.) короля Альбрехта II (правил в 1437–1439 гг.). Политическая элита королевства разделилась тогда на «партию двора», которая видела королем еще не родившегося сына Альбрехта, Ладислава Постума, и «магнатскую партию», стремившуюся посадить на трон польского короля Владислава III Ягеллона. «Партию двора» представляли люди, тесно связанные с ушедшим из жизни королем, а «партию магнатов» в основном составляли военные аристократы, которые надеялись укрепить свое положение при новом правителе.

Несмотря на принадлежность к рыцарскому сословию, Искра не мог считаться аристократом и поэтому поддержал Ладислава. Вдова Альбрехта – королева Елизавета – наняла Искру и войска гуситов, которые стали основой ее военной силы. Королева передала в дар Искре свое имение, находившееся на территории Словакии, однако владение это предстояло отвоевать у противника.

Ладислава Постума (родился 22 февраля 1440 г.) короновали в четырехмесячном возрасте. Правила вместо него мать – королева Елизавета. Менее чем через месяц был коронован и его соперник Владислав, причем обряд коронации проводил один и тот же архиепископ⁹. Польскому королю пришлось довольствоваться копией короны святого Стефана, так как реликвия находилась в руках королевы. Таким образом, в Венгерском королевстве возникло двоевластие, и Ян Искра воспользовался возможностями, которые предоставляла ему эта ситуация.

За короткое время войскам Искры без особого сопротивления удалось захватить большую часть территории Словакии, включая важные торговые и горнопромышленные города. Войска Владислава в это время были заняты наведением порядка на подвластной ему территории Венгрии и борьбой с турецкой угрозой. В 1440 г. Искра получил титул верховного королевского гетмана

и графа Шаришского, а в 1441 г. – гетмана области Верхняя Крайна¹⁰. Ближайшими соратниками Яна Искры были поляк пан Коморовский, владевший в Словакии одиннадцатью округами, пан Панкрац из Липтовского Микулаша и пан Ян Талафуз¹¹. Искру поддерживали многие мелкие феодалы Словакии, видевшие в ослаблении венгерских магнатов возможность вернуть утраченные или даже приобрести новые земельные владения. Много союзников было у него и в словацких городах, развитию которых препятствовала политика венгерских феодалов.

После смерти королевы Елизаветы 17 декабря 1442 г. Искра, желая придать своему положению в Словакии законную основу, обратился за помощью к императору Священной Римской империи Фридриху III и получил от него поручение защищать интересы Ладислава, пока тот учился в Вене. Около 15 августа 1443 г. Искра занял замок Спишский Град, куда капитан замка Петр Баск незадолго до этого перевел архив Спишского капитула – наиболее ценные документы, связанные с государственными делами и земельной собственностью (капитул выполнял функции государственного нотариата)¹². Обладание этими документами предоставило в руки Искры рычаг давления на магнатов и значительно укрепило его власть в Спише. Во время переговоров с епископом Эгерским, представлявшим другого претендента на Венгерский трон, Владислава III, Искра был признан юридически равным венгерским магнатам. В качестве предварительного условия 1 сентября 1443 г. в Спишска-Нова-Вес был заключен мир сроком на один год, признавший за Искрой все завоевания, совершенные им к тому времени.

В 1444 г. польский король Владислав погиб в битве против турок под Варной. Таким образом, двоецарствие закончилось, и королем Венгрии был признан Ладислав Постум. Парламент королевства признал, что действия Искры внесли наибольший вклад в утверждение Ладислава на королевском престоле. Выборы главных капитанов подтвердили это. Семеро из них были назначены управлять страной, пока король был несовершеннолетним. Придворная партия Ладислава состояла из Яна Искры, Понграка и Имриха Бубека. Под их властью находилась Словакия. Однако важную должность получил и сражавшийся ранее на стороне Владислава III воевода Трансильвании Янош Хуньяди.

Хуньяди стал быстро укреплять свое положение, что вскоре привело к конфликту с Яном Искрой. 6 июня 1446 г., управление страной во время малолетства Ладислава было поручено Яношу Хуньяди, получившему титул «губернатор». Хуньяди стал предпринимать попытки ослабить или отстранить от власти Габсбургов и Искру и захватить венгерский престол в свои руки. Однако освободиться от присутствия Искры было не так-то просто. Получивший собственность от королевы

Елизаветы, он был как землевладелец защищен соответствующими правами. 13 сентября 1446 г. на переговорах с магнатами и прелатами в Буде Искра потребовал подтверждения своих прав со всеми привилегиями урожденного в Венгрии землевладельца. Сила и самостоятельность Искры подтверждаются тем фактом, что в 1446 г. в Кремнице он начал чеканить монету от имени короля¹³. Помимо этого, люди Искры построили по всей горной части современной Словакии – так называемому Высокогорью – небольшие укрепления (баститы), которые облегчали контроль над сельской местностью и защиту приносивших большой доход горнорудных городов от вражеских нападений¹⁴.

Создание Кременецкого монетного двора было очень важным шагом, так как позволяло чеканить высококачественные дукаты, что обеспечивало стабильность оплаты службы для самого Искры и его воинов. Благодаря этому он мог платить своим войскам щедро и пунктуально, что способствовало быстрому пополнению его армии¹⁵. К ней присоединялись, помимо бывших таборитов, словаки, русины, немцы, поляки и венгры. Важную роль для Искры играла поддержка горнорудных городов Словакии. В 1452 г. они заключили с Искрой договор, признали его гетманом и предоставили в его распоряжение значительные материальные средства.

Хуньяди, исчерпав законные методы борьбы, не переставал интриговать против Искры и в конце концов перешел к силовым методам достижения своих целей. Четыре военные кампании, проведенные Хуньяди против Искры в 1447, 1449, 1451 и 1452 гг., не увенчались успехом.

В 1453 г. Яношу Хуньяди удалось собрать против Искры коалицию магнатов. По решению сейма земли Яна Искры были конфискованы и пожалованы графу, наставнику короля Ульрику Циллеи. Искра был вынужден удалиться в Польское королевство, где успешно служил королю Казимиру IV Ягеллончику. Оставшиеся не у дел его войска в Словакииполнили ряды движения «братриков».

«Братриками» принято называть разрозненные отряды гуситов, действовавшие на территории Словакии в течение нескольких десятилетий по окончании гуситских войн и придерживавшиеся взглядов таборитов. Их ядром были бывшие гуситы, оставшиеся и осевшие в словацких землях после битвы при Липанах.

Войска Искры во многом состояли из представителей этого движения, которое он поддерживал финансово и политически. Отъезд Искры в Польское королевство заставил его воинов объединиться с «братриками», сохранявшими независимость. Энергичные усилия бывшего гетмана Искры Петра Аксамита по объединению движения привели к тому, что их влияние резко возросло. Действия «братриков» вышли далеко за пределы Венгерского королевства¹⁶. В 1453 г.

король Ладислав, напуганный распространением движения не только в Словакии, но и в Польше и Австрии, вернул Искру в администрацию Спиша, Шариша и нескольких горных городов. После возвращения Искры часть «братриков» вернулась к нему на службу, но добиться решительного успеха в борьбе с ними не удалось.

В 1455 г. Искра вернулся в Венгерское королевство, когда Ульрик Цилли призвал его для борьбы с младшим сыном Хуньяди Ладиславом. Последний был посажен под арест в Праге, а Ладислав был пленен и позже казнен¹⁷. Искра принял самое активное участие в этой борьбе, затем разбил недовольные войска сторонников проигравшей стороны.

После смерти в ноябре 1457 г. Ладислава V в Вене и избрания королем Чехии Йиржи из Подебрада, дочь которого была обручена с другим сыном Хуньяди, Матвеем Корвином, Искра вновь оказался в сложном положении, и его единственными союзниками внутри страны оказались «братрики». Ожесточенные сражения начались в Спише и Шарише, а сам Искра стал искать поддержки польских панов и части венгерских магнатов¹⁸. Он обратился за помощью к королю Казимиру IV, который был одним из главных претендентов на королевский трон Венгрии. Однако эти замыслы были сорваны избранием на венгерский престол сына Яноша Хуньяди Матвея.

Матвей (Корвин) стал королем 1 января 1458 г. На несколько ближайших лет Искра удался из венгерской политики и поддерживал польского короля Казимира, участвуя в войнах против рыцарей Тевтонского ордена. О том, насколько удачной была дипломатическая деятельность Искры, можно судить по тому, что он выступил посредником в заключении мира между польским королем и немецкими крестоносцами¹⁹.

Вновь вернулся в Словакию Ян Искра в 1459 г. Помимо продолжения борьбы с Матвеем Корвином, он под предлогом наведения порядка в своих владениях активно боролся с отрядами «братриков».

В 1462 г. Матвей Корвин и Искра примирились. Искра признал права Корвина на корону и сдал ему все замки, которыми владел. В свою очередь, он был принят с частью войск на королевскую службу. Помимо этого, Искре был пожалован титул барона, а также два замка на юге Венгрии и 40 тыс. золотых дукатов²⁰.

В дальнейшем Искра служил королю в походах против турок, а также в нескольких дипломатических миссиях в Константинополе, где и умер около 1470 г.

Таким образом, Яна Искру можно назвать ярким представителем той плеяды военачальников последних столетий Средневековья, которые взяли в свои руки государственную власть, не обладая достаточно знатным происхождением. Это

явление было закономерным следствием охватившего страны Европы процесса разложения основ средневекового общества.

В странах Центральной Европы XV в. к числу политических деятелей этого типа можно отнести выдающихся полководцев эпохи гуситских войн, включая гетмана таборитов Яна Жижку, господаря Валахии Влада Цепеша. Королевской короной были увенчаны не принадлежавшие к королевским династиям «гуситский король» Иржи Из Подебрад в Чехии и сын главного противника Искры в Венгрии Яноша Хуньяди Матвей Корвин.

Все они сумели воспользоваться складывавшимся положением и заняли гораздо более высокое место в обществе, нежели то, на которое могли рассчитывать согласно своему происхождению. Сложное состояние общества давало возможность энергичным и даровитым военачальникам вынашивать и осуществлять честолюбивые планы. Трудно не признать, что Ян Искра был незаурядной личностью, которую отличало редкое умение извлекать выгоду даже из поражений и, пользуясь военными и дипломатическими средствами, оперативно реагировать на постоянные изменения политической ситуации.

Примечания

- 1 Макиавелли Н. Государь. История Флоренции / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Рыковой. М. : Наука, 2018. С. 48.
- 2 Там же. С. 49.
- 3 См. : *Faist M.* Jan Jiskra z Brandýsa – zachránce uherského trůnu Ladislava Pohrobka 1440–1445 // *Historica Olomucensia*. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci. 2014. Sv. 46. S. 13–38.
- 4 *Olansky F.* The Role of John Jiskra in the history of Slovakia. URL: <http://www.dejiny.sk/mikro/Slide/jiskra.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
- 5 *Silvius Aeneas.* De viris illustribus // *Palacký F.* Die Reise nach Italien im Jahre 1837. Praha : Bei Kronberger's Witwe und Weber, 1838. S. 116–118.
- 6 *Olansky F.* Op. cit.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid.
- 9 См. : История Словакии / под ред. Ю. В. Богданова. М. : Евролинц, 2003. С. 115.
- 10 См. : История Чехословакии : в 2 т. / под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М. : Издательство АН СССР, 1956. Т. 1. С. 195.
- 11 Там же.
- 12 *Olansky F.* Op. cit.
- 13 См. : История Венгрии : в 3 т. / под ред. Т. М. Исламова, А. И. Пушкаша, В. П. Шушарина. М. : Наука, 1971. Т. 1. С. 209.
- 14 *József Bokor Giskra* // Большой энциклопедический словарь Паллаша. URL: <http://mek.oszk.hu/00000/00060/html/041/pc004107.html#5> (дата обращения: 01.02.2021).

- ¹⁵ Ján Jiskra – kapitánmesta Košice. URL: <http://www.cassovia.sk/ktobolkto/jiskra/> (дата обращения: 01.02.2021).
- ¹⁶ Ratkoš P. Husitskérevolučnéhnutie a Slovensko // Mezinárodní Ohlas Husitství. Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1958. S. 45–46.
- ¹⁷ History of Hungary // Энциклопедия Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Hungary/History#ref411152> (дата обращения: 01.02.2021).
- ¹⁸ См.: Шумов С. А., Андреев А. П. История Словакии. V–XX века. М. : Белый волк, 2000. С. 131.
- ¹⁹ Jurok J. Čeští husitští a katolíctví kondotiéri z Moravy na Slovensku v 15. století (období bratříků) // Vojenská História. Bratislava : Vojenský historický ústav, 2005. Č. 4. S. 6–7.
- ²⁰ См.: История Словакии / под ред. Ю. В. Богданова. М. : Евролинц, 2003. С. 119.

Поступила в редакцию 18.02.2021 после рецензирования 25.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 18.02.2021, revised 25.02.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–329

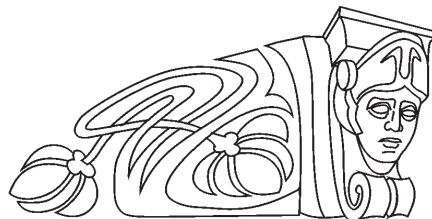
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–329

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

Научная статья
УДК 94(410)“1”

Женщины в социальной жизни средневекового города (на материале Лондона XIV–XV веков)

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>

Аннотация. На материале оригинальных источников в статье рассматриваются место и роль женщины в социальной жизни Лондона XIV–XV вв. Показано, что, несмотря на зафиксированные обычаями и законами ограничения на социальную активность женщин, диапазон занятий горожанок – жен и вдов – был необычайно широк. Это ремесло и торговля, включая право обучать учеников, операции с недвижимостью и финансовые сделки. Женщины не просто помогали мужчинам в ремесленном цехе или торговой лавке, но и трудились самостоятельно. Статус женщин, особенно замужних, избравших участие в торговле или в городском производстве в качестве основного занятия, никогда не был полноценным. Существенное ухудшение положения женщин в публичной сфере Лондона произошло в XVI в. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на все трудности, постепенно в условиях города выработывался новый тип женщины – энергичной, предприимчивой, образованной, которая выступала в обществе как самостоятельная глава семьи и бизнеса.

Ключевые слова: средневековый город, Лондон, XIV–XV вв., горожанка, жена, вдова, торговля, ремесло, сделки с недвижимостью, финансы и кредит

Для цитирования: Чернова Л. Н. Женщины в социальной жизни средневекового города (на материале Лондона XIV–XV веков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–329. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women in the social life of a medieval town (based on the material of London in the 14th–15th centuries)

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>

Abstract. The article examines the place and role of women in the social life of London in the 14th–15th centuries based on the material of the original sources. It is shown that, despite the restrictions fixed by custom and laws on the social activity of women, the range of occupations of the townswomen – wives and widows – was unusually wide. It is craft and trade, including the right to take apprentices, real estate transactions, and financial deals. Women did not just help men in the craft or trade shops, but also worked independently. The status of women, especially married women, who chose to participate in trade or in town production as their main occupation, was never fully developed. A significant degradation in the position of women in the public sphere in London occurred in the 16th century. The author concludes that, despite all the difficulties, a new type of woman was gradually developed in the city – energetic, enterprising, educated, who acts in society as an independent head of the family and business.

Keywords: medieval town, London, 14th–15th centuries, townswoman, wife, widow, trade, craft, real estate transactions, finance and credit

For citation: Chernova L. N. Women in the social life of a medieval town (based on the material of London in the 14th–15th centuries). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-320-329>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Как известно, гендерные модели конструируются обществом, предписываются существующими институтами социального контроля и культурными традициями¹. В этом смысле Средневековые осознавали себя «мужским» обществом, в котором доминировал деятельный мужчина, а интересы женщины, для которой не предусматривалось места в публичных сферах, ограничивались домом, семьей и церковью. Дискриминация женщины имела место во всех слоях общества. В сочинениях богословов господствовали антифеминные суждения, подчеркивалась особая приверженность женщин к греху, отмечалась необходимость мужской (отца, а затем мужа) опеки над ними. В светской модели мира приниженность женщин также не вызывала сомнений, что наглядно отразилось, например, в утвердившемся агнатическом счете родства, определившем власть мужа над женой, детьми и всеми домочадцами. Для социокультурной оценки места и роли женщин характерно то, что с появлением второго имени (rpenom) и жена, и дети нарекаются «фамилией» мужа и отца². Статус женщин определялся по отцу и мужу: дочь, супруга или вдова. Показательны в этом отношении завещания горожанок Лондона. Оформляя свою последнюю волю, они обязательно идентифицировали себя с мужчиной – мужем и (или) отцом. В частности, в самом начале своего завещания от 24 июня 1332 г. Изабелла указала, что она – «последняя жена Джона де Райтли, торговца сыром»³, а в завещании, датированном 25 октября 1400 г., Маргарет позиционировала себя как «вдову Джона Брэдфорда, а прежде жену Адама де Уимдэма, торговца шелковыми и бархатными тканями, дочь Ричарда Стондона»⁴.

Однако надо признать, что функционирование общественной, «мужской», сферы во многом зависело от созидательной деятельности женщин в частной жизни, от ее участия в повседневном управлении семейным хозяйством. Не случайно уже в XII в. повышается престиж женщины – хозяйки дома. Кроме того, женщины имели возможности неформального влияния на поведение мужчин, подкрепляя или корректируя их публичные действия. Именно женщины служили эффективным инструментом, при помощи которого мужчины скрепляли деловые и политические союзы⁵. Безусловно, реалии жизни были гораздо многообразнее и далеко не всегда укладывались в рамки общественных установок и нормативов. Об этом свидетельствуют примеры из жизни горожанок Лондона, женщин хотя и не знаменитых, но выдающихся в своем роде.

Социальная жизнь Лондона в XIV–XV вв. была необычайно разнообразной и сложной. В данной статье остановимся лишь на тех ее аспектах, которые имеют отношение к горожанкам и отражены в материалах находящихся в нашем распоряжении источников.

Город значительно изменил структуру занятий женщин, социальные функции которых ста-

новились все более многоплановыми. Несмотря на официальное неприятие активной деятельности женщин в любой сфере, кроме дома, спектр занятости горожанок был достаточно широк.

Как показывают завещания, женщины были вплетены в социальную ткань Лондона множеством нитей. Они оставляли своим наследникам не только предметы, относящиеся к домашнему хозяйству, одежду и украшения, но также дома, усадьбы, ренты, торговые лавки, пивоварни, пекарни, гостиницы, товары и пр. Так, Изабелла, жена Джона де Райтли, торговца сыром, 24 июня 1332 г. завещала старшему сыну «свою пекарню», а младшему – «свою пивоварню» со всеми принадлежностями: медными и оловянными сосудами и утварью, чашей, кувшином, большим баком и другими емкостями⁶. Вдова Маргарет Брэдфорд оставила по завещанию от 25 октября 1400 г. торговую лавку в приходе св. Маргарет на Лосбари, земли и строения в двух приходах, а также строения еще в двух лондонских приходах⁷. А вдова Джоанна Персон 5 января 1449 г. завещала гостиницу в приходе св. Этельбурги⁸.

Важно, что горожанки могли самостоятельно заниматься производством товаров или услуг. Т. Б. Рябова приводит перечень наиболее распространенных среди женщин средневекового города занятий: изготовление свечей, обуви, одежды, галантерейных (например, шляпок, перчаток) и скорняжных товаров, скобяных изделий (иглолок, булавок, ножниц и ножей), продуктов питания. Горожанки держали постоянные дворы, таверны, были ювелирами, менялами, уличными торговцами, мойщиками, привратниками, банщиками, врачами, мельниками, иллюстраторами книг, переплетчиками и позолотчиками, жонглерами, музыкантами и акробатами. Сохранились упоминания даже о женщинах-кузнецах и каменщиках⁹.

Социальной активностью отличались не только вдовы, но и замужние горожанки, хотя объем прав и степень свободы, которыми они обладали, различались.

Еще в XIII в. в общем праве Англии утвердилась теория супружеского единства, согласно которой в браке муж и жена становятся «одной плотью» (one flesh). Это означало, что правосубъектность жены сливалась с правосубъектностью мужа: жена взяла фамилию мужа и больше не являлась юридическим лицом. Однако степень применения данной теории различалась в зависимости от того, шла речь о недвижимости (земле и пр.) или личной собственности (движимом имуществе, включая товары).

Общее право Англии по понятным причинам больше заботилось о земле, чем о движимости, поскольку в средневековом обществе именно земля была важнейшим источником богатства и статуса. В отношении недвижимой собственности замужней женщине предоставлялась некоторая свобода: она никогда не могла действовать независимо от своего мужа и не имела контроля

над его землями, но имела право претендовать на треть из них после его смерти. Над своими собственными землями (полученными в качестве приданого или другого наследства) она сохраняла право вето и могла восстановить контроль над ними, когда станет вдовой. Более того, ей разрешалось оставаться в главном доме ее покойного мужа в течение 40 дней. Лондонская вдова могла проживать в доме своего почившего мужа до конца жизни или до тех пор, пока вновь не выйдет замуж. Именно такие условия фиксируют подавляющее большинство завещаний. Приведем лишь два примера. Каменщик Уильям де Брайдзуэл в 1305 г. оставил своей жене Петронилле «главный дом в приходе св. Андрея в Корнхилл вместе с ее комнатой и всем тем, что в ней находится»¹⁰. А плотник Роджер Оускин в 1311–1312 гг. прописал, что его жена Джоанна будет проживать в доме (а также владеть всеми остальными домами, рентами и строениями в Лондоне и его предместьях) «так долго, пока остается вдовой»¹¹.

Женщина, вышедшая замуж за горожанина Лондона, не могла составить завещание, если только она не явилась в суд Хастингса вместе со своим мужем и открыто не объявляла о своей воле и согласии супруга, которое она была обязана зафиксировать в своем завещании. В противном случае оно считалось недействительным. В этом отношении показательно завещание Джоан Карр от 20 июля 1497 г.: своему мужу Джону она оставляет «... свои земли и строения в приходе св. Маргарет на Лосбери, чтобы он не препятствовал исполнению ее последней воли (so that he hinder not execution of this her last will). <...> Завещание составлено с согласия (the assent) Джона Карра, ее мужа, в удостоверение чего он ставит свою печать... (in witness where of he sets his seal...)»¹². Более того, Джоан отписывает имущество именно своему нынешнему супругу: кроме упомянутой выше недвижимости, завещанной без каких-либо условий, она оставляет ему в пожизненное владение «... все свои земли, строения и ренты в городе Стейнс, графство Миддлсекс, и в приходе св. Сепульхры в районе Ньюгейт в Лондоне»¹³.

В XIV–XV вв. сложилась практика, когда оба супруга покупали недвижимость, которой могли пользоваться совместно, затем она переходила к вдове и в конечном счете к законнорожденным детям. Лондонский обычай гласил, что муж не может навсегда отчуждать недвижимую собственность, которая принадлежала ему и жене на правах совместного владения, если последняя публично не согласится на это в суде Husting (суд графства, который собирался для рассмотрения спорных вопросов о долгах, торговле, земле и прочей недвижимости), что будет официально зарегистрировано. Городские власти в лице мэра и олдерменов Лондона отстаивали право жен, которые приобрели помещения совместно со своими мужьями, владеть ими после смерти мужа и распоряжаться по своему усмотрению¹⁴,

видимо, рассчитывая на повторный брак вдовы и заботясь об интересах ее нового супруга.

В разные источники буквально вкраплен материал о приобретении недвижимости лондонскими купцами и ремесленными мастерами совместно с их супругами. Хильда, супруга Роберта атте Мора, в начале XIV в. оставила по завещанию «все дома в приходе св. Вестада, которые она и ее муж приобрели совместно (jointly acquired)»¹⁵. Документально засвидетельствовано участие Джоан Пайел, супруги известного торговца шелковыми и бархатными тканями, столичного мэра, шерифа, олдермена второй половины XIV в. Джона Пайела, в делах мужа, связанных с движением собственности в Лондоне: в 1363–1367 гг. ее имя упоминается вместе с именем супруга в нескольких сделках (10 из 255) по приобретению земли в городе. Супруги Пайел являлись совладельцами земель и рент в родном для Джона Итлинбороу и других селениях в Нортхемптоншире¹⁶. Джоанна Хэйнемпстед в своем завещании от 24 февраля 1368 г. упоминает некие строения, «совместно приобретенные ею и ее мужем (торговцем бакалейными товарами. — Л. Ч.) в приходе св. Лоренса»¹⁷. Из завещания Джона атте Ли от 4 сентября 1413 г. следует, что земли, строения и ренты в различных приходах Лондона, завещанные этим купцом своей дочери, были приобретены им совместно с тремя скончавшимися к тому времени женами: Эгнис, Элен и Матильдой¹⁸. И ювелир Генри Бамме в завещании от 7 ноября 1413 г. отметил, что земли и строения, оставленные жене Элис, были ими куплены совместно¹⁹.

Супруги не только вместе приобретали, в том числе покупали объекты недвижимости, но и продавали их, заключали арендные сделки. Известно, что в 1318 г. лондонский купец Филипп ле Тернер и его жена Элис совместно арендовали дом и участок земли в Лондоне²⁰. Торговец шелковыми и бархатными тканями Роберт ле Кэллер в завещании от 14 февраля 1335 г. упоминает о трех своих дочерях, которые вместе с мужьями, скупщиками шерсти, арендовали некие помещения в столице, скорее всего, складские и торговые²¹. Торговец рыбой Ричард де Уотфорд и его жена Эгнис 24 июня 1319 г., напротив, сдали в аренду Уильяму де Кройдону, тоже торговцу рыбой, и его жене Кристине некие строения в приходе св. Ботольфа²². Джон де Рефхэм и его жена Матильда в 1346 г. сдали в пожизненную аренду большой особняк и лавку около рынка Уэстчип в Лондоне торговцу шелковыми и бархатными тканями²³. А мясник Томас де Кэкстон и его жена Элис продали горшечнику Уильяму Козину помещение в приходе св. Ботольфа, о чем Уильям сообщает в своем завещании, составленном 21 июля 1368 г.²⁴

Иногда горожанки действовали самостоятельно, без непосредственного участия своих мужей. Так, в 1340 г. жена (Марджери) и дочь

(Изабелла) богатого лондонского купца Ральфа де Годчепа сдали в аренду помещения в одном из престижных районов города оружейному мастеру Николасу Клерку²⁵. Условия аренды – выплата ежегодной ренты в 6 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов в течение жизни дочери – позволяют говорить о долговременной аренде и стремлении обеспечить рентным доходом Изабеллу. Впоследствии Изабелла, видимо, оказалась в затруднительном финансовом положении, и получаемая рента пришлось как нельзя кстати: ее долг Николасу Клерку составил 13 фунтов 8 шиллингов 9 пенсов и должен был покрываться за счет вычета ежегодной суммы в 20 шиллингов из указанной выше ренты²⁶.

В отношении товаров и движимого имущества ситуация для замужней женщины в общем праве была гораздо более мрачной. При вступлении в брак все движимое имущество передавалось мужу, который мог распоряжаться им по своему усмотрению. Также супруг становился собственником любой движимости, которую его жена могла получить в браке.

Хотя свободы замужних женщин в Лондоне были значительно ограничены в той мере, в какой городские обычаи следовали общему праву, тем не менее женщине, которая была замужем за свободным горожанином (freeman), разрешалось разделить привилегии, которые он получил благодаря этому статусу. Речь, прежде всего, идет о праве заниматься ремеслом, держать торговую лавку и торговать в розницу в городе.

Замужнюю женщину в Лондоне часто можно было обнаружить занимающейся своим собственным ремеслом. Она могла брать учеников, чтобы научить ремеслу (и торговле). И хотя договор об обучении заключался на имя мужа и жены совместно, в нем указывалось, что ученик (кстати, не обязательно девочка) должен был узнать о ремесле жены. Например, Мод Пикот отдала своего сына на 9 лет в ученики Роберту Сэмпсону, башмачнику, и его жене Изабель, портнихе, чтобы он научился «ремеслу Изабель»²⁷. Сохранилась также относящаяся к 1364 г. информация о Ричарде, сыне Джона Фоуда де Барнеби, ученике Джона де Детингтона и его жены Кристины²⁸.

Иногда в завещаниях, составленных горожанками, можно обнаружить сведения об учениках, находившихся в обучении непосредственно у них. В частности, Джоанна Сэкер 18 октября 1347 г. оформила свою последнюю волю, завещав сыну Томасу оставшийся срок обучения ее ученика Джона де Уолтона²⁹. Кэтрин де Хоулбек по завещанию от 25 марта 1349 г. передала двоим сыновьям и дочери оставшийся срок обучения «всех своих учеников», оговорив, что они будут проживать с ее отцом Джоном Пиче³⁰.

Представляет большой интерес завещание Матильды де Мимс, составленное 10 апреля 1349 г., позволяющее, помимо прочего, понять,

чем занималась сама завещательница. Своему ученику Уильяму она оставила «третью и при этом лучшую часть копий (картин) и инструментов, относящихся к их созданию, и один из лучших сундуков для их хранения»³¹. Видимо, Матильда имела отношение к художественному ремеслу, созданию картин и преуспела на этом поприще, получив право обучать ученика.

Судя по завещанию Летиции Кендейл, последней жены Уильяма де Кендейла, от 9 мая 1374 г., у нее тоже были ученики, которым она оставила деньги, ювелирные изделия и прочее движимое имущество³², по-видимому, не имея детей и других родственников.

Замужняя горожанка в Лондоне имела возможность выбрать своим занятием торговлю, действуя при этом, как если бы она была одинокой (незамужней) женщиной (femme sole, single woman), т. е. торговала единолично. Эта практика описана в завещании Дарси 1340-х гг.: «Если замужняя женщина следует своему собственному ремеслу в городе, в которое ее муж не вмешивается, такая женщина должна быть связана как одинокая женщина со всем, что касается ее ремесла»³³, т. е. с реализацией произведенной ремесленной продукции. Чаще всего такой торговлей занимались замужние горожанки-ремесленницы – вышивальщицы, ткачихи, портнихи, пивовары, обивщицы – и собственно торговцы.

По-видимому, существовали определенные виды торговли, в которых женщины проявляли особую активность. Это торговля продуктами питания, одеждой и разными мелочами, приходившая на улицах Лондона, а также в лавках. Горожанки очень активно занимались продажей рыбы: в 1379 г. все 18 прилавков в Чисайде и у северной стороны собора св. Павла были сданы в аренду женщинам³⁴.

О вовлеченности горожанок в торговлю свидетельствуют некоторые факты, почерпнутые из источников. Так, Петронилла Гонт, последняя жена Августина ле Гонта, в 1320-х гг. завещала Томасу, одному из своих родственников, 40 шиллингов для того, чтобы приобщить его к коммерческой деятельности (business)³⁵. В середине XIV в. торговлей не только в Лондоне, но также в Данстебле (графство Бедфордшир) и Линне (Норфолкшир) занималась Элис Эдвард, в чем ей помогал нанятый ею некто Джон Элейн³⁶. По завещанию Эгнис Солсбери, бывшей жены Адама де Солсбери, а затем жены Джона Хэмонда, торговцев пряностями, составленному 7 октября 1361 г., сыну Томасу должна была отойти часть ее товаров³⁷. Любопытно также письмо Джона Сели, отправленное брату Джорджу из Лондона в Антверпен 6 сентября 1480 г.: «... Извещаю вас, что моя сестра, ваша теть, совершила сделку с Джоном Мэтью, торговцем шелковыми и бархатными тканями Лондона, и должна получить от него в срок, о котором они договорились, 75 фунтов 16 шиллингов 8 пенсов ... Она вручила

ему долговую расписку, по которой он должен получить от вас на этой ярмарке 91 фламандский фунт. Она поручает вам уплатить эту сумму выше-названному Джону Мэтью или его поверенному, или другому подателю вашей расписки, согласно ее распоряжению и обещанию...»³⁸.

Естественно, такая экономическая независимость замужней женщины влекла за собой определенные последствия: она арендовала торговую лавку, дом или другие строения в городе и сама несла ответственность за арендную плату, отвечала на жалобы в отношении счетов, долгов и всего того, что касалось ее торговли и товаров. Не всегда женщинам сопутствовал успех в делах, подтверждение чему находим в источниках. Джоанна атте Мид, последняя жена Томаса атте Мида, торговца сукном, в завещании от 1 февраля 1348 г. распорядилась, чтобы ее пивоварня с торговыми лавками и прочим имуществом была продана для погашения долгов³⁹. В суде мэра рассматривались дела, возбужденные против замужних женщин, которые торговали самостоятельно: муж обычно упоминался в заявлении о признании вины, но на обвинение отвечала жена. Например, в 1444 г. Джон Ловелл подал в суд на Эдварда Фрэнка и его жену Кэтрин, которая торговала пивом. Женщина задолжала ему 10 шиллингов 10 пенсов за 4 бочки пива. Горожанка отказалась признать долг, и ей дали день на то, чтобы она нашла определенное количество мужчин и (или) женщин, которые согласятся свидетельствовать в пользу ее невиновности, и пришла с ними в суд⁴⁰.

Многие женщины помогали своим мужьям в ведении дел, не было редкостью и деловое партнерство мужа и жены, которое могло определять всю семейную жизнь супругов. Лондонские горожанки зачастую выступали полноправными партнерами своих мужей, по сути, образуя с ними небольшие «совместные предприятия». С середины XIV в. Эгнис Мачент помогала своему супругу Ричарду Маченту, горожанину Лондона, торговать в Ковентри⁴¹. Вместе с мужем Саймоном де Уаром, горожанином Лондона, принимала участие в торговле в Утрехте его жена Кэтрин⁴². При том, что документальных свидетельств о Джоан Пайел почти не сохранилось, очевидно, что она была компетентной, мудрой женщиной, способной не только полностью взять на себя инициативу в деле управления домашним хозяйством, но и присматривала за «бизнесом» мужа в Лондоне во время его частых деловых поездок⁴³. И для Джорджа Сели, представителя известной в Лондоне и за его пределами семейной компании купцов Сели, жена Марджери – это еще и верная помощница в делах, которая стремилась быть полезной своему супругу: «Прошу вас, сэр, не беспокоиться, все ваши товары, слава Богу, в безопасности...»⁴⁴.

Горожанки зачастую выступали деловыми партнерами своих мужей и в финансовых вопро-

сах: они совместно брали деньги в долг и отвечали за долговые расходы. Яркое тому свидетельство – долговое обязательство на 400 фунтов, выданное 2 февраля 1360 г. известным лондонским виноторговцем Джоном Мичеллом и его женой Марджери торговцу рыбой Джону де Глостеру⁴⁵. А 26 февраля 1417 г. душеприказчиками некоего Ричарда Хэрри был возвращен долг в 300 фунтов лондонскому торговцу шелковыми и бархатными тканями Томасу Чиппенхэму и его жене Айдоии⁴⁶.

Таким образом, в Лондоне концепция общего права о супружеском единстве не слишком ущемляла независимость замужних женщин. Безусловно, существовали юридические ограничения, замужние горожанки имели сравнительно небольшой контроль над собственностью и движимым имуществом и могли составлять завещания только с согласия своего мужа. Тем не менее они пользовались определенной экономической автономией, могли выбирать ремесленную деятельность и единоличную торговлю, арендовать торговые лавки, накапливать деньги (и долги), по сути иметь собственный бизнес, вносить взносы в налогообложение, помогать своим мужьям в ведении дел, обучать собственных учеников и учеников своих супругов. И нет никаких сомнений в том, что еще более широкие горизонты открывались для вдов, особенно купеческих.

Лондонский обычай гарантировал, что вдова имеет право на наследство своего мужа: на вдовью часть, которая могла составлять треть, если были дети, или половину, если их не было, его недвижимости, а также на треть или половину его движимого имущества. Это имело важное значение для вдов и ставило их экономически в очень выгодное положение. Вдове гарантировался пожизненный доход от трети земель и рент ее мужа, она могла жить в семейном доме и таким образом продолжать вести бизнес почившего супруга до тех пор, пока она снова не выйдет замуж. Если она решит сохранить статус вдовы, то сможет управлять домом и бизнесом до самой смерти. Но особенно важной была доля товаров и движимого имущества мужа, треть или половина, автоматически закрепленная за вдовой лондонским обычаем. Таким образом, к вдове могли перейти довольно крупные суммы денег и (или) ценные предметы и товары. Кроме того, стоит отметить, что вдовья часть доставалась женщине только пожизненно, а затем возвращалась наследникам мужа, в то время как товары и движимое имущество принадлежали ей полностью (*absolutely*).

Важно также, что вдова была вольна составить свое собственное завещание; от нее не требовалось согласия какого-либо родственника мужского пола. Произведенные нами подсчеты дали следующие результаты. Из 3066 завещаний, зарегистрированных в суде Husting Лондона за 1300–1500 гг., 335 (10,9 %) были составлены

женщинами, из них 135, или 40,3% к общему количеству «женских» завещаний – вдовами. В XIV в. женщины составили 283 (около 11,3 %) из 2515 завещаний, в том числе вдовы – 92, или 32,5 %⁴⁷. Для XV в. цифры следующие: 52 (9,4 %) из 551 завещания, из которых 43, или 82,7 %, – это завещания вдов⁴⁸. Полученные в отношении вдов показатели весьма приблизительны, поскольку мы учитывали только те завещания, в которых четко указано, что его составительница – вдова. На самом деле процент вдовых завещаний выше.

Возможность продолжить дело своего мужа для лондонских вдов была связана со статусом «свободной горожанки», упоминание о котором очень редко, но все же встречается в городских записях. К. Бэррон показала, что путь большинства женщин к свободе лежал через брак, т. е. женщины, имевшие статус «свободных горожанок» Лондона, на самом деле были вдовами лондонских фрименов⁴⁹. В этом смысле показательны два случая. Первый представлен в письме мэра и олддерменов Лондона, датированном 5 ноября 1369 г. и адресованном мэру и бейлифам г. Кентербери. В нем сообщается, что Элис является вдовой Саймона де Лондона, скончавшегося торговца сукном и фримена Лондона, поэтому она пользуется всеми правами свободной горожанки⁵⁰. Второй случай связан с решением суда олддерменов, который в 1465 г. провозгласил «древним обычаем» города следующий: каждая женщина, которая была замужем за свободным горожанином и жила с ним на момент его смерти, может стать свободной горожанкой при условии, что она проживает в городе и остается вдовой⁵¹.

Почти все примеры «свободных горожанок», зафиксированные в городских записях, датированы второй половиной XIV–XV в. и относятся к вдовам фрименов. Кэтрин де ла Поул в завещании от 2 июля 1387 г. указала, что она – «горожанка и свободная женщина города Лондона» («citizen and free-woman of the City of London») ⁵². Такую же формулировку находим в завещаниях Рэдганды Бэчет (23 октября 1408 г.)⁵³, Марион Стонтон (20 июля 1495 г.)⁵⁴ и Элизабет Барел (29 июня 1498 г.)⁵⁵. Несколько отличается деталями завещание Маргарет, назвавшей себя дочерью Джона Круза, покойного портного, и вдовой Джона Спенсера, пивовара, составленное в августе 1449 г. В нем она записала, что является «свободной женщиной Лондона» (freewoman of the City of London), которая была допущена к свободам города 20 мая 1449 г.⁵⁶ По-видимому, дата обретения Маргарет свободы каким-то образом подпадалась проверке: возможно, в Гилдхолле хранился реестр «свободных вдов», который со временем был утерян.

Чем для лондонских вдов был важен статус «свободной горожанки»? В 1369 г. упоминавшаяся выше Элис, вдова Саймона де Лондона, была поддержана мэром и олддерменами города в ее требовании отказаться от уплаты пошлины

в других английских городах на том основании, что она «свободная горожанка Лондона»⁵⁷, а в 1384 г. Матильда, вдова Хью Холбека, заявила о праве участвовать в суде как «свободная женщина города»⁵⁸. Вдовы, в завещаниях называвшие себя свободными горожанками, заботились, возможно, о том, чтобы обеспечить надлежащее исполнение своей последней воли в соответствии с лондонским обычаем. Таким образом, вдовы, которые хотели продолжать заниматься ремеслом и торговлей, имели хорошие шансы на получение городских свобод.

Заслуживает внимания тот факт, что вдове лондонского фримена не просто разрешили продолжать дела своего мужа, но и ожидали этого от нее. Именно по данной причине, как мы видели, городской обычай закреплял за вдовой полную или частичную долю «главного дома» ее мужа до тех пор, пока она не решит снова выйти замуж.

Действительно, после смерти купца или ремесленного мастера именно его овдовевшая жена продолжала или завершала начатое дело. Если лондонский торговец сукном Ричард Константин в своем завещании от 1342 г. назначил жену не только опекуном детей (что само по себе важно), но и «всех их товаров»⁵⁹, а торговец рыбой Джон де Мокинг де Сомерсет передал по завещанию от 1347 г. своей жене товары, находившиеся к тому времени в графствах Кент и Миддлсекс⁶⁰, то предполагалось, что эти женщины, скорее всего, будут их реализовывать. Аналогичный вывод напрашивается и в случае с Джоанной Бартон, которой в 1434 г. мужем-меховщиком были завещаны не только дома, но и торговые лавки, и различные товары⁶¹.

Следует отметить, что торговые лавки представляют собой широко распространенный объект в структуре наследства лондонских горожанок XIV–XV вв., который встречается в большинстве завещаний купцов и ремесленных мастеров. Иногда наследодатели указывают точное их количество. Так, Эндрю Мартин по завещанию от 13 апреля 1328 г. передал своей жене Элис лавку в приходе Всех Святых, а также 10 лавок в приходе Святой Троицы, и это кроме неких строений в указанных приходах⁶².

Наряду с торговыми лавками женщины – жены и дочери – получали в наследство и другие объекты недвижимости производственного и коммерческого назначения. Приведем лишь некоторые примеры. В самом начале XIV в. ювелир Ричард ле Рейгейт завещал своей жене Марджери строения рядом с воротами, ведущими во владения монахов-августинцев на Бред-стрит, а дочерям – Изабелле, Катерине, Сесилии и Маргарет – «пивоварню вместе с разными домами, лавками и прочим имуществом, расположенную рядом с указанными воротами ... и в приходе Всех Святых»⁶³. Пивоварню, а также сад и торговые лавки в приходе св. Ботольфа в Лондоне получила от своего мужа Матильда Джери⁶⁴.

Торговец скобяными изделиями Джон ле Коффри в первые годы XIV в. оставил своей жене Дионисии не только главную усадьбу в Лондоне, в которой она должна была проживать, но и торговые лавки и пекарню⁶⁵. Сукощик Питер де Иделметон одной своей дочери, Вилельме, завещал пивоварню, а другой, Джоанне, – торговые лавки и ренты на рынке Истчип⁶⁶. Дубильщик Уильям Томер по завещанию от 19 мая 1337 г. передал своей жене Айдонии пивоварню с домами, в которых, возможно, проживали те, кто непосредственно варил пиво, и торговыми лавками⁶⁷. Эгнис Подингтон в 1375 г. получила в наследство от своего мужа Роджера его пивоварню со всеми принадлежностями и лавками⁶⁸. Пивовар Джон Эплби по завещанию от 24 сентября 1408 г. тоже оставил пивоварню своей жене Джоанне⁶⁹, а булочник Гай Терри 17 марта 1436 г. наряду с землями и строениями завещал своей супруге Элис пекарню⁷⁰. Очевидно, что и Джон Эплби, и Гай Терри полагались на своих жен и рассчитывали на то, что они продолжат их ремесло.

Ножовщик Соломон де Ловар в 1311–1312 гг. оставил своей жене Изабелле торговые лавки и погреб, вероятно, винный, протянувшийся от входа в таверну «Кондюю» до стены церкви св. Томаса⁷¹, а Хью де Строби в 1316 г. завещал своей жене Саре таверну с 8 торговыми лавками⁷².

Приведенные завещания, связанные с пивоварнями, вносят дополнительные штрихи в структуру занятий горожанок Лондона. Женщины часто держали пивоварни, таверны и постоянные дворы и в связи с этим варили пиво. По данным К. Бэррон, в 1418 г. из 234 членов компании пивоваров 39 были женщинами⁷³.

А вот от некоторых женщин требовались особые деловые качества. В частности, Элис Брэмpton муж оставил согласно завещаниям от 5 июня 1405 г. и 6 ноября 1406 г. не только строения и пивоварню, но и причал⁷⁴. Аналогичное распоряжение содержит завещание ювелира Роберта Брауна от 30 апреля 1424 г.: его жена Джоанна унаследовала угловое строение вместе с причалом на Флит-стрит⁷⁵. Неизвестно, каким именно образом эти женщины использовали полученную собственность, но очевидно, что они обладали необходимыми навыками и предприимчивостью, что должны были учитывать их мужья при составлении завещаний. Возможно, Элис Брэмpton и Джоанна Браун продолжали делать то, чем занимались вместе со своими мужьями, а именно торговать, получая и отправляя товары с причалов Темзы. Это предположение подкрепляет завещание Ганноры (Gunnora) де Стратфорд, составленное еще в 1304–1305 гг.: слугам Уильяму Эдмунду и Николасу она оставила в равных частях свою долю в корабле⁷⁶. Строения и причал на Темзе завещала в 1320-х гг. сыну Гилберту Элис ла Молер⁷⁷. Такую же собственность упоминает в своем завещании от 21 декабря 1351 г. Джоанна Крос⁷⁸.

Некоторые из женщин, овдовев, фактически возглавляли семейное предприятие. В различных английских городах второй половины XIV – первой трети XVI в. таких горожанок было 10–20 %⁷⁹. В 1350-х гг. некая женщина по фамилии Обри, упомянутая как вдова и душеприказчица Джона де Бедфорда, горожанина Лондона, после смерти супруга продолжала вести его дела в Слейсе (Фландрия)⁸⁰. Вдова лондонского олдермена Элис Нотхолл в своем завещании от 28 мая 1361 г., видимо, не случайно упомянула Бартоломью Гвидониса де Каstellона, купца из Флоренции, имевшего хорошую репутацию в деловой среде Лондона и выгодный бизнес: ему завещаны различные денежные суммы, в том числе 100 фунтов, и ценные вещи, включая серебряные и золотые кубки. Исходя из текста завещания Элис Нотхолл, можем утверждать, что именно Бартоломью был деловым партнером и доверенным лицом вдовы и распоряжался, по крайней мере, частью ее денег, вкладывая их в торговые предприятия⁸¹.

Отдельные горожанки за годы вдовства сумели добиться впечатляющих достижений. Наглядный тому пример – Элис Клэйв, шелкопрядильщица XV в., в течение 30 лет оставшаяся вдовой. За это время она, помимо прочего, изготовила 12 кистей из шелковых и позолоченных нитей для украшения коронационных перчаток Ричарда III, кружева из пурпурного шелка и позолоченной нити для коронационных мантий короля и королевы Анны Невилл (коронация состоялась 6 июля 1483 г.), а также белые шелковые и золоченые кружева для всенощной мантии королевы. В ее доме проживали ученица, Кэтрин Клэйв, мальчики, которых она обучала (возможно, ученики ее мужа), двое слуг и маленькие мальчик и девочка, которых она взяла на попечение⁸².

Конечно, далеко не всегда дела вдов шли успешно. Судя по завещанию Изабеллы де Бринкел от 22 июня 1338 г., она предпочла удалиться в монастырь св. Елены в Лондоне, где и была оформлена ее последняя воля, а своему младшему сыну Томасу де Саткоуту завещала пивоварню в приходе св. Иакова, с которой взималась ежегодная рента для уплаты ее долгов⁸³. Элис Аутпин, вдова Уильяма Аутпина, дочь Уильяма Дерби, 1 июля 1361 г. тоже завещала, чтобы «все ее товары и движимое имущество были проданы, а вырученные средства использованы для выплаты долгов»⁸⁴. А вот перед вдовой Марджери Гилберт стояла более трудная задача: она должна была позаботиться о погашении не только собственных долгов, но и долгов своего почившего мужа. В завещании от 29 августа 1373 г. Марджери распорядилась, чтобы принадлежащее ей строение на Флитбридж оставалось в руках ее душеприказчиков до тех пор, пока за счет получаемых с него доходов не будут выплачены все долги⁸⁵.

В обмен на привилегию заниматься ремеслом, торговлей и финансовыми операциями

обычай Лондона требовали, чтобы вдова вела хозяйство и продолжала обучать учеников своего покойного мужа. Если она не сделает этого, обиженный ученик имел право пожаловаться в суд мэра. Как раз такой случай произошел с Джоном Хачером. В 1429 г. он сообщил суду, что после смерти его хозяина, торговца скобяными изделиями Ричарда Госселина, Беатрис, вдова покойного, распустила домочадцев и отказалась содержать и обучать его, что неминуемо приведет «к разорению и гибели»⁸⁶. В аналогичном случае Уильям Скайдмор, который на протяжении 14 лет обучался у Томаса Фоукнера, торговца шелковыми и бархатными тканями, 9 ноября 1434 г. был освобожден от обязательств, поскольку после смерти Уильяма его вдова Филиппа не смогла обеспечить Томасу содержание и обучение⁸⁷.

Если вдова не хотела вести домашнее хозяйство своего мужа и обучать его учеников, она должна была позаботиться о том, чтобы ученики были переведены к другому мастеру для завершения срока обучения.

Многие вдовы содержали хозяйство мужей и следили за тем, чтобы ученики продолжали обучение. Именно женам ремесленные мастера и купцы оставляли своих учеников. Приведем некоторые примеры. По завещанию от 21 января 1326 г. некий Саймон Дейнис передал оставшийся срок обучения ученика Томаса жене Флоренс⁸⁸. К сожалению, не ясно, чем занимался этот горожанин. Возможно, он был торговцем (завещал жене торговую лавку) и обучал своего ученика торговым премудростям. Аналогичным образом распорядились Джон ле Йонг, 24 августа 1328 г. завещавший оставшийся срок обучения двух учеников, Джона и Лоренса, жене Матильде⁸⁹, изготовитель винных бочек Уильям де Энфелд, по завещанию от 2 февраля 1345 г. передавший оставшийся срок обучения ученика Джона жене Эгнис⁹⁰, повар Уильям Лайт, завещавший 14 августа 1368 г. оставшийся срок обучения своих учеников жене Джоанне⁹¹, аптекарь Джон Оффем, 14 апреля 1391 г. распорядившийся, чтобы ученики продолжили обучение у его жены Сесилии⁹². Уильям де Глостер в завещании от 28 декабря 1346 г. записал, что оставляет своего ученика Александра де Дипдена жене Изабелле⁹³. А вот оружейный мастер Томас Уайт поступил иначе: согласно завещанию от 22 мая 1429 г. его душеприказчики должны продать оставшийся срок обучения Уильяма Стейси, а вырученную сумму передать жене Маргарет⁹⁴. Скорее всего, такое решение было обусловлено спецификой профессии оружейника, которая вряд ли была под силу женщине.

Последний раз упоминание об учениках встречается в завещании Джулианы, вдовы Уильяма Фэйреда, мясника, датированном 27 декабря 1442 г.⁹⁵ Это далеко не случайно.

Как известно, еще в XIV в., до «Черной смерти», начался процесс ограничения доступа

женщин в производство, в частности, в цехи (вследствие усиления конкуренции, опасения за качество продукции, роста политической роли цехов, развития комплекса идей, основанных на понятиях «цеховой чести» и «мужской солидарности»⁹⁶), активизировавшийся в следующем столетии. Причем это была общеевропейская тенденция. Теперь женщина, овдовев, могла лишь завершить начатую мужем работу – брать учеников, закупать новое сырье ей уже запрещалось; ее прошение о разрешении продолжить дело мужа рассматривалось и решалось в индивидуальном порядке в зависимости от возраста, количества иждивенцев, репутации, качества продукции и других обстоятельств⁹⁷.

Таким образом, для женщины, которая хотела управлять собственным бизнесом и распоряжаться своей судьбой, вдовство открывало множество возможностей, особенно если она была вдовой лондонского фримена. Городской обычай обеспечивал ей дом, пожизненный доход и значительную долю движимого имущества ее мужа. Она могла воспользоваться свободой, которая давала право продолжать вести дела мужа, держать торговые лавки, пивоварни, пекарни и пр., быть свободной от уплаты пошлин по всей Англии, участвовать в городских судах, обучать учеников мужа и быть уверенной в том, что ее завещание будет исполняться в соответствии с городскими обычаями.

Подводя итог, отметим следующее. Несмотря на те ограничения, которые налагало на социальную активность женщин их неполноправие, в том числе в распоряжении собственностью, в средневековой торговой компании и в ремесленном цехе жена и дочери мастера – купца и ремесленника – работали рядом с ним, с его подмастерьями и учениками. Диапазон и разнообразие занятий, в которых были задействованы женщины в Лондоне в XIV–XV вв., не должны нас удивлять. И все же статус женщин, избравших торговлю или участие в городском производстве в качестве своего основного занятия, никогда не был полноценным. Отношение к работе было четко дифференцировано по гендерному признаку: для мужчины это было право, для женщины – скорее, исключение, замена милостыни⁹⁸.

В XVI в., по мнению К. Бэррон, положение женщин в Лондоне значительно ухудшилось. Автор приводит интересные данные: из 1000 учеников, допущенных к свободам города в 1551–1553 гг. по завершении срока обучения, только 50, или 5 %, были представлены вдовами покойных мастеров⁹⁹. Изучение списков лондонских учеников за 1570–1640 гг. показало, что среди 8 тыс. учеников не было ни одной женщины¹⁰⁰. Видимо, увеличение численности населения столицы решило проблему нехватки рабочих рук, остро стоявшей по итогам «Черной смерти» и ряда последующих эпидемий, и по этой причине женщины были вытеснены с рынка квалифицированной

рабочей силы. Кроме того, на другом полюсе социальной шкалы купцы и разбогатевшие мастера все чаще превращались в сельских джентльменов и их женам отныне не подобало торговать, обучать учеников или вести свое собственное дело.

И все же постепенно в условиях города выработывался новый тип женщины – энергичной, предприимчивой, образованной, которая выступает в качестве главы семьи и бизнеса, хотя, безусловно, этот путь был довольно долгим и тернистым.

Примечания

- 1 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М. : Круг, 2011. С. 506–507.
- 2 См.: Чернова Л. Н. Business-women средневекового английского города (на материале Лондона XIV–XVI веков) // Гендер и общество в истории / под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб. : Алетейя, 2007. С. 285.
- 3 Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London : in 2 parts / ed. R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, 1889. Part 1 : A. D. 1258–A. D. 1358. P. 462. (далее – Calendar of Wills.)
- 4 Calendar of Wills. London : Printed by John C. Francis, 1890. Part 2 : A. D. 1358 – A. D. 1688. P. 347.
- 5 См.: Чернова Л. Н. Леди Филпот в матримониальной политике правящей элиты Лондона рубежа XIV–XV вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М. : ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 89–104.
- 6 Calendar of Wills. Part 1. P. 462–463.
- 7 Ibid. Part 2. P. 347–348.
- 8 Ibid. P. 518–519.
- 9 См.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново : Юнона, 1999. С. 94–95.
- 10 Calendar of Wills. Part 1. P. 179.
- 11 Ibid. P. 223.
- 12 Ibid. Part 2. P. 599–600.
- 13 Ibid. P. 600.
- 14 Barron C. M. Medieval London : Collected Papers / ed. by M. Carlin and J. T. Rosenthal. Kalamazoo : Medieval Institute Publications, Western Michigan University, 2017. P. 364.
- 15 Calendar of Wills. Part 1. P. 152.
- 16 См.: Calendar of the Cartulary of John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. London : Royal Historical Society, 1993. P. 101–192.
- 17 Calendar of Wills. Part 2. P. 127–128.
- 18 Ibid. P. 403–404.
- 19 Ibid. P. 408–409.
- 20 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book E (1312–1337). London : John Edward Francis, 1903. P. 8.
- 21 Calendar of Wills. Part 2. P. 421.
- 22 Ibid. P. 107.
- 23 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book F (1337–1352). London : John Edward Francis, 1904. P. 67 (далее – Letter-Book F (1337–1352).)
- 24 Calendar of Wills. Part 2. P. 129.
- 25 Letter-Book F (1337–1352). P. 56.
- 26 Ibid. P. 57.
- 27 Barron C. M. Op. cit. P. 365.
- 28 Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A.D. 1350–1370, enrolled and preserved among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : Printed by John C. Francis, E.C., 1885. P. 101 (далее – Calendar of Letters from the Mayor).
- 29 Calendar of Wills. Part 1. P. 510.
- 30 Ibid. P. 543–544.
- 31 Ibid. P. 576.
- 32 Ibid. Part 2. P. 163.
- 33 Carpenter J. Liber Albus : The White Book of the City of London / ed. and trans. H. T. Riley. London : R. Griffin, 1861. P. 204–205.
- 34 Memorials of London Life. XIIIth. XIVth, and XVth Centuries. A.D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green and Co., 1868. P. 435.
- 35 Calendar of Wills. Part 1. P. 236.
- 36 Calendar of Letters from the Mayor. P. 18–19.
- 37 Calendar of Wills. Part 2. P. 65.
- 38 The Cely Letters, 1472–1488 / ed. by A. Hanham. Oxford : Oxford University Press, 1975. P. 88–89 (далее – The Cely Letters)
- 39 Calendar of Wills. Part 1. P. 524.
- 40 Barron C. M. Op. cit. P. 366.
- 41 Calendar of Letters from the Mayor. P. 135–136.
- 42 Ibid. P. 103.
- 43 См.: Чернова Л. Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга : Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 23. С. 32–49.
- 44 The Cely Letters. P. 222.
- 45 Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. Sharpe. Letter-Book G (1352–1374). London : John Edward Francis, 1905. P. 124.
- 46 Calendar of Plea and memoranda rolls (1413–1437) of the city of London / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1943. P. 55.
- 47 Calendar of Wills. Part 1. 491 p.
- 48 Ibid. Part 2. 996 p.
- 49 Barron C. M. Op. cit. P. 370.
- 50 Calendar of Letters from the Mayor. P. 170.
- 51 Barron C. M. Op. cit. P. 370.
- 52 Calendar of Wills. Part 2. P. 262–263.
- 53 Ibid. P. 391.
- 54 Ibid. P. 602–603.
- 55 Ibid. P. 604.
- 56 Ibid. P. 520.

- ⁵⁷ Calendar of Letters from the Mayor. P. 170.
⁵⁸ *Barron C. M.* Op. cit. P. 370.
⁵⁹ Calendar of wills. Part 1. P. 482–483.
⁶⁰ Ibid. P. 499–500.
⁶¹ Ibid. Part 2. P. 477–479.
⁶² Ibid. Part 1. P. 336.
⁶³ Ibid. P. 160.
⁶⁴ Ibid. P. 170.
⁶⁵ Ibid. P. 169.
⁶⁶ Ibid. P. 191.
⁶⁷ Ibid. P. 423.
⁶⁸ Ibid. Part 2. P. 184.
⁶⁹ Ibid. P. 383.
⁷⁰ Ibid. P. 481.
⁷¹ Ibid. Part 1. P. 227.
⁷² Ibid. P. 269.
⁷³ *Barron C. M.* Op. cit. P. 372.
⁷⁴ Calendar of Wills. Part 2. P. 368–369.
⁷⁵ Ibid. P. 450.
⁷⁶ Ibid. Part 1. P. 169.
⁷⁷ Ibid. P. 233.
⁷⁸ Ibid. P. 665.
⁷⁹ *Rigby S. H.* English Society in the Later Middle Ages. Class, Status and Gender. London : Macmillan, 1995. P. 272.
⁸⁰ Calendar of Letters from the Mayor. P. 43.
⁸¹ Calendar of Wills. Part 2. P. 23.
⁸² *Sutton A. F.* Alice Claver, Silkwoman of London and Maker of Mantle Laces for Richard III and Queen Anne // *The Ricardian*. 1980. № 5. P. 243–247.
⁸³ Calendar of wills. Part 1. P. 233.
⁸⁴ Ibid. Part 2. P. 44.
⁸⁵ Ibid. P. 76.
⁸⁶ *Barron C. M.* Op. cit. P. 371.
⁸⁷ Ibid.
⁸⁸ Calendar of Wills. Part 1. P. 358.
⁸⁹ Ibid. P. 341.
⁹⁰ Ibid. P. 233.
⁹¹ Ibid. Part 2. P. 134.
⁹² Ibid. P. 298–299.
⁹³ Ibid. Part 1. P. 491.
⁹⁴ Ibid. Part 2. P. 454.
⁹⁵ Ibid. P. 563.
⁹⁶ *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории : Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. : РОССПЭН, 2002. С. 79.
⁹⁷ См.: *Рябова Т. Б.* Указ. соч. С. 98.
⁹⁸ *Rigby S. H.* Op. cit. P. 275.
⁹⁹ *Barron C. M.* Op. cit. P. 371.
¹⁰⁰ Ibid. P. 373.

Поступила в редакцию 28.03.2021, после рецензирования 30.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 28.03.2021, revised 30.03.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 330–336

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 330–336

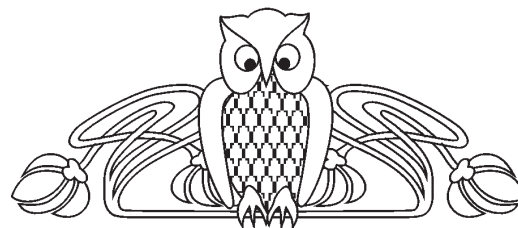
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-330-336>

Научная статья

УДК [94+323.311](410)+929Лайл

Аристократическая семья Лайл: экономное «старое дворянство» или расточительные джентри?

Д. А. Котлукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Котлукова Дарья Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Аннотация. В статье на материале переписки супругов Лайл с их управляющими и финансовыми агентами рассматриваются способы ведения хозяйства, выявляются источники доходов и расходы этой аристократической семьи. Констатируется, что наибольший доход семье приносили сдача земель в аренду, добыча олова, древесины и торговля рыбой, а также занимаемая лордом Лайлом должность наместника Кале. Однако траты семьи, связанные с содержанием поместий, необходимостью поддерживать знатный статус, расходами на воспитание и обучение детей, а также судебные земельные тяжбы существенно ухудшали финансовое положение семьи. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на внушительные доходы, семья Лайл перманентно нуждалась в деньгах, и леди Лайл была вынуждена изыскивать все новые способы пополнения семейного бюджета.

Ключевые слова: Англия, XVI век, Тюдоры, тудоровская аристократия, семья Лайл, переписка семьи Лайл, «старое дворянство», джентри

Для цитирования: Котлукова Д. А. Аристократическая семья Лайл: экономное «старое дворянство» или расточительные джентри? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 330–336. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-330-336>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lisle's aristocracy family: Economy «old» nobility or wasteful gentry?

D. A. Kotlukova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Darya A. Kotlukova, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Abstract. The article discusses the sources of income, expenses and methods of doing business in the aristocratic Lisle's family. Based on the correspondence of the Lisle's spouses with their managers and financial agents, it is revealed that the greatest income for the family came from the lease of land, extraction of tin, timber and the fish trade. The position of governor of Calais, held by Lord Lisle, also brought income. However, the expenses of the family associated with caring for the manors, the need to endorse the status of an aristocratic family, the costs of maintaining and educating the children, as well as endless litigation over land ownership, significantly worsened the financial situation of the family. The author concludes that, despite the various sources of income and the very impressive amounts obtained from them, the Lisle family permanently needed money, for this reason Lady Lisle was forced to look for new ways to replenish the family budget.

Keywords: England, 16th Century, Tudors, Tudor's aristocracy, Lisle family, Lisle letters, old nobility, gentry

For citation: Kotlukova D. A. Lisle's aristocracy family: Economy «old» nobility or wasteful gentry? *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 330–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-330-336>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Раннетудоровский период был отмечен серьезными изменениями в социальном развитии Англии в связи с огораживаниями, расширением торговли (на фоне структурной перестройки экономики и последствий Великих географических

открытий), попытками решения финансовых проблем, началом проведения церковной реформы и укреплением королевской власти¹. Видоизменялась вся традиционная структура общества, ломались привычные нормы обще-

ственных отношений. Не стала исключением и английская аристократия, для большинства представителей которой настали непростые времена. Значительная часть дворянства продолжала жить по старым обычаям и правилам, которые практически для всех были связаны с двором. Это требовало «ведения роскошного, почти разорительного образа жизни, который был не по средствам даже самым состоятельным представителям указанной социальной группы»². И хотя земельные владения знатных фамилий, остававшиеся главным мерилom социального статуса и политического влияния, подчас являлись внушительными по размерам, но не были прибыльными. Т. Вильсон в конце XVI в. следующим образом оценил совокупный доход знати – двух герцогов, 18 графов, двух виконтов и 39 баронов – в 220 тыс. фунтов, что не превышало 2,5 % дохода всего английского дворянства того времени и составляло в среднем чуть больше 3,5 тыс. фунтов на каждого представителя титулованной знати³. Преуспевали лишь единицы, большинство же сталкивалось с весьма серьезными проблемами. В частности, герцог Норфолк задолжал около 7 тыс. фунтов, а долги графа Эссекса перевалили за 20 тыс. фунтов.⁴

В поисках дополнительных доходов аристократы отваживались на рискованные и весьма сомнительные предприятия: одалживали деньги у кого только могли, не зная при этом, когда и как будут расплачиваться, под огромные проценты брали тысячные суммы у ростовщиков и банкиров лондонского Сити, не платили по долгам булочникам, сапожникам, портным и т. д. Могли заниматься и коммерцией, что, однако, было не столько потребностью, сколько вынужденной мерой и уступкой требованиям времени⁵. «Старое дворянство» не могло приспособиться к возникшей в Англии новой экономике, и источником его существования по-прежнему оставались либо денежная рента, получаемая с крестьян-держателей, либо доход от выгодных должностей при дворе короля.

Противоположностью этой социальной группы было джентри, начало формирования которого исследователи относят ко второй половине XIV столетия⁶. Джентри, или «новым дворянством», в англоязычной историографии обозначаются все землевладельцы рангом ниже барона и выше йомена: рыцари, эсквайры, джентльмены, оруженосцы и т. д. Положение джентри в обществе определялось, прежде всего, наличием земли, которая могла обеспечить определенный уровень дохода⁷. На фоне общего количественного роста «нового дворянства», который сопровождался увеличением социального престижа и богатства рыцарей, эсквайров и джентльменов, росли обширные поместья, находившиеся в руках джентри. К концу XVI в. во владениях пэров Англии осталось менее 3 % земли, которой они или их предки владели ранее⁸. Джентри, эти мел-

кие и средние вотчинники, вели домениальное хозяйство, применяя наемный труд и практикуя наиболее доходную сдачу земли в краткосрочную аренду, сочетали зерновое производство с товарным животноводством, эксплуатацией мельниц, солодовен, маслобоен и т. д. Вместе с тем джентри было тесно связано с городом, владея также городской собственностью: недвижимостью, деньгами и товарами, участвуя в его социально-политической жизни. Благодаря постоянному обновлению за счет наиболее жизнеспособных и амбициозных бюргеров английское джентри отличалось способностью приспосабливаться к меняющимся условиям. Оно было широко и повсеместно втянуто в товарно-денежные отношения, участвовало в торговле хлебом, сыром, мясом, шерстью и другой сельскохозяйственной продукцией⁹.

Существование «старого дворянства» и джентри очень четко фокусирует противоречивость английского раннетюдоровского социума, переходный характер всех общественных отношений того периода.

Цель данной статьи состоит в изучении способов хозяйствования английской раннетюдоровской аристократии на примере семьи Лайл. Попытаемся выявить структуру хозяйства, источники доходов и статьи расходов лорда и леди Лайл, определить, достаточно ли было получаемых средств для их домохозяйства.

Основным источником для данного исследования послужила переписка семьи Лайл, которая включает в себя около 3 тыс. писем за период с 1533 по 1540 г.¹⁰ Необходимость столь обширной корреспонденции вызывалась тем, что лорд и леди Лайл проживали в Кале, в то время как их земли и всевозможные объекты интересов, а также двор короля находились в островной части Англии.

Среди адресатов супругов Лайл были король Генрих VIII (1509–1547), его ближайший советник в 1532–1540 гг. и главный идеолог Реформации в Англии Томас Кромвель, епископ Винчестерский Стивен Гардинер, гуманист и реформатор, принимавший активное участие в политической и религиозной жизни королевства, а также многочисленные представители английской аристократии. Такой состав участников переписки объясняется высоким статусом семьи Лайл в раннетюдоровском обществе. Сэр Артур Плантагенет, лорд Лайл являлся незаконнорожденным сыном короля Эдуарда IV (1461–1483) и приходился дядей по материнской линии королю Генриху VIII. Леди Лайл происходила из старинного, хотя и провинциального дворянского рода Гренвиль. После смерти первого мужа Джона Бассета ей достались многочисленные земельные владения, что сделало Гонорию Гренвиль-Бассет завидной невестой. Мимо этого факта не смог пройти король, устроивший ее брак на тот момент с вдовцом лордом Лайлом. У супругов не было общих детей, но в

семье воспитывались 9 отпрысков лорда и леди Лайл от первых браков.

Львиная доля писем так или иначе затрагивает финансовые и хозяйственные вопросы: управление поместьями, земельные судебные тяжбы, торговлю, покупку костюмов и дорогостоящих подарков, оплату содержания детей. По многочисленным письмам членов семьи друг другу, их переписке с управляющими, а также по содержанию различных счетов, которые приводятся в корреспонденции, можно воссоздать финансовое положение и экономические стратегии семьи Лайл, позволяющие определить, относилась ли данная семья к джентри или к «старому дворянству».

Лорд Лайл являлся владельцем манора Пейнсвик в Котсуолде (в западной части центральной Англии, на территории графств Оксфордшир и Глостершир), доставшегося ему после смерти первой жены, леди Элизабет Грей. Переход манора к лорду Лайлу был осуществлен на основании договоренности, достигнутой с Джоном Дадли, сыном леди Элизабет. Это было очень важно, поскольку манор Пейнсвик обеспечивал лорду Лайлу некоторые личные средства, помимо королевского жалования, что гарантировало ему возможность устроить второй брак¹¹. В будущем, после смерти лорда Лайла, Пейнсвик должен был перейти к леди Лайл по праву ее «вдовой доли» наследства, полученного от сэра Артура.

Манор Пейнсвик приносил лорду Лайлу 40 фунтов в год¹². Находившийся в самом сердце Котсуолда, он процветал благодаря производству и продаже шерсти. Вдоль главной речки на холмах Пейнсвика располагались 19 водяных мельниц. В парке Пейнсвик разводили оленей и прочую дичь для королевской охоты, а также заготавливали древесину¹³. Сохранились свидетельства того, что леди Лайл занималась продажей древесины из Пейнсвика¹⁴. Однако это занятие не приносило очень больших доходов. В письме от 15 июля 1534 г. Леонард Смит, один из лондонских агентов леди Лайл, пишет ей о своем разочаровании в связи с тем, что выручил так мало денег, он думал, что древесина будет стоить дороже¹⁵.

Кроме манора Пейнсвик у лорда Лайла были земли в Сомерсете и Хэмпшире, недалеко от Собертоне, куда в 1514 г. он был назначен на должность шерифа. Известно, что после свадьбы с Гонорией Бассет, ставшей леди Лайл, в 1529 г. супруги прожили в Хэмпшире 4 года, вплоть до назначения сэра Артура лордом-наместником Кале в 1533 г. После отъезда супругов в Кале Джон Хьюси, управляющий семьи, периодически навещался в Хэмпшир с инспекционными целями¹⁶. Сохранились свидетельства того, что в одном из маноров лорда Лайла, а именно в Уичкомбе в Сомерсете, на реках было построено несколько водяных мельниц, назначение которых, к сожалению, неизвестно¹⁷.

Лорд Лайл претендовал также на должность хранителя Кларендонского парка, где водились олени, в чем ему успешно содействовал при дворе все тот же Хьюси. Король Генрих VIII, страстно любивший охоту, создал в Англии несколько особых «заказников», в которых следили за популяцией оленей, чтобы монарх и его свита всегда могли рассчитывать на хорошую добычу во время охоты. Более того, запеченная оленина была особо любимым блюдом короля¹⁸.

Семья Лайл занималась разведением оленей не только в интересах короля. Так, Оливер Келли, дальний родственник мужа сестры леди Лайл, в своем письме благодарит леди Гонорию за оленину¹⁹. Кроме того, в парках водились чибисы, куропатки, журавли, которых семья Лайл периодически поставляла друзьям, родственникам, соседям или даже к королевскому столу. В частности, так было при королевах Анне Болейн, ей нравились чибисы, и Джейн Сеймур, которой леди Лайл отправляла столь любимых ею перепелов²⁰.

Сэр Артур Плантагенет, кроме земельных владений и доходов с них, получал содержание от короля, поскольку занимал должность лорда-наместника в Кале, и небольшие «пособия» в виде денежных подарков на праздники²¹.

Леди Лайл от первого мужа достались земельные владения в Корнуолле и Девоне: в Тревалге, Фермаршелле, Уайтчепеле, Холкклмбе, Апкотснерралде и Калстоне, маноры в Техиди, Умберли, Бикингтоне, Атерингтоне, ежегодный доход от которых составлял 200 фунтов.²²

Из отдельных пассажей из переписки можно отчасти воссоздать структуру владений леди Лайл и способы использования земли. Так, управляющий в Собертоне Уильям Селлер пишет о количестве земель, засеваемых «для лорда и леди», т. е. о домене площадью 100 акров (около 40 га), при этом он замечает, что 10 акров, т. е. около 4 га, засеяно в интересах леди Лайл (gafton). Кроме того, Селлер сообщает о продаже боровов и шерсти, что позволяет говорить о разведении на продажу свиней, а также овец для производства шерсти. «Зарезали четырех боровов. Прошу вас, напишите хоть пару строк, как мне поступить с остатками шерсти...»²³.

Большую часть земель леди Лайл сдавала арендаторам. В частности, в письме от 12 декабря 1532 г. управляющий Джон Дэви пишет, что от правил леди Гонории книги доходов и расходов по Техиди и Маршаллу²⁴ и списки арендаторов²⁵. Письмо того же Дэви от 26 ноября 1532 г. свидетельствует о том, что арендная плата поступала нерегулярно: «Долг Ричарда Бари за Умберли составляет 11 фунтов 17 шиллингов и 1 пенсов»²⁶. Об арендаторах и их долгах сообщает и управляющий в Собертоне Уильям Селлер²⁷. К сожалению, в письмах нет информации о сроках аренды (краткосрочная или долгосрочная), что не позволяет аргументированно отнести леди Лайл по способу

эксплуатации земли к «старому дворянству» или джентри.

В ближайших реках в поместьях леди Лайл ловили рыбу. Священник в Техиди Джон Бонд в своем послании от 26 ноября 1532 г. сообщает леди Гонории о том, что «получили мало прибыли, 300 лососей и 15 мелких рыбешек»²⁸. Возможно, ловили и сельдь, так как в числе подарков леди Лайл графине Ратленд фигурировали 2 бочки сельди²⁹.

У леди Лайл был свой корабль, на котором она, по крайней мере, один раз отправлялась за рыбой к о. Мэн. Об этом упоминает Джон Нортон в двух письмах, адресованных леди Гонории: от 4 июля³⁰ и 10 июля 1533 г.³¹ В одном из своих писем Джон Хьюси, рассказывая о некой замечательной ткани, упоминает, что перешлет ее леди Лайл на «Геркулесе»³². Возможно, так назывался корабль, принадлежавший леди Лайл.

Еще одной отраслью хозяйства во владениях леди Лайл была добыча олова. Томас Сент-Обин, один из управляющих леди Гонории, информирует ее о работе на оловянных рудниках в Техиди: «Моя достопочтенная Леди, все работы в Карнки и Канбри и идут хорошо, спасибо Господу, лучше и не бывало за последние 3 года, я делаю все, чтобы так дальше и продолжалось»³³. Олово добывалось в Корнуолле и Девоне с давних пор, еще сводный брат Вильгельма Завоевателя Роберт Мортен получал прибыль от разработки рудника в Девоне. Однако во время Войн Роз многие рудники и месторождения были почти заброшены, поэтому пришлось заново возрождать производство.

Есть сведения и о наличии неподалеку от Амберли нескольких водяных мельниц, чью работу обеспечивали небольшие запруды на реке. В 1535 г. эти запруды были ликвидированы, поскольку отсутствовало особое разрешение короля на их постройку. Естественно, это нарушило работу мельниц. К сожалению, в письме нет никаких упоминаний о том, для чего именно они были построены. Можно лишь предположить, исходя из близости мельниц к оловянным рудникам, что это были так называемые штамповые мельницы, которые располагались вблизи от рек и водоемов, используемых для очищения олова от шлаков. Важность этих мельниц подтверждается тем, что Дигори Гренвиллю, племяннику леди Лайл, занимавшемуся вопросом запруд, было предложено дать взятку в 1000 марок серебром за получение этого разрешения, но тот не мог потратить на это такую огромную сумму³⁴.

Помимо дохода, земельные владения приносили и убытки, поскольку необходимо было периодически что-то ремонтировать, о чем в письмах к леди Лайл сообщали управляющие. В частности, Джон Дэви пишет о плачевном состоянии поместья в Техиди: «... Нужно как можно скорее починить мельницу, заново покрыть крышу усадьбы, а сараи и другие хозяйственные построй-

ки подлатать»³⁵. Через два года он же сообщает о том, что обветшания в Техиди есть только в местечке под названием Сулмер³⁶. Стало быть, леди Лайл сумела изыскать средства и принять меры по улучшению состояния поместья.

Определенный урон финансам семьи Лайл наносила недобросовестность некоторых управляющих, прежде всего, Джона Дэви, который был вовсе не так честен, как может показаться. Джейн Бассет, падчерица леди Гонории, жаловалась на то, что он утаивает сведения о расходах и доходах, присваивая себе часть прибыли³⁷.

Больших затрат требовало разрешение проблемы наследования земель покойного мужа леди Лайл их общим сыном. Суть вопроса состояла в том, что, помимо сына леди Лайл и Джона Бассета, Джона Бассета-младшего, на часть земель претендовал один из их соседей, лорд Добни. Годовой доход с этих земель составлял около 40 фунтов³⁸. Многочисленные споры по данному делу проходили при участии короля, сторону семьи Лайл представлял Джон Хьюси. Другой управляющий семьи – Джон Дэви – также занимался розыском доказательств для ведения судебной тяжбы леди Лайл за наследство своего покойного мужа³⁹.

О ходе процесса Дэви подробно сообщал в письмах леди Лайл. Наследование земель в полном объеме было очень важно, поскольку с этих земель шла значительная доля доходов семьи. Это понимал и лорд Добни. В 1535 г. он предложил леди Лайл заключить договор, по которому отказывался от всех претензий на спорные земли за сумму, чуть большую, чем тысяча марок серебром⁴⁰. Таких денег у семьи не было, поэтому вся надежда оставалась лишь на суд. Томас Кромвель обещал лорду Лайлу оказать всю необходимую поддержку в обмен на манор Пейнсвик, который, как было сказано выше, приносил семье в год все те же 40 фунтов. Что интересно, о своей договоренности лорд Лайл «забыл» рассказать жене и это стало для нее очень неприятным открытием во время личной встречи с Томасом Кромвелем. В письме от 7 ноября 1538 г. леди Лайл пишет супругу, что тот раздал слишком много обещаний и спрашивает его: «... Что я могу сделать, милорд, если нужно всегда учитывать ваши обещания? С таким успехом я могла бы остаться дома»⁴¹. В письме Джона Хьюси лорду Лайлу от 4 марта 1535 г., где он рассказывает о ходе продолжающейся судебной тяжбы с Эдвардом Сеймуром, управляющий пишет, что с помощью Томаса Кромвеля удалось достичь компромисса, но позволяет себе высказать хозяину: «... Это [решение] угодит двум сторонам, но, несмотря на это, я уверен, что это одна из самых невыгодных сделок, что вы когда-либо заключали»⁴². Казалось бы, покровительство такого влиятельного человека, как Томас Кромвель, должно было решить дело достаточно быстро, но лорд Добни, пообещав уступить некоторые из земель, заключил союз с Эдвардом Сеймуром, который, будучи братом

королевы и дядей наследника, был «совершенно непобедим»⁴³.

Несколькими годами ранее завязалась другая судебная тяжба между теми же лицами из-за земель лорда Лайла в Сомерсете. Эдвард Сеймур претендовал на эти земли по причине того, что часть документов, подтверждающих право владения лорда Лайла, была утеряна, а при этом лорд Лайл умудрился подписать, даже не читая, бумаги, передававшие Эдварду Сеймуру право сбора денег с арендаторов. Точка в этом деле была поставлена в 1535 г., т. е. еще до свадьбы короля с Джейн Сеймур и возвышения всего клана. Эдвард Сеймур понес убытки, а лорд Лайл на этот раз отстоял свои права на поместья⁴⁴. Возможно, именно эта неудачная судебная тяжба побудила Эдварда Сеймура повторно выступить противником лорда Лайла в суде.

Крупные суммы уходили на обеспечение комфортного проживания лорда Лайла. Известно, что сэр Артур унаследовал от своего отца, короля Эдуарда IV, любовь к пышным званым ужинам, обедам и жизни на широкую ногу, которая была присуща всем Плантагенетам. Его жалования как лорда-наместника Кале не хватало на поддержание привычного образа жизни. В конечном итоге ему даже пришлось обратиться королю с просьбой о прибавке к жалованию. Свою просьбу он обосновывает необходимостью принимать у себя иностранных послов и устраивать им званые ужины⁴⁵. Леди Лайл понимала, что такие привычки отрицательно сказываются на семейном бюджете, и, чтобы немного сэкономить деньги, ограничивала своего мужа в его стремлении с размахом устроить очередной ужин⁴⁶.

Огромные деньги уходили на содержание детей, их воспитание и образование. Девочки воспитывались в других знатных семьях, где их обучали французскому языку, танцам, манерам поведения в обществе, или в монастырях в Англии. Трое из четырех дочерей леди Лайл жили в семьях во Франции, там они обучались французскому языку и умению вести себя в обществе. Падчерица леди Гонории – Бриджит Плантагенет – пребывала в аббатстве в Винчестере, где ее воспитывали монахини⁴⁷. Мальчики учились в различных колледжах и у частных наставников. Так, младшего сына леди Лайл – Джеймса Бассета – первоначально также обучали монахи аббатства Рединг, а средний – Джордж Бассет – был на попечении аббата Гайда. Джеймса затем отправили в Наваррский колледж при Парижском университете. Этот колледж был известен как одно из самых лучших учебных заведений, в котором обучали теологии, грамматике и философии. Джордж же вместе с новым наставником отправился в Париж в путешествие для изучения французского языка. Обучение в колледжах и у наставников требовало оплаты трудов учителей, а также платы за пансион. Кроме того, требовались и дополнительные расходы на дополнительные частные уроки. На-

пример, Джеймс Бассет в Наваррском колледже брал уроки танцев и чистописания⁴⁸.

Отдельной и весьма внушительной статьей расходов являлась покупка тканей и пошив одежды для всех членов семьи. Для пошива костюмов использовались очень дорогие ткани – бархат, который привозился либо из Генуэзской колонии Каффы (Феодосия), либо из Лукки (Тоскана), дамаст, атлас, тафта, для аксессуаров использовали шелк. Шились платья на заказ у портных в Лондоне или в Париже. Зимнюю одежду подбивали чаще всего мехом рыси или горностая, за что платили отдельно⁴⁹. Лорд Лайл имел право, которым он весьма охотно пользовался, украшать одежду наиболее дорогим мехом соболя⁵⁰.

Случались и непредвиденные расходы на одежду. Так, 2 октября 1537 г. Джон Хьюси извещает леди Лайл, что королева недовольна тем, что мисс Анна Бассет носит наряды, изготовленные по французской моде, и велела той перешить часть своего гардероба, как минимум 2 платья, несколько пар рукавов, шляп и даже исподнее⁵¹. Подобные траты больно ударили по семейному бюджету лорда и леди Лайл.

Судя по отчетам Джона Хьюси, леди Гонория тщательно подходила к выбору тканей и нарядов для собственного гардероба, но при этом не забывала и об экономии. Вместо того, чтобы шить новое платье, она велела управляющему переделать одно из своих старых платьев в другой цвет⁵². Однако имели место и случаи откровенного мотовства даже со стороны настолько прагматичной особы, как леди Лайл. Так, своему младшему сыну Джеймсу она заказала 6 банных халатов и 15 носовых платков⁵³. Зачем такое количество предметов гардероба 12-летнему мальчику, неизвестно. Возможно, это было своеобразным проявлением материнской любви к ее самому младшему и, вероятно, самому одаренному ребенку.

Для приобретения тканей и разного рода аксессуаров леди Лайл имела дело не только со своими торговыми агентами, но и обращалась к членам больших купеческих корпораций. Леонард Смит в одном из своих писем леди Лайл пишет, что оставшиеся деньги он перешлет в Стапль⁵⁴. Еще в самом начале Столетней войны, в 1346 г., английский Стапль – центр торговли шерстью – был перемещен в Кале, который несколько столетий служил важной перевалочной базой в торговле Англии со странами Европы, прежде всего – с Нидерландами. Не случайно английская компания купцов-складчиков Кале была одной из самых богатых и влиятельных⁵⁵. Одним из участников этой корпорации был Томас Ли, который переписывался с леди Лайл и приобретал для нее, например, дамаст с цветами⁵⁶. Скорее всего, с этим человеком леди Лайл познакомилась через одного из своих многочисленных кузенов, который некоторое время проживал в Кале⁵⁷.

Тратились деньги и на подарки многочисленным высокопоставленным знакомым леди Лайл.

Среди подарков были и весьма дорогостоящие украшения. Например, леди Рингли Гонория Лайл отправила коралловые бусы с подвеской в виде золотого сердца⁵⁸. Подобный знак внимания был чрезвычайно важен: он помогал леди Лайл достигать своих целей. Кроме того, «дорогие украшения отражали обеспеченность и высокое общественное положение дарителя»⁵⁹.

Несмотря на все возможные меры, предпринимаемые для пополнения семейного бюджета, расходы семьи превышали доходы. Леди Гонории приходилось занимать деньги у соседей, которые потом она отдавала с большим трудом. Леди Мэри Авдейл, земли которой граничили с владениями леди Лайл в Хэмпшире, в письме настоятельно напоминает той о необходимости погасить долг⁶⁰. Она пишет, что леди Гонория заняла эти деньги достаточно давно и теперь они срочно нужны самой леди Мэри.

Помимо соседей, члены семьи Лайл также брали кредиты в Лондоне. Неизвестно, были ли выданы в кредит деньги или какие-либо товары, но лорд Лайл был должен неким Смиту⁶¹ и Кери⁶². Эти долги потом оплатила его жена.

Таким образом, у семьи Лайл было несколько источников дохода. Как и многие представители дворянства, эта семья отдавала предпочтение традиционным источникам дохода: сдавала свои земли в аренду, занималась добычей полезных ископаемых, используя для этого в том числе незаконно построенные водяные мельницы, получала деньги из казны благодаря должности, занимаемой лордом Лайлом. Вместе с тем потребность в денежных средствах побуждала леди Лайл прибегнуть к не свойственным для аристократии занятиям: торговле древесиной и рыбой, используя при этом связи с горожанами – торговыми агентами и купцами.

Расходы семьи Лайл включали в себя траты на одежду для поддержания высокого статуса, на земельные тяжбы, содержание и обучение девяти детей обоих супругов, приобретение дорогостоящих подарков для установления связей с другими представителями социальной элиты. Недосчитывалась семья денег и из-за нечестности управляющих, которых сложно было контролировать, находясь в Кале. Кроме того, характер лорда Лайла, склонного к расточительству, добавлял проблем, решение которых требовало существенных затрат. Тем не менее леди Лайл, хотя и пыталась экономить, ограничивая расточительность мужа, перекрашивая некоторые предметы гардероба, чтобы не шить новые, ничего не жалела для сына, которого побаловала пошивом совершенно непрактичных банных халатов. Это свидетельствует о том, что и ей были присущи те же широкие жесты, что и ее супругу.

Несмотря на постоянные заботы леди Лайл о благосостоянии семьи, домохозяйство периодически испытывало нехватку денег. Тогда супруги Лайл вынуждены были брать деньги в долг, кото-

рые, подобно многим другим дворянам, не спешили отдавать.

Подводя итог, можно сказать, что лорд Лайл, очевидно, принадлежал к «старому дворянству», а леди Лайл, хотя и искала всевозможные источники дохода, стараясь экономить как можно больше, тяготела к джентри лишь номинально. Все ее поступки были лишь вынужденной мерой, чтобы защитить семью, обеспечить домочадцам достойный их статуса образ жизни.

Примечания

- 1 См.: Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон : социальный портрет (на материале завещаний) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 311. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>
- 2 Элиас Н. Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии : Социология и история. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 93.
- 3 См.: Дмитриева О. В. Английское дворянство в XVI – начале XVII в. : границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв. : границы сословия / отв. ред. В. А. Ведюшкин. М. : Археографический центр, 1997. С. 18.
- 4 См.: Долги феодальной аристократии в 80–90 годах XVI в. по записям из архива государственного секретаря Р. Сесила // Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке : спецкурс. М. : Издательство МГУ, 1990. С. 91.
- 5 См.: Дмитриева О. В. Английское дворянство в XVI – начале XVII в. : границы сословия. С. 19.
- 6 Coss P. The Origins of the English Gentry. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 239.
- 7 Chernova L. N. English Gentry in the First Half of the 15th Century // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 970. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.309>.
- 8 См.: Винокурова М. В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М. : Наука, 2004. С. 70–71.
- 9 Chernova L. N. English Gentry in the First Half of the 15th Century. С. 970–971.
- 10 The Lisle Letters : in 6 vols. / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago ; London : Chicago University Press, 1981 (далее – The Lisle Letters).
- 11 Rowley-Williams J. A. Image and Reality : the Lives of Aristocratic Women in Early Tudor England. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Wales, Bangor. Bangor : Bangor University, 1998. P. 109.
- 12 Appendix 10. The Lands of Edward Grey, Viscount Lisle, and John Grey, Viscount Lisle // The Lisle Letters. Vol. 1. P. 375.
- 13 Ibid.
- 14 John Husee to Lady Lisle 18 July 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 220.
- 15 Leonard Smyth to Lady Lisle 15 July 1534 // Ibid. P. 212.
- 16 John Husee to Lady Lisle 17 July 1534 // Ibid. P. 218.

- ¹⁷ *Bush M. L.* The Lisle-Seymour land disputes : A study of power and influence in the 1530s // *The Historical Journal*. 1966. Vol. IX, № 3. P. 262.
- ¹⁸ См.: *Борман Т.* Частная жизнь Тюдоров : секреты венценосной семьи. М. : Эксмо, 2017. С. 125.
- ¹⁹ Oliver Kelly to Lady Lisle, not dated // *The Lisle Letters*. Vol. 1. P. 327.
- ²⁰ John Husee to lord Lisle 23 May 1537 // *The Lisle letters : An Abridgement* / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago : University of Chicago Press, 1983. P. 206 (далее – *The Lisle letters : An Abridgement*).
- ²¹ John Husee to Lord Lisle 7 November 1534 // *Ibid.* P. 147.
- ²² Appendix 24. The Basset Lands : 1528 // *The Lisle Letters*. Vol. 1. P. 412–413.
- ²³ William Seller 5 November 1533 // *Ibid.* P. 607.
- ²⁴ John Davy to Lady Lisle, 12 December 1532 // *Ibid.* P. 325–326.
- ²⁵ John Davy to Lady Lisle, 28 October 1533 // *Ibid.* P. 602–604.
- ²⁶ John Davy to Lady Lisle, 26 November 1532 // *Ibid.* P. 323.
- ²⁷ William Seller 5 November 1533 // *Ibid.* P. 607.
- ²⁸ John Bonde to Lady Lisle, 26 November 1532 // *Ibid.* P. 326.
- ²⁹ Elinor, Countess of Rutland to Lady Lisle 10 June 1537 // *Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary* : in 3 vols. / ed. by M. A. E. Wood. London : Henry Colburn, Great Marlborough Street, 1846. Vol. 3. P. 309.
- ³⁰ John Norton to Lady Lisle, 4 July 1533 // *The Lisle letters*. Vol. 1. P. 482–483.
- ³¹ John Norton to Lady Lisle, 10 July 1533 // *Ibid.* P. 484–486.
- ³² John Husee to Lady Lisle 29 December 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 330.
- ³³ Thomas St. Aubyn to Lady Lisle 23 November 1533 // *Ibid.* Vol. 1. P. 621–622.
- ³⁴ Diggory Granville to Lord and Lady Lisle 17 November 1535 // *The Lisle letters : An Abridgement*. P. 140–141.
- ³⁵ John Davy to lady Lisle 26 November 1532 // *The Lisle letters*. Vol. 1. P. 323.
- ³⁶ John Davy to Lady Lisle April 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 133.
- ³⁷ Jane Basset to Lady Lisle, May–June 1535 // *Letters of royal and illustrious ladies...* P. 148–150.
- ³⁸ Appendix 24. The Basset Lands : 1528 // *The Lisle Letters*. Vol. 1. P. 413.
- ³⁹ John Davy to Lady Lisle 14 January 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 27.
- ⁴⁰ *Rowley-Williams J. A.* Op. cit. P. 133.
- ⁴¹ Lady Lisle to Lord Lisle 7 November 1538 // *The Lisle letters : An abridgement*. P. 275.
- ⁴² John Husee to Lord Lisle 4 Marth 1535 // *Ibid.* P. 138.
- ⁴³ *Bush M. L.* Op. cit. P. 269.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ Lord Lisle to Henry VIII 8 May 1536 // *The Lisle Letters*. Vol. 3. P. 357.
- ⁴⁶ Lady Lisle to lord Lisle 15 November 1538 // *The Lisle letters : An abridgement*. P. 314.
- ⁴⁷ Elizabeth Shelley to Lady Lisle 26 February 1535 // *Ibid.* P. 97.
- ⁴⁸ Bill John Bekynsaw to Lord Lisle 2 January 1538 // *The Lisle letters*. Vol. 4. P. 517.
- ⁴⁹ *Куреева Е. В.* История костюма. Европейские костюмы от Античности до XX века. М. : Просвещение, 1970. С. 78–79.
- ⁵⁰ Lord Lisle to Lady Lisle 14 September 1539 // *The Lisle Letters*. Vol. 5. P. 647.
- ⁵¹ John Husee to Lady Lisle 2 October 1537 // *The Lisle letters : An Abridgement*. P. 211.
- ⁵² John Husee to Lady Lisle 18 May 1538 // *Ibid.* P. 245.
- ⁵³ Bill John Bekynsaw to Lord Lisle. d. 1537 // *The Lisle Letters*. Vol. 4. P. 516.
- ⁵⁴ Leonard Smyth to Lady Lisle 15 July 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 212.
- ⁵⁵ См.: *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 148.
- ⁵⁶ Thos. Leigh to Lady Lisle 1 November 1535 // *Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII* : in 21 vols. London : Her Majesty's Stationery Office, 1886. Vol. 9 : August–December 1535 / ed. by J. Gairdner. P. 252.
- ⁵⁷ Lady Lisle to Lord Lisle 2 December 1538 // *The Lisle letters : An Abridgement*. P. 317.
- ⁵⁸ Jane, Lady Ringley, to Lady Lisle, 18 May 1539 // *Letters of royal and illustrious ladies...* Vol. 3. P. 127–128.
- ⁵⁹ См.: *Абаренова А. И.* Женские социальные сети влияния : взаимоотношения знатных дам в Англии первой половины XVI века // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения*. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 24.
- ⁶⁰ Mary Uvedale to Lady Lisle 22 November 1535 // *The Lisle letters : An Abridgement*. P. 141.
- ⁶¹ Lord Lisle to Lady Lisle 20 November 1538 // *Ibid.* P. 298.
- ⁶² Lord Lisle to Lady Lisle 22 November 1538 // *Ibid.* P. 301.

Поступила в редакцию 28.03.2021, после рецензирования 30.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 28.03.2021, revised 30.03.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 337–344
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 337–344
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

Научная статья
УДК 339.542.22(470+571+410)|1734|

Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки)

Т. Л. Лабутина

Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, tlabutina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4175>

Аннотация. На основе анализа дипломатической переписки британских послов в России при дворе императрицы Анны Иоанновны рассматривается процесс подготовки к заключению российско-британского торгового договора 1734 г. В зарубежной и отечественной историографии торговый договор активно обсуждался, однако сюжет, связанный с его подготовительным этапом, слабо освещался либо не затрагивался вовсе. Автор обращает внимание на сложный характер переговоров, настойчивость и мастерство в достижении своих целей британских переговорщиков и слабость и неумение защищать национальные интересы отдельных высокопоставленных российских чиновников. Трактат 1734 г. оценивается автором как неравноценный и наиболее выгодный для английского купечества.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, XVIII век, дипломаты, переговоры, Торговый договор 1734 года.

Для цитирования: Лабутина Т. Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 337–344. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

How the Russian-British commercial treaty of 1734 was prepared (based on the materials of diplomatic correspondence)

T. L. Labutina

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 32-A Leninskii Av., Moscow 119334, Russia

Tatiana L. Labutina, tlabutina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4175>

Abstract. Based on the analysis of diplomatic correspondence of British ambassador in Russia at the court of Empress Anna Ioannovna highlights the process of preparation for the conclusion of the Russian-British commercial treaty in 1734. In foreign and Russian historiography, the treaty was actively discussed, but the plot related to its preparatory stage was poorly covered, or not touched at all. The author draws attention to the complex nature of the negotiations, the persistence and skill of the British negotiators in achieving their goals, and the weakness and inability to protect the national interests of certain high-ranking Russian officials. The treaty of 1734 is estimated by the author as unequal and the most profitable for the English merchant class.

Keywords: Russia, Great Britain, XVIII century, diplomats, negotiations, commercial treaty of 1734

For citation: Labutina T. L. How the Russian-British commercial treaty of 1734 was prepared (based on the materials of diplomatic correspondence). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 337–344 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Торговля в англо-русских отношениях всегда занимала важное, можно сказать, первостепенное место. Если обратиться к истории вопроса, то выяснится, что именно торговые связи Англии и Московского государства во многом способствовали установлению дипломатических отношений между ними. В марте 1556 г. «открывший» «Московию» английский купец и мореплаватель

Ричард Ченслер получил первую жалованную грамоту от царя Ивана Грозного, позволявшую англичанам вести беспошлинную торговлю в государстве¹. Между тем Англия и Россия, вступившие в коммерческий диалог, ставили веред собой различные цели. В то время, как царь пытался проложить кратчайшую морскую дорогу на Запад, опираясь на поддержку англичан, через

экономические с ней связи, политический союз, а, возможно, и династический брак, англичане преследовали исключительно коммерческие цели. По мнению исследователя Ф. Ф. Мартенса, английское правительство «смотрело на Московское государство только как на новый рынок для выгодного сбыта английских произведений и для получения нужного для английской промышленности сырья»².

В XVIII в. Великобритания окончательно становится главным торговым партнером России. Как отмечает современный историк А. В. Демкин, на протяжении столетия наблюдалось бурное развитие британской промышленности, требовавшей все больше сырья и полуфабрикатов. Великобритания потребляла основную долю вывозимых из России традиционных статей ее экспорта: пеньки и льна. Британские купцы покупали почти все экспортное русское железо. «Можно без преувеличения сказать, – продолжал ученый, – что британский флот (и прежде всего военный) был создан по преимуществу из материалов, вывезенных из России. Россия же потребляла готовые изделия британской промышленности: сукна, ткани, различные предметы обихода (среди них важное место занимали предметы роскоши) и т. д.»³. В результате в XVIII в. сложилась такая ситуация, когда оба государства стали необходимы друг другу как экономические партнеры. «Промышленность и флот Великобритании не могли существовать без поставок сырья и полуфабрикатов из России. В то же время никто, кроме британских купцов, не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров»⁴, – заключает историк.

Интенсивные торговые отношения с Англией существовали уже в правление Петра I. Об этом свидетельствовал профессиональный купец и известный литератор Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8–9, как в прошлые годы»⁵, – писал он в 1705 г. в журнале «The Consolidator». В целом за 10 лет, с 1698 по 1708 гг., объем англо-русского товарооборота, по свидетельству историка В. М. Матвеева, утроился⁶.

По мере того, как англичане укрепляли свои позиции на русском рынке, их аппетиты только росли. И вот уже британский резидент Джордж Маккензи 10 марта 1715 г. направляет Петру I от имени короля Георга I Ганновера меморандум, в котором высказаны пожелания (скорее требования. – Т. Л.) монарха, касающиеся торговли двух стран. В меморандуме, в частности, говорилось о необходимости разрешения российского правительства «свободной и открытой торговли для всех купцов, подданных Великобритании»; об освобождении их от уплаты налогов, а также от постоя солдат. Кроме того, подданные Его Величества должны быть подсудны исключительно британским судам, а книги, письма и другие бумаги фактории не подлежат досмотру⁷.

В какой мере подобные требования британских властей были выполнены российским правительством, трудно сказать, поскольку каких-либо документальных свидетельств об этом обнаружить не удалось. Однако нельзя исключать, что царское правительство во многом шло на уступки британцам, поскольку было крайне заинтересовано в торговле с Англией. Во всяком случае на это указывает проект торгового договора, представленный русским послом князем Б. И. Куракиным государственному секретарю Великобритании лорду Таунсенду 23 марта 1715 г., и аналогичный проект англичан, составленный в мае того же года⁸. В то же время, судя по всему, выдвинутые обеими сторонами условия договора не устраивали ни англичан, ни русских.

Заметим, что предыстория экономических отношений Англии и России в свое время освещалась в монографии «Англичане в допетровской России»⁹. Останавливались мы также на проблеме пролонгации Торгового соглашения 1734 г. в правление Екатерины II в 1766 г.¹⁰ Сам торговый договор и связанная с ним дипломатическая борьба между Великобританией и Россией прежде нами не изучались. Настоящая статья призвана восполнить существующую лауну.

В 1720–1721 гг. политические отношения России и Великобритании обострились. 14 декабря 1720 г. между государствами произошел официальный разрыв дипломатических отношений, однако это не повлияло на торговлю. Она продолжалась, хотя и не в прежнем объеме. В 1724 г. Петр I издал Таможенный тариф, который носил протекционистский характер. В соответствии с ним были введены высокие заградительные пошлины (до 75 %) для зарубежных товаров, аналоги которых производились в России. В то же время товары русского экспорта облагались низкой поощрительной пошлиной до 6 %. Пошлинные сборы предполагалось собирать в российской валюте (ефимками)¹¹.

Таможенный тариф вызвал широкое недовольство европейских и, прежде всего, британских купцов. Неудивительно, что после смерти царя британское купечество подало множество челобитных на имя императрицы Екатерины I, в которых содержались просьбы о снижении пошлин, а также об освобождении их домов от постоя военных. Русское правительство пошло на уступки, и в 1726–1727 гг. на некоторые товары пошлины были понижены. Однако этого для англичан было недостаточно. Вот почему в правление Петра II к царскому двору прибыли дипломаты Т. Уорд и К. Рондо с целью восстановить дипломатические отношения и торговлю в прежнем объеме. Первая часть их миссии была успешно выполнена при Анне Иоанновне в 1731 г. Что касается торгового договора, то британцам за него пришлось серьезно побороться. О том, как это происходило, и пойдет речь в нашей статье. Заметим, что хотя в отечественной науке

торговый договор анализировался рядом ученых (П. А. Остроухов¹², В. В. Лебедев¹³, А. В. Демкин¹⁴ и др.), данный сюжет прежде не являлся предметом специального изучения. Что касается зарубежной историографии (Р. Лодж¹⁵, Д. К. Ридинг¹⁶ и др.), то он был затронут поверхностно.

В конце декабря 1731 г. посол К. Рондо принял первую попытку переговорить о торговом договоре с вице-канцлером А. И. Остерманом. Граф отвечал, что очень рад сделать все, что послужит выгоде обоих государств и что «признает вполне разумным оказать английской торговле с Россией... большее покровительство»¹⁷. Однако пока он не готов говорить обстоятельно по этому поводу, так как занят другими делами. Судя по всему, Остерман не получил от императрицы Анны Иоанновны каких-либо указаний, касающихся торгового соглашения, чем и объяснялось его прохладное отношение к предмету разговора с Рондо.

В начале марта 1732 г. Рондо, выяснив, что российская сторона благожелательно относится к укреплению торговли с Великобританией, решил обратиться к своим соотечественникам – купцам, торгующим в России, чтобы услышать их пожелания и обсудить, о чем ему следует ходатайствовать в их пользу. Вскоре список ходатайств из 15 пунктов был представлен послу.

Судя по этому документу, затруднения и неудобства, стеснявшие английскую торговлю в России, заключались в следующем:

1. Поскольку в 1727 г. все магазины, в которых складировались лен, пенька, масло, были истреблены пожаром, этот товар размещали в разных помещениях, иногда отдаленных «одно от другого на несколько миль»¹⁸, порой даже в жилых домах или во дворах, что представляло опасность из-за огня, подъема вод и пр. Кроме того, разбросанность товаров на большие расстояния значительно затрудняла отправку судов, «вынужденных по несколько раз менять стоянки для приема грузов»¹⁹. Поэтому купцы ходатайствовали о постройке пеньковых магазинов в более удобном месте, к примеру, напротив нового Гостиного двора на Васильевском острове. Они считали, что от магазинов следует проложить мосты к пристаням, расположенным в местах, удобных для подхода судов. Эти меры, по их мнению, облегчат погрузку судов, а следовательно, полагали они, значительно умножат «выгоды и доходы России»²⁰.

2. Поскольку в 1731 г. все иностранцы в силу указа Коммерц-коллегии вынуждены были перевезти свои товары к новому Гостиному двору на Васильевский остров, а русские купцы по-прежнему складировали свои товары (кожи, воск, холст, нитки и т. п.) в старом Гостином дворе, то возникли неудобства в обмене. Посему английские купцы желали, чтобы и русских купцов обязывали складировать легкоперевозимый товар в новом василеостровском Гостином дворе. Они просили также, чтобы в целях сохранения товаров

в новом Гостином дворе близлежащий пороховой магазин был куда-нибудь перемещен.

3. Так как все сделки между купцами регистрировались во внутренней таможене, расстояние от которой до нового Гостиного двора было значительным, что задерживало дела, купцы ходатайствовали о ее перенесе на остров неподалеку от портовой таможни и нового Гостиного двора.

4. В связи с тем, что иски русских людей к иностранцам решались в Коммерц-коллегии, а аналогичные иски иноземцев предъявлялись в ратуше, где их ожидали большие проволочки, чрезвычайные расходы; значительная трата времени, и где, наконец, иск оставался без последствий²¹, то английские купцы просили, чтобы их иски рассматривались также в Коммерц-коллегии.

5. Нередко случалось, что русские приказчики в отсутствие хозяев пользовались кредитом у иноземцев, покупая и продавая от их имени товары. Они «входят в большие долги у иноземцев, а когда наделают долгов, хозяин нередко отнимает у них свой товар, а долги, сделанные приказчиками его именем, платить отказывается», заявляя, что он не давал им разрешения кредитоваться²². В связи с этим английские купцы высказали пожелание, чтобы внутренняя таможня при сделках вникала, насколько приказчику доверено вступать в обязательства, и чтобы все сделки, произведенные им от имени хозяина, были обязательными для последнего, как бы заключенные им лично.

6. Бывает, что русский купец, приехав издалека, торгует, делает большие долги, а затем возвращается в место своего жительства, бросает торговлю и живет за счет кредиторов. Розыск и преследование таких должников всегда оказывалось бесплодным и бесполезным, потому купцы просят, чтобы Коммерц-коллегия предписывала привлечение кредитора из места его пребывания в Петербург «для надлежащего удовлетворения»²³.

7. Часто случается, что крепостные люди, «торгующие съестными припасами, кредитуются у иноземцев», а затем, возвращаясь к своим господам, пользуются их покровительством против справедливых притязаний кредиторов. Купцы просят, «чтобы и это зло было предупреждено»²⁴.

8. Нередко при отъезде русского купца остается незаполненной квитанция за купленный товар, так называемая «разделка», а по истечении нескольких лет выставляются требования уплаты вновь, несмотря на то, что она была произведена своевременно. Поэтому купцы ходатайствуют, чтобы по истечении года со времени регистрации сделки во внутренней таможене, отсутствие «разделки» «не влекло за собой обязательства уплаты ни иноземцу со стороны русского, ни русскому со стороны иноземца»²⁵.

9. Купцы нередко жалуются на плохую сортировку пеньки и льна, а также «обыкновение не отрезать корней конопли», отчего они несут

большие убытки, потому они ходатайствуют, чтобы «при обнаруженном и доказанном обмане в сортировке и упаковке пеньки или льна убытки, понесенные от такого обмана, немедленно взыскивались с сортировщиков в пользу лица, доказавшего обман»²⁶.

10. В связи с тем, что купцам постоянно приходится получать от своих заграничных друзей жалобы на неполную меру холстов, они просят, чтобы торговцы доставляли холсты на рынок не иначе, «как со штемпелем на каждом конце холста, с обозначением количества аршин в куске»²⁷.

11. Чтобы избежать частых и потому очень убыточных задержек английских судов в проливе (Зунда), купцы желали бы упразднения обычая указывать в судовых паспортах нагруженный на судне товар.

12. В большинстве стран купцы имеют право свободно приезжать и уезжать без всяких паспортов; в России же, когда дела требуют их поездки по стране, они обязаны не только брать паспорт, но еще и вносить за себя залог. То же требование предъявляется и к выезжающим из России. Однако англичанам «представить такой залог очень затруднительно, даже в случае, если за отъезжающим не числится никаких долгов ни правительству, ни частному лицу»²⁸. Из-за залога многие желающие возвратиться домой вынуждены оставаться в России, что «крайне убыточно и неудобно». В этой связи купцы ходатайствуют, чтобы впредь в случае желания кого-либо из них выехать внутрь страны «паспорт ему выдавался безостановочно»²⁹ и чтобы залог ни в коем случае не требовали.

13. Нередко купцов без всякого предупреждения выселяют, порой, даже силой, из нанятых ими домов, тем самым грубо нарушая контракты. От этого они терпят неудобства и несут большие убытки. В связи с этим британские купцы просили об устранении подобных насилий и о предоставлении им права покупать и строить себе дома. Кроме того, они хотели, чтобы «купленные, построенные и нанимаемые ими дома, коль скоро они живут в них, освобождались от постоя, как водится во всех странах, где процветает торговля»³⁰.

14. Английским купцам хорошо известно, что выгоды, получаемые Россией от торговли с Англией, превышают выгоды от торговли со всей остальной Европой. Между тем они очень сожалют, что русские торговцы отдают предпочтение приобретению значительных партий солдатского сукна, поставляемого из других стран, и в результате «у англичан на руках товар лежит мертвым капиталом»³¹. В то же время известно, что из всех товаров, ввозимых в Россию из Великобритании, именно солдатское сукно представляется «самым выгодным для английского купечества». Поэтому купцы ходатайствуют, чтобы солдатское сукно покупалось исключительно у англичан, которые «всегда доставят сукно и дешевле и лучшего качества, чем всякая иная нация». Но если

Россия будет и впредь закупать сукно у других государств, то это неизбежно заставит Англию со своей стороны искать пути «к снабжению себя кораблестроительным материалом ... из собственных насаждений, или, во всяком случае, избежать закупки каких-либо русских продуктов»³².

15. Английские купцы высказывали пожелание о переносе всей торговли в Кронштадт при условии, чтобы там «предварительно были построены удобные магазины всякого рода». Это позволит судам быстрее разгружаться, а следовательно, значительно уменьшатся расходы по перевозке товаров. Если же такой перенос всей торговли будет неудобным, то купцы желали бы скорейшего окончания строительства канала, начатого императором Петром Великим, чтобы «глубоко сидящие суда могли подниматься вверх по Неве, что представит немалую выгоду для торговли»³³.

Таким образом, британские купцы обстоятельно обсудили все претензии, которые намеревались предъявить русскому правительству. Обращает на себя внимание п. 14, в котором они не просто огласили пожелание, чтобы русские купцы приобретали сукно исключительно у них, но и попытались шантажировать своих контрагентов, предупреждая, что прекратят с Россией любую торговлю, если не будет выполнено это требование. Неудивительно, что данная статья вызвала жаркие споры в Кабинете министров, куда 3 марта Рондо был приглашен для обсуждения предложений купцов. «Явившись около десяти часов утра, – сообщал он госсекретарю Гаррингтону, – я встретил там князя Черкасского, графа Остермана и фельдмаршала Миниха, которым, кажется, ясно доказал, что для России торговля с Великобританией выгоднее, чем торговля со всей остальной Европой вместе взятой, почему и надеюсь, что Ее Величество милостиво соизволит поощрить нашу торговлю настолько же, сколько и торговлю всех других наций, даже преимущественно перед всеми, так как известное количество денег ввозится в Россию исключительно путем торговых сношений с Великобританией»³⁴.

Далее дипломат вместе с министрами принялись обсуждать документ «статью за статьей», причем Рондо приводил все возможные аргументы в пользу каждой из них. «Особенно долго остановились мы на статье 14, – продолжал консул, – так как я крепко настаивал на том, что интересы самой России требуют не покупать солдатского сукна в Пруссии»³⁵. По-видимому, Кабинет дал какие-то гарантии по поводу приоритета приобретения сукна у англичан, если Рондо высказывал надежду: «Вскоре мы в состоянии будем вновь захватить торговлю сукном в свои руки: у пруссаков сукно покупается здесь только из милости»³⁶. Как бы то ни было, но данный меморандум явился по сути основой, на которой уже можно было вести предметный разговор о заключении торгового договора между странами.

Как это не покажется странным, Анна Иоанновна, не любившая заниматься государственными делами, вопрос с жалобами британских купцов решила быстро. Уже 1 апреля 1732 г. посол сообщал в Лондон, что императрица приказала министрам рассмотреть все статьи переданной Рондо записки и выполнить пожелания купцов, «насколько окажется возможным без ущерба интересам России и подданным Ее Величества»³⁷. Вскоре на 8 из 15 статей было дано согласие и Коммерц-коллегии отправлено предписание внести их в число новых торговых постановлений. Посла также уведомили, что «приказано возможным удовлетворить купцов и по остальным статьям, хотя они еще и не опубликованы». Рондо пришел в восторг от столь быстрого успеха переговоров. Примечательно, что этому он был обязан многим друзьям, «помогавших исходу дела»³⁸. Впрочем, кого он подразумевал под своими друзьями, посол умалчивал. Возможно, что речь шла о ком-то из министров.

Рондо был очень доволен также тем, что ему удалось склонить российских министров на обещание купить около 400 тыс. ярдов английского солдатского сукна. Это решение «очень огорчило пруссаков, надеявшихся, что выгоднейшая отрасль нашей торговли в России – поставка сукна – впредь предоставлена будет им исключительно. Буду очень счастлив, – продолжал консул, – если мне удастся ... со временем вполне упредить эту отрасль торговли за нами»³⁹. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что и здесь Рондо ссылается на помощь русских министров, с которыми он «состоит в отношениях настолько хороших, что ему удалось склонить» их к заказу значительного количества сукна из Англии.

Однако не все шло так гладко, как представлял себе дипломат. Уже спустя месяц после отправки в Лондон упомянутого документа, Рондо извещал лорда Гаррингтона о том, что ему вряд ли удастся склонить русский двор к заключению торгового договора. «Я слышал, – писал он, – что он (двор. – Т. Л.) и прежде отказывался вступать в подобные обязательства из опасения, как бы и Голландия, и другие государства, имеющие торговые сношения с Россией, не пожелали заключения таких же договоров. Впрочем, – продолжал Рондо, – я, конечно, употреблю все усилия, дабы склонить Ее Величество на договор, направленный к обоюдной выгоде обоих народов»⁴⁰.

Тем временем от лорда Гаррингтона пришло сообщение о том, что король приказал дело о торговле с Россией передать на рассмотрение Торговой палаты, а также потребовал от Рондо приложить «все свои старания и все свое умение к заключению трактата»⁴¹. «В настоящее время обстоятельства слагаются особенно благоприятно для такого дела: отношения между Великобританией и Россией совсем не те, что были при Петре I, когда делались первые попытки к заключению

торгового договора, прекратившиеся за перерывом сношений и не давшие никакого результата. Укажите на то, что договор этот, невзирая на свой чисто-коммерческий характер, направленный к обоюдной пользе договаривающихся сторон, дает дружбе нашей основание более прочное, чем всякий иной дружественный или даже оборонительный договор»⁴². Как видно, приоритеты англичан несколько не изменились: на первое место они выдвигали коммерческие, а не союзнические цели, в чем расходились с российской стороной. И, как отмечал Рондо, хотя правительство Анны Иоанновны устранило все неудобства в торговле, на которые жаловались британские купцы, и решило более «тесно» сблизиться с Великобританией, тем не менее, оно скорее желает заключить «дружественный договор, не упоминая о взаимных гарантиях»⁴³.

7 октября 1732 г. Рондо отправил государственному секретарю очередное сообщение, к которому была приложена его записка о состоянии российско-британской торговли. В ней Рондо в очередной раз уверял, что торговля с Великобританией в течение многих лет была и поныне продолжает оставаться для России более выгодной, чем торговля с любой другой европейской нацией. Подданные Великобритании вывозят две трети всей экспортируемой пеньки, более половины всех экспортируемых кож, столько же льна, более трех четвертей всех полотен, примерно столько же железа, весь поташ, большую часть ревеня, рыбьего клея, щетины, воска и пр. При этом три четверти этих товаров в течение последних лет оплачивалось русским деньгами. Однако за последние 10 лет вывоз из Англии в Россию уменьшился почти наполовину. Вместе с некоторыми купцами Рондо попытался выяснить причины, которые привели к подобному положению вещей. Далее он рассматривал каждую из них.

В первую очередь Рондо остановился на вопросе о продаже сукна. Он отмечал, что в прежние годы Россия ежегодно закупала у английских купцов от 1100 до 1200 кусков солдатского сукна для своих гвардии и армии. И так продолжалось до 1724 г. В настоящее время Пруссия представляет собой серьезную конкуренцию для англичан. Учитывая, что русское правительство увеличило численность своей регулярной армии, и в настоящее время ему ежегодно требуется до 3000 кусков сукна, было бы желательно, чтобы это количество поставлялось Англией. Торговля сукном, продолжал посол, представляет для англичан больше выгод, чем все прочие ввозимые в Россию товары, вместе взятые. Кроме того, английское сукно, по его мнению, лучше и дешевле прусского. «Мы смеем надеяться, что правительство наше примет меры к возможному устранению Пруссии и к обеспечению этой отрасли торговли исключительно за Англией», что принесет шерстяному производству «лишний сбыт произведений при-

близительно на сто тысяч фунтов стерлингов»⁴⁴, – констатировал Рондо.

Второй пункт документа касался вывоза из России шелка-сырца. До 1724 г. из Великобритании в Россию ежегодно вывозилось значительное количество тонких сукон различных сортов, которые закупались русскими купцами для торговли с Персией, и армянами, торговавшими в Шемахе, Гиляни, на каспийском побережье. Эта отрасль английской торговли была утрачена, так как в 1724 г. проживавшие в России армянские купцы просили разрешения у правительства вести транзитную торговлю с уплатой пошлины в 3 %, тогда как с других купцов взималась пошлина от 25 до 75 %. Таким образом, транзитная торговля целиком попала в руки армян, которые, отправляя весь сырец в Голландию, «выписывают оттуда в обмен шерстяные товары, которые прежде по преимуществу... доставлялись Англией в весьма значительном количестве»⁴⁵. Рондо полагал, что данная отрасль британской торговли может быть восстановлена, если будет получено разрешение вывозить шелк-сырец из Санкт-Петербурга в Англию.

Наконец, третий пункт документа касался торговли пенькой. В прежние времена, напоминал Рондо, до того, как торговля не была еще переведена в Петербург, комиссионеры королевского Адмиралтейства нередко заключали контракты на поставку флоту пеньки из Архангельска. Это поощряло вывоз произведений британских мануфактур, которые шли на расплату за пеньку, купленную для выполнения контрактов английского Адмиралтейства. В результате следует признать, что при такой уплате за часть пеньки произведениями самой Англии, соответствующая сумма сберегалась для нации. За последние годы Адмиралтейство обеспечивало свои потребности контрактами на рижскую пеньку, что «представляет убыток на всю сумму стоимости товаров, которые бы могли быть привезены из Великобритании в уплату за пеньку петербургскую»⁴⁶. К тому же в Риге пенька всегда покупается только за наличные деньги, тогда как в Петербурге она приобретает отчасти английскими товарами (сукном, оловом, свинцом, жестью в полосах), что, бесспорно, очень выгодно для Великобритании.

В заключении записки, освещающей положение важнейших отраслей торговли Великобритании с Россией, Рондо вместе с влиятельными английскими купцами, подписавшими документ, выражал надежду, что торговля двух стран будет восстановлена «на прочном основании».

В ответной депеше лорд Гаррингтон проинформировал Рондо о назначении полномочным министром Великобритании при русском дворе лорда Джорджа Форбса, прибытие которого в Петербург ожидалось в марте 1733 г. Понимая, что данное назначение Рондо может расценить как свою отставку, Гаррингтон ссылаясь на решение короля выполнить неоднократно выраженное

желанию царицы видеть при своем дворе «лицо именитое». «Потому, – продолжал Гаррингтон, обращаясь к Рондо, – вам не следует смотреть на это назначение, как на признак недовольства вами; напротив, все ваши действия всегда удоставались милостивого одобрения Его Величества и король никогда не думал смещать вас с поста, на котором вы имеете честь служить ему в настоящее время»⁴⁷. По-видимому, британское руководство сочло необходимым направить в помощь Рондо более опытного дипломата, цель которого, по признанию историка А. Б. Соколова, заключалась в скорейшей подготовке торгового договора между двумя странами⁴⁸. Неудивительно, что Форбс прибыл в Россию в ранге полномочного представителя министра по вопросам торговых отношений.

Таким образом, главную роль на заключительном этапе переговорного процесса о торговом договоре довелось сыграть лорду Дж. Форбсу, а не К. Рондо. Как отмечал британский историк Д. К. Ридинг, лорду Форбсу, как и его предшественнику, неоднократно пришлось обращаться за содействием в своей миссии не только к Остерману, но и к графу Бирону. Ридинг подчеркивал, что в переговорах двух сторон сохранялись разногласия. В то время, как Георг II требовал, чтобы для ускорения принятия договора посол обещал признание императорского титула за царицей, граф Остерман увязывал его с одновременным заключением оборонительного договора между государствами⁴⁹. Форбс не мог согласиться на предложение вице-канцлера. Взамен он представил проект договора, который был утвержден Торговой комиссией 8 августа 1733 г. Этот проект состоял из 27 статей, содержащих требования британцев, и мало отличался от предыдущего проекта, составленного Русской компанией. Дополнением к нему служили выдвинутые британскими купцами требования. Форбс выделил 3 статьи, на которых настаивали англичане. Так, в соответствии со ст. 4 британские купцы требовали уплаты таких же пошлин на ввозимые товары в Россию, какие существовали для русского купечества, торговавшего аналогичными товарами в своей стране. При этом англичане могли уплачивать пошлины в русской монете или в кронах (рейхсдолларах). В соответствии со ст. 7 британцы могли перевозить свои товары в другие страны через территорию России. Оплата пошлины в этом случае должна была составлять 3 % на все товары. Статья 26 касалась торговли английским сукном, которую британцы стремились всеми способами расширить⁵⁰. Форбс считал, что эти три статьи являлись самыми значимыми и, если их удастся принять, то с остальными статьями договора будет намного проще.

Анализируя статьи договора, Ридинг пришел к заключению о том, что торговля с англичанами, в сравнении с другими государствами, будто бы была более выгодна России. В то же время он от-

мечал, что британская сторона получала большие дивиденды не только от экспорта и импорта товаров в Россию, но и от их перевозки на своих судах. Неудивительно, что послы Форбс и Рондо приложили немало усилий, чтобы добиться заключения договора. Все лето и осень 1734 г. шли трудные переговоры. С британской стороны в ход пошло испытанное средство – подкуп влиятельных российских чиновников. Как отмечал А. В. Демкин, крупная взятка была получена герцогом Э. Бироном, а также, возможно, и президентом Коммерц-коллегии бароном П. П. Шафировым. Но вот подкупить графа А. И. Остермана англичанам так и не удалось⁵¹. И хотя вице-канцлер всячески пытался затянуть подписание договора, императрица Анна Иоанновна наконец-то дала согласие на этот шаг. «Трактат между Российским и Английским дворами о дружбе и взаимной между обеих держав коммерции» был подписан в Петербурге 2 декабря 1734 г. Как отмечал А. В. Демкин, «в истории русско-британских отношений это был первый подобный документ. Причем для Британии его условия, по сравнению со всеми последующими трактатами, являлись наиболее выгодными»⁵². Указанный договор предусматривал равные условия в торговле для британцев и русских: свободный проезд в страну, торговля любыми товарами, уплата пошлин в размере, установленном для всех других иностранцев, проживание и наем слуг. Но поскольку русские купцы практически не посещали Великобританию, для них подобный принцип равенства оставался лишь на бумаге. В то же время за британскими коммерсантами сохранялись определенные привилегии. Согласно ст. 8 им была разрешена транзитная торговля с Персией через территорию России. В соответствии со ст. 5 и 7 купцы расплачивались в нашей стране русскими деньгами. Статья 10 освобождала дома британцев от постоев, а ст. 27 уменьшила пошлины с английских шерстяных тканей⁵³.

Анализируя содержание торгового договора, А. В. Демкин пришел к выводу о том, что он стал возможен по нескольким причинам. Во-первых, британское купечество к тому времени уже довольно прочно закрепило ведущие позиции в торговле с Россией, что поощрялось русским правительством. Во-вторых, в этот период усложнилось положение России на международной арене: надвигалась война с Турцией и ухудшились отношения с Францией, «все это требовало сближения с Великобританией»⁵⁴. Наконец, большую роль в подготовке договора сыграли британские дипломаты. Во многом именно благодаря их активной позиции и настойчивости договор удалось подписать в том формате, который был наиболее выгоден британцам.

В отечественной и зарубежной историографии торговый договор 1734 г. оценивается неоднозначно. К примеру, Д. Ридинг считал, что документ предоставлял британцам реальные привилегии в полном объеме. Во-первых, британцы получили

право свободно продавать в России шерстяные товары значительно дешевле, чем их конкуренты. В результате, благодаря снижению на треть ввозных пошлин на эти товары, англичане получали большие выгоды. Спустя четверть века после заключения договора, ежегодный экспорт всех английских товаров в Россию удвоился, по сравнению с предшествующим тридцатипятилетним периодом. А учитывая, что этот вид торговли оставался постоянным на протяжении 35 лет, автор утверждал, что это произошло именно благодаря договору 1734 г. После заключения трактата увеличился также экспорт товаров из России в другие страны, перевозимых на английских судах.

Другими важными приобретениями британцев после подписания договора являлись право транспортировки товаров в Персию через территорию России и оплата пошлины в русской валюте в размере 3 %. Отмечая выгоды англичан, полученные от договора, Ридинг признавал, что русское купечество продолжало играть в торговых отношениях пассивную роль. Русские купцы практически не пользовались закрепленным договором правом свободной торговли в Британии. В случае преступлений на территории Великобритании их могли судить исключительно по английским законам. Подводя итоги, историк заключал: договор явился, с одной стороны, «мастерским коммерческим триумфом Британии», а с другой – Россия оказалась не в убытке, собрав налогов и пошлин с британских купцов и британского Адмиралтейства на 25 млн фунтов стерлингов еще до конца XVIII в.⁵⁵

Отечественный исследователь Т. С. Минаева также полагала, что выгоды от заключения договора получали обе стороны: англичане – солидные прибыли от перепродажи русских и иранских товаров, а российские купцы, промышленники и государство – доходы от крупных сделок с британскими фирмами. Кроме того, отмечает историк, российские купцы с помощью британских судов могли вывозить свои товары в Европу, так как российский коммерческий флот в то время оставался еще малочисленным⁵⁶.

На наш взгляд, концепция А. А. Демкина представляется более объективной. Хотя XVIII в. англичане и называли «золотым веком» в российско-британских торговых отношениях, торговый договор оказался неравноценным для обеих сторон. Россия не получила таких выгод, как Британия. Это объяснялось, прежде всего, слабостью позиций руководства страны в ту пору, сложной международной обстановкой, а также отчасти корыстолюбием высокопоставленных российских чиновников, легко идущих на уступки конкурентам. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов настойчивость и искусство дипломатов в переговорах британских послов, проявленные ими в процессе подготовки и подписании договора.

Трактат 1734 г. оставался в силе вплоть до 1766 г., когда российское правительство подтвер-

дило его пролонгацию. Однако этому событию вновь предшествовала длительная и упорная борьба за преференции между британскими дипломатами, императрицей Екатериной II и российскими чиновниками⁵⁷.

Примечания

- 1 См.: *Лабутина Т. Л.* Англичане в допетровской России. СПб. : Алетейя, 2011. С. 20–23.
- 2 *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Англия в продолжении XVI и XVII веков // *Русская мысль* : в 12 кн. М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. Кн. I. С. 75–76.
- 3 Русско-британские торговые отношения в XVIII веке : сборник документов / сост. А. В. Демкин. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1994. URL: drevlit.ru/docs/england/XVIII/1720...pred8ae9.php (дата обращения: 20.02.2019).
- 4 Там же.
- 5 Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London : School of Slavonic and East European Studies, 1998. P. 326.
- 6 *Матвеев В. М.* «Дипломатия в верхах» в XVII веке. Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // *Петр Великий – реформатор России* / под ред. Н. С. Владимировой. М. : Московский Кремль, 2001. С. 239.
- 7 Britain and Russia. P. 139–140.
- 8 Ibid. P. 141–142, 144–146.
- 9 *Лабутина Т. Л.* Англичане в допетровской России. С. 25–46.
- 10 См.: *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты в борьбе за преференции в торговом договоре 1766 года (по материалам переписки английских послов) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2015. № 4 (49). С. 42–55.
- 11 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1998. С. 18–19.
- 12 См.: *Остроухов П. А.* Англо-русский Торговый договор 1734 г. СПб. : С.-Петербургский политехнический институт им. Петра Великого, 1914. 204 с.
- 13 См.: *Лебедев В. В.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // *Ученые записки МГУ*. 1954. Вып. 167. С. 121–131.
- 14 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. 250 с.
- 15 *Lodge R.* The First Anglo-Russian Treaty 1739–1742 // *English Historical Review*. 1928. Vol. XLII I. P. 354–375.
- 16 *Reading D. K.* The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven : Yale University Press, 1938. 337 p.
- 17 Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // *Сборник императорского русского исторического общества* (далее – СИРИО) : в 148 т. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1889. Т. 66. С. 403–404.
- 18 СИРИО. Т. 66. С. 424.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 425.
- 22 Там же. С. 426.
- 23 Там же. С. 427.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 427–428.
- 26 Там же. С. 428.
- 27 Там же. С. 428–429.
- 28 Там же. С. 429.
- 29 Там же. С. 429–430.
- 30 Там же. С. 430.
- 31 Там же. С. 430.
- 32 Там же. С. 430–431.
- 33 Там же. С. 431–432.
- 34 Там же. С. 423.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 440.
- 38 Там же. С. 440–441.
- 39 Там же. С. 441–442.
- 40 Там же. С. 474–475.
- 41 Там же. С. 487.
- 42 Там же. С. 487–488.
- 43 Там же. С. 491.
- 44 Там же. С. 517.
- 45 Там же. С. 519.
- 46 Там же. С. 520.
- 47 Там же. С. 555.
- 48 См.: *Соколов А. Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. С. 215.
- 49 *Reading D. R.* Op. cit. P. 127.
- 50 Ibid. P. 130.
- 51 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. С. 20.
- 52 Там же.
- 53 Там же. С. 20–21.
- 54 Там же. С. 21.
- 55 *Reading D. R.* Op. cit. P. 297–301.
- 56 См.: *Минаева Т. С.* Россия и Швеция в XVIII веке : история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2009. 219 с.
- 57 См.: *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб. : Алетейя, 2019. С. 79–110.

Поступила в редакцию 20.02.2020, после рецензирования 11.03.21, принята к публикации 12.04.2021
Received 20.02.2020, revised 11.03.21, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 345–352
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 345–352
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-345-352>

Научная статья
УДК 070(73)(09)

Рождение американской прессы: исторический опыт и проблемы развития

Д. А. Маршуба

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

Маршуба Денис Александрович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений, denmars@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9323-5383>

Аннотация. В статье рассматривается зарождение американской печати как основополагающего явления при становлении государственной власти. Прослеживается тесная взаимосвязь происходивших внутривнутриполитических процессов и эволюционных изменений в местной прессе, таких, как появление первой печатной газеты «Publick Occurrences», судебное разбирательство по «делу Зенгера», введение и последствия принятия Акта о гербовом сборе, деятельность «сынов свободы». Установлено, что американская печать послужила одним из важнейших катализаторов в организации национального освободительного демократического движения против Британской империи, которая, в свою очередь, не смогла вовремя остановить или «взять под контроль» увеличение количества типографий. Подчеркивается важнейшее значение единения колоний в борьбе с Актом о гербовом сборе, который был принят в целях отрегулировать газетный рынок и ликвидировать «бюджетные дыры», вызванные Семилетней войной. В итоге американской прессе удалось выстоять и стать ключевым атрибутом в ходе Американской революции.

Ключевые слова: американская пресса, «Паблик оккеренсиз», «дело Зенгера», Акт о гербовом сборе, «сыны свободы»

Для цитирования: Маршуба Д. А. Рождение американской прессы: исторический опыт и проблемы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 345–352. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-345-352>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The birth of American press: Historical experience and development problems

D. A. Marshuba

Ryazan State University named for S. Yesenin, 46 Svoboda St., Ryazan 390000, Russia

Dennis A. Marshuba, denmars@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9323-5383>

Abstract. The article reviews the origin of American press as an essential idea in genesis of the state power. The author demonstrates a strong correlation between domestic policy and evolutionary changes in local press, also analyzes the key events in chronicle order: printing the first paper “Publick Occurrences”, the Trial of Zenger, consequences of the Stamp Act and the acting of “Sons of Liberty”. The conclusion is made that American press is one of the most influential moments in organizing the national democratic liberation movement over the British Empire, which could not stop or assume control of expansion in the number of printing offices. The article states that the most important factor which leads colonies to unite is the fight against the Stamp Act. It is gone through in attempts to regulate the press and overcome the budget deficit, generated by The Seven Years’ War. As a result American press becomes the main attribute in the American Revolution.

Keywords: American press, “Publick Occurrences”, the Zenger Trial, the Stamp Act, sons of Liberty

For citation: Marshuba D. A. The birth of American press: Historical experience and development problems. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 345–352 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-345-352>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Становление американской печатной мысли – одно из важнейших звеньев в истории развития общемировой журналистики. Появление газет и журналов в Новом Свете непосредственно связано с генезисом политической власти. Благодаря этому взаимодействию именно американские издания закладывали основы современных

принципов существования средств массовых коммуникаций

В научной среде популярно убеждение, что американская пресса опередила государственное образование Соединенных Штатов почти на век. К слову, данная теория имеет право на существование, так как первая газета Америки «Publick

«Publick Occurrences» вышла в Бостоне в 1690 г., а Великобритания признала независимость Соединенных Штатов только в 1783 г. Советский историк-дипломат Э. А. Иवानян обратил внимание на такое соотношение прессы и государства в своем труде «От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса»¹. Э. А. Иवानян отстаивает позицию о решающей роли печатных изданий в развитии американского государства, в частности, он подчеркивает, что еще до конституционального закрепления трех ветвей власти уже были определены их роль и место в общественно-политической жизни колоний². Очевидно, нельзя недооценивать значение прессы для Америки в период национального и государственного поиска. Фактически она становится той «направляющей рукой», которая повлияла на общественное мнение и заложила идеи о демократических свободах в сознании населения.

Американская пресса и демократия – это неразделимые понятия, о чем пишет Д. Н. Христенко: «В Соединенных Штатах средства массовой информации (СМИ) в целом и прессу в частности рассматривают как один из обязательных символов демократического общества. Ее часто называют четвертой ветвью власти наравне с законодательной, исполнительной, судебной»³. Вывод автора неслучаен и логично вытекает из тех возможностей СМИ по формированию образов политических лидеров, стереотипов, возможностей влиять на общественное мнение, служить важнейшим звеном становления сложного социокультурного компонента многих государств, особенно Америки.

Таким образом, можно согласиться с мнением Ю. В. Лучинского, согласно которому пресса «во многом сама формирует взгляд общества на какую-либо проблему, информирует членов социума о событиях в нем же происходящих. Возникает сложнейшее (многоуровневое) взаимодействие становящегося института журналистики и формирующегося организма социума (с государственными, правовыми, религиозными, культурными формами). В американской истории (и этот факт может считаться сущностной характеристикой американской социокультурной модели) процесс формирования нации хронологически почти совпадает со становлением журналистики»⁴. Это позволяет более внимательно рассмотреть рождение американской прессы, когда она превратилась в носителя освободительных идей и приняла активное участие в подрыве авторитета метрополии.

Важно заметить, что обращение к истории американской печатной мысли по-прежнему остается весьма актуальным явлением, позволяющим сквозь призму ее развития рассмотреть комплексную историю государства Соединенные Штаты с его политическим, культурологическим, экономическим и другими аспектами, а также проследить этапы укрепления влияния прессы

на общественное мнение Америки. Данный довод подкрепляется мнением целого ряда исследователей (Т. В. Алентьева⁵, Т. В. Киреев⁶, М. Е. Лисицин⁷): пресса и журналистика служат основными рычагами в формировании настроений в обществе, более того, именно общественное мнение особенно активно проявляло себя как важнейший фактор социальной и политической жизни американского государства. С момента своего возникновения являясь непосредственным участником исторического генезиса государства, пресса затрагивала все сферы жизнедеятельности общества, обозревала события внутренней и внешней политики, и как итог постоянно обновляла образы в индивидуальном, массовом, национальном сознании и определяла актуальную повестку дня, сумев стать ведущим игроком на рынке медиа. Так, к концу первой декады XXI в. журналистика Соединенных Штатов насчитывает почти 1,5 тыс. печатных наименований и является мировым лидером по числу распространяемых изданий. Тиражи крупнейших газет, таких как «The New York Times», «Chicago Tribune», «USA Today» достигают 2,5 млн экземпляров каждая. К слову, американские газеты не являются лидерами среди мировых печатных изданий. Тираж японской газеты «The Yomiuri Shimbun» насчитывает 10 млн экземпляров в день.

Весьма трудно переоценить тот импульс, который дал американским газетам протестант Бенджамин Харрис, когда предпринял попытку выпустить в свет первый и последний выпуск газеты «Publick Occurrences Both Foreign and Domestick» (далее – «Publick Occurrences») 25 сентября 1690 г. вместе с Ричардом Пирсом, местным печатником, чье имя, как правило, остается на периферии, когда вспоминают пионера американской издательской деятельности.

В американской историографии популярен спор вокруг появления издания «Publick Occurrences» и той роли, которую сыграла инициатива Харриса в дальнейшей судьбе нации, так как некоторые из исследователей американской журналистской мысли убеждены, в том что пресса в Новом Свете функционировала еще в 1630–1640 гг., когда «газеты занимались перепечатыванием новостей и за чтением которых американцы проводили большое количество времени»⁸. К слову, перепечатывание не считалось зорным занятием и в 1630-е гг. выглядело вполне логичным явлением в связи с образованием первых поселений в Северной Америке выходцами именно из Европы и экономическим укреплением земель. Так появились почти все основные колонии: пуритане создали Массачусетскую (самую мощную) колонию, также были образованы Нью-Йорк, Мэриленд, Род-Айленд, Коннектикут, Делавэр, Нью-Гэмпшир.

Размышляя об истоках американской прессы, можно упомянуть мнение главного редактора жур-

нала «World» Марвина Олаского, который считает, что корни местных газет стоит искать в Бостоне 1668 г., когда пуританской типограф Мармадюк Джонсон опубликовал проповедь «Возглас божий в Лондоне», рассуждая о причинах пожара в столице Англии и связывая события сентября 1666 г. исключительно с промыслом Господа⁹.

Однако точка зрения М. Олаского о поиске начал прессы в религиозных газетах не является доминирующей, и традиционно первым издателем в Новом Свете считается Бенджамин Харрис, сведения о котором можно почерпнуть из труда Дж. Рэймонда «Памфлеты и их опубликование в раннюю эпоху современной Англии»¹⁰. Выходец из Лондона, Харрис был весьма религиозным человеком. В Англии у него была небольшая типография, заслужившая определенную известность в протестантской среде. Харрис предпочитал выпускать саркастические листовки в отношении отдельных привилегированных политических лиц: от мелких дворян до короля. Думается, что антикатолический настрой не мог остаться незамеченным и вскоре за публикацию памфлета Чарльза Блаунта «Обращение к городу из деревни» Харрис попадает в тюрьму, где проведет почти 3 года (1679–168). Автор памфлета уничижительно отзывался о короле Якове II за его жестокое правление и принудительное насаждение католицизма. Протестующее духовенство Яков II смирился посредством так называемой «высокой комиссии», покровительствовал всем направлениям, враждебным господствующей церкви, и поставил своей целью установление абсолютной католической монархии путем почти нескрываемой пропаганды католицизма и тесного союза с Людовиком XIV. Суд назначил Харрису штраф, который он не смог оплатить, в результате чего лишился свободы.

Судьба Харриса была предопределена, и после освобождения он вынужден отправиться в Америку, где на остатках сбережений открывает новую типографию и печатает ту самую газету «Publick Occurrences». Единственный номер содержал всего 4 страницы. На трех из них размещались сводки о местных событиях, слухах, а также о новостях из-за океана, а именно о восшествии на английский престол короля Вильгельма III. То, что Харрис выбрал сюжет о смене монарха, объясняется тем, что он возлагал определенные надежды на нового короля и рассчитывал вернуться на родину. Последняя четвертая страница газеты была пустой. На европейский манер каждый желающий мог собственноручно вписать ту информацию, которую посчитает нужным, и передать ее следующему читателю.

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что «Publick Occurrences» – первая и уникальная газета в своем роде, так как «ей были присущи многие атрибуты этого типа изданий, в частности несколько страниц, что само по себе указывает на стремление сделать именно

газету, а не выпустить объявление»¹¹. Американские ученые, в частности историк и социолог М. Хэмилтон, в работе «Социальные и экономические сети в эпоху становления Массачусетса: Атлантические связи»¹² соотносит издательскую инициативу Харриса с наличием широких трансатлантических деловых протестантских связей с Лондоном. При этом нет оснований полагать, что Харрис являлся крупной и влиятельной фигурой международного масштаба, тем более, что изначальные намерения его и его возможных компаньонов запустить крупное печатное дело не получили продолжения. А из-за отсутствия необходимой на то лицензии Харрис второй раз в жизни был приговорен к тюремному заключению. На этот раз его издательская карьера была окончательно завершена.

В целом научное сообщество критически оценивает издательские инициативы Харриса. Так, американский ученый М. Стивенс¹³ упрекает его в недостаточной проработке «бизнес-плана» с его определяющими атрибутами: целевая аудитория, получение соответствующего разрешения от властей, экономическая рентабельность издания. К тому же Харрис не постеснялся затронуть болезненную для пуританского Массачусетса тему – положение индейского населения и обращение с ним действующей колониальной власти. Если принять во внимание существовавшие порядки, то это был добровольный поход на закание, что, в принципе, и произошло с Харрисом и «Publick Occurrences».

Обращает на себя внимание тот факт, что издание первой американской газеты совпало с определенными волнениями и в метрополии, и в колониях. В Англии в 1688 г. развернулись события Славной революции, закончившиеся закреплением конституционной монархии и коронацией упомянутого Вильгельма III Оранского. На этой волне вспыхнули восстания против действующей власти в Массачусетсе, Мэриленде, Нью-Йорке, которые носили характер стихийных явлений и поэтому успеха не имели. Отсутствие структуры и последовательности в антиправительственных восстаниях могли компенсировать своими публикациями печатные издания, однако они еще не зарекомендовали себя в качестве важного элемента в политической жизни общества, поэтому появление и исчезновение «Publick Occurrences» осталось незамеченным для большинства населения Массачусетса, не говоря уже о других территориях.

Таким образом, первая инициатива по запуску в печать американской газеты показала, что Новый Свет оказался не готов к появлению самостоятельных изданий. Выпуск следующих газет, которые сыграли важную роль в генезисе прессы, был отложен еще на 14 лет – до 1704 г. Тогда появилась первая, как ее с гордостью именуют, «Американская энциклопедия журналистики», «успешная»¹⁴ американская газета «The

Boston News-Letter». Главный редактор издания Джон Кемпбелл был более предприимчив, чем Харрис, также состоял в теплых отношениях с деловыми кругами Лондона, поэтому понимал, что публиковать заметки, тревожащие без надобности метрополию и ее наместников, не стоит. Это создало предпосылки для появления газеты в Бостоне и дало импульс для развития печатной мысли в других колониях. Издатели поняли, что газеты вполне могут приносить прибыль, если содержат конъюнктурную информацию. Впрочем, на фоне явно наметившегося классового расслоения американская интеллигенция начинает использовать прессу как рычаг давления на метрополию и играть на чувствах обычного населения.

На этой волне в 1721 г. сводный брат Бенджамина Франклина Джеймс запускает газету «The New-England Courant», которой посчастливилось стать одним из национальных символов в обретении независимости, демократии и свобод американским народом. В этом издании под псевдонимом «Миссис Сайленс Дугуд» (Mrs. Silence Dogood) работает и печатается сам Бенджамин Франклин. Газета не стесняется нападок на действующую бостонскую власть в отличие от «The Boston News-Letter», что позволило американскому историку Стивенсу назвать выпады «Курант» «пятилетним (политическим крестовым походом)». В статьях активно разворачивается масштабная кампания против местных ставленников метрополии. В частности, критикуются ограниченные меры по обеспечению безопасности в акваториях Атлантики, где судоходство испытывало большие проблемы из-за безнаказанных действий пиратов¹⁵.

Судьбы Харриса и Дж. Франклина оказались в принципе схожи, так как издателей объединяли антиправительственные взгляды. В 1723 г. суд постановил прекратить выпуски издания и приостановить деятельность Джеймса Франклина. Однако этот запрет по сути обеспечил славу Бенджамину Франклину, когда вместо закрытия газеты формальное управление перешло к нему, и он, на протяжении еще трех лет успешно практиковался в журналистике. В отличие от брата Б. Франклин понимал политическую конъюнктуру и не публиковал исключительно критические заметки, старался придерживаться сдержанного тона и по возможности обезопасить себя от судебных разбирательств.

В 1729 г. Б. Франклин решает запустить свою собственную «The Pennsylvania Gazette» в Филадельфии, старательно декларируя, что его издание свободно от политических убеждений: «Когда правда играет честно, то нет места лжи»¹⁶. Однако он лукавил, так как печатное дело не приносило достаточной выгоды и, чтобы окупить траты на содержание типографии, Франклин выпускал отдельные брошюры, в которых могли выражаться интересы как бизнеса,

так и метрополии, но не указывал на них своего имени как издателя.

«Крестовый поход» братьев Франклинов и дальнейшая карьера самого Бенджамина происходили на фоне бурного роста книгопечатания, повышения грамотности населения, соответственно и печатная мысль получала более широкое распространение. Так, к началу 1740-х гг. печать стала неотъемлемой частью повседневной жизни американцев. Практически во всех колониях распространялись свои флагманские газеты: еще в 1719 г. появилась филадельфийская газета «The American Weekly Mercury», с 1727 г. в Аннаполисе – «Maryland Gazette», а в 1736 г. «The Virginia Gazette» – в Вильямсбурге.

Стремительное развитие Нью-Йорка привело к тому, что он стал центром печатной мысли. Возведение англичанами верфи превратило город в центр притяжения строителей, моряков и бизнесменов, которые хотели получать актуальные и свежие новости. Кроме того, власти Нью-Йорка благосклонно относились к прессе и не чинили серьезных препятствий для публикации газет. С разрешения местного губернатора в 1725 г. появляется первая локальная газета «The New York Gazette». Впрочем, миролюбивый настрой местных органов управления в 1731 г. сменился на противоположный, когда губернатором Нью-Йорка был назначен Уильям Косби. С его именем связан один из самых любимых сюжетов исследователей американской прессы – «дело Зенгера».

Американец немецкого происхождения Джон Зенгер в 1733 г. запустил в печать (по заказу смещенных У. Косби с должностей прокурора и судьи) «The New York Weekly Journal» и с первых выпусков позволил себе беспощадную критику губернатора. Зенгер обличал его в коррупции и спекуляциях с недвижимостью. Губернатору Косби ничего не оставалось, как подать в суд на Зенгера, однако благодаря стараниям опытного адвоката шотландского происхождения Эндрю Гамильтона Зенгер был оправдан. Гамильтон построил защиту на том, что если сказанное в газете – правда, то она не может быть названа ни подстрекательской, ни клеветнической, хотя бы она и была направлена против губернатора. Таким образом, «дело Зенгера» создало первый прецедент защиты свободы печати в колониях¹⁷.

Решение суда по «делу Зенгера» в американской историографии принято считать отправной точкой в утверждении Соединенных Штатов в качестве мирового столпа свободы слова и защиты прав граждан. По мнению профессора университета Висконсина Дж. Смита, жители и лидеры Америки получили законное право обретения независимости от Британии¹⁸, что в дальнейшем найдет отражение в Первой поправке к Конституции США, гарантировавшей запрет на посягательство со стороны Конгресса

на свободу слова, религии, прессы, собраний и свободу подачи жалоб.

В течение 1740–1750-х гг. газеты постепенно отходят от перепечатывания новостей из Лондона и других европейских городов, и на страницах изданий появляются информационные сообщения из соседних колоний, в частности, осуждения преступности, положения индейского населения и даже такие темы, как права женщин и рабов в обществе.

Дальнейшее увеличение количества печатных изданий в 1750–1765 гг. проходило на фоне Семилетней войны. Издание газет становилось делом модным, однако военные действия истощали бюджет метрополии. По меткому замечанию А. Панищева и Л. Рудневой, «ведение бизнеса в североамериканских колониях стало делом трудным, иногда убыточным, что закономерно вызывало массовые недовольства»¹⁹. Накапливающаяся агрессия разительно меняла и без того неблагоприятный настрой жителей колоний.

Принято считать, что важнейшей вехой, которая подтолкнула американский народ к борьбе за свои права и свободы, стал Акт о гербовом сборе 1765 г., который дал отсчет новой эпохе в развитии американской прессы. Введение Акта о гербовом сборе предполагало, «что он даст казне метрополии до 60 тыс. ф.ст. в год. Налогом облагались все печатные издания, официальные документы, брачные контракты, торговые соглашения и прочие документы, писавшиеся на гербовой бумаге»²⁰. Хотя закон и обложил пошлинами почти все гражданские документы, особенно обременительным он стал для типографий. Себестоимость газеты заметно возрастала и дальнейшая ее реализация становилась попросту неликвидной. Акт о гербовом сборе окончательно политизировал прессу и переманил большинство издателей на сторону оппозиции.

Одними из первых, кто открыто выступил против закона английского парламента, стала Палата делегатов Виргинии²¹. 6 июня 1765 г. в другой колонии нижняя палата Массачусетса выступила с обращением к представителям всех оставшихся колоний объявить о собрании, чтобы выработать единую позицию и уведомить об этом англичан: «Считаем целесообразным организовать совещание, на которое пригласить представителей палат граждан из колоний нашего континента. С целью проконсультироваться друг с другом по организации функционирования деятельности колоний, а также трудностей, с которыми они сталкиваются. Приоритетно рассмотреть последние акты парламента о взимании дополнительных пошлин и налогов, а также рассмотреть вопрос о составлении общего и единогласного Послания на имя его Величества»²². Бостон выступил своего рода рупором инакомыслия, где через «The Boston Gazette», которую издавали Б. Эдес и Дж. Гилл, публиковались антиправительственные идеи

местных «сынов свободы» Дж. Адамса, С. Адамса, Дж. Отиса и самого издателя Б. Эдеса.

В сентябре 1765 г. Ассамблея Пенсильвании единогласно опротестовала введение Акта. Также было принято решение о направлении уполномоченной делегации в Нью-Йорк с целью проследить за тем, в каких тонах будет составлена петиция в адрес англичан, дабы там присутствовали только уважительные обращения, и подчеркивалось, что такие налоги, как Акт о гербовом сборе, являются неконституционными и разрушающими «народное счастье»²³.

Используя лекала «The Boston Gazette», «The Pennsylvania Chronicle» опубликовала анонимные «Письма пенсильванского фермера». Они принадлежали перу Дж. Дикинсона (позднее он перестанет скрывать свое авторство) и повествовали о непростой судьбе агрария в условиях жизни под английской короной. Н. Л. Якименко исчерпывающе охарактеризовал стиль и посыл «писем»: «Каждое «письмо» начиналось с обращения к «дорогим», «возлюбленным согражданам» и завершалось подходящей к случаю латинской сентенцией, формулой или развернутой цитатой, часто перефразированной и обязательно снабженной для удобства читателей переводом на английский язык. Латинские фразы эффектно обозначали рамки «писем», но они были не механически добавлены к основному тексту, а венчали цепь рассуждений как ее итог и высшее обобщение. Юридическая сторона дела не была самодовлеющей для Дикинсона, ибо сам свод законов не воспринимался как закрытая система, утратившая живую связь с питающими ее общими принципами»²⁴. Несмотря на то, что риторика трудов Дикинсона не носила ярко выраженный патриотический характер, «письма» с удовольствием перепечатывались в других изданиях, например, в «The Pennsylvania gazette» и в «The Pennsylvania Packet». Английские власти через лояльные короне издания предприняли попытку осудить распространение «писем», но это только привело к тому, что все большее количество типографий, уже попавших под влияние «сынов свободы», принимало их к печати.

Среди исследователей событий, последовавших за принятием штемпельного акта, отсутствовало убеждение, что данный закон носил исключительно негативный характер и поэтому создал благоприятную среду для патриотического подъема американцев. В частности, Р. Меллен называет следующие положительные стороны Акта о гербовом сборе: установление единообразного подхода во взимании налогов, популяризацию профессии печатника (так как закон буквально «отсеивал» типографии, оставляя в профессии только тех, кто реально строил бизнес на этом) и создание предпосылок для оживленной коммуникации между колониями²⁵.

По мнению исследователя Американской революции А. Шлезингера²⁶, именно с этого мо-

мента можно говорить о таком явлении, как раскол общественного мнения. Часть газет (преимущественно проанглийские), среди которых «The Royal American Gazette» и «The New York Mercury», придерживались мнения, что пресса не должна выступать с открытыми упреками в адрес общественных деятелей и осуждать их действия, так как зачастую статьи носят заказной характер, и газеты уходят в бездоказательную критику. Как отмечал Шлезингер, в этом состояла отличительная черта лоялистской прессы. Она предлагала конструктивное взаимодействие с оппозирующей прессой, чтобы не разобщать американский народ и дестабилизировать обстановку в колониях. Однако голос таких изданий не был услышан и тонул в растущей массе сторонников независимости, к тому же, по замечанию историка Т. Драппера, для американского народа любой закон, принятый английским парламентом, по своей сути был нелегитимным, так как население, которому предстояло жить в рамках этих правил, не принимало участие в его обсуждении²⁷.

Следует отметить, что обе стороны и противников, и сторонников штемпельного сбора среди изданий полагали, что именно их точка зрения верна и экономически обоснована. Последние аргументировали свою позицию недостаточной организованностью колониальной экономики, которая без регулирующих воздействий со стороны Англии не сможет обеспечить функционирование Америки. Более того, английскому правительству было важно не только взимать поборы и облагать новыми пошлинами население, но и вкладываться в развитие колонии, что обеспечит доминирование Англии на мировой карте. «Сыны свободы» и их сторонники были убеждены в обратном и распространяли через сочувствующую прессу идею, согласно которой Акт направлен исключительно на обнищание колоний, а продолжающиеся поборы поставят под угрозу само их существование и продлят подчинение метрополии.

Штемпельный сбор привел владельцев типографий к определенному маневрированию. Издатели пересмотрели ведение бизнеса и постоянно лавировали, чтобы не упустить доходов и не разориться. Исключение составляли лишь немногие, например Ч. Крауч из Южной Каролины²⁸, который строго придерживался линии «сынов», дабы иметь регулярную оплату своей работы. На это подталкивала не допускавшая нейтралитета во взглядах их риторика: «Если ты не с нами, то против нас»²⁹.

Профессор Чикагского университета Ф. Дэвидсон считает, что раскол издателей на два лагеря стал отправной точкой для появления такого понятия, как «пропаганда». Он подчеркивает, что пропаганда зародилась на страницах прессы стихийно, без правительственной поддержки и серьезной финансовой составляющей, впрочем, у пропаганды была и своя целевая аудитория, к тому же она была по темам, которые могут вы-

зывать ропот и объединение различных социальных групп: притеснения коренных американцев, бедственное положение афроамериканского населения, налоговая политика метрополии. Несмотря на всю стихийность этого явления, можно утверждать, что пропагандистские кампании умело контролировались «сынами свободы». Особенно усердствовали С. Адамс и будущий президент Дж. Адамс, которые опубликовали не менее сотни пассажей под 25 псевдонимами. «Газеты стали орудиями таких нетипичных для себя форм пропаганды как проза, сатира или песни. Авторы осознали, насколько широко и доступно их распространение»³⁰.

В классическом американском труде «Соединенные Штаты: история республики»³¹ авторы указывают на важность и значимость пропаганды, особенно подчеркивая роль альманахов. Об этом также рассуждают Е. И. Старикова, Л. С. Карпова, М. Ф. Гольберг: «Они [альманахи] предоставляли читателю информацию, которую сейчас можно было бы почерпнуть из различных источников – газет, журналов, радио, телевидения, Интернета: астрономическую информацию (восход и заход солнца, циклы луны и т. д.), прогнозы погоды, что было особенно важно для фермеров, сведения о почтовой службе, даты судебных заседаний, наряду с многочисленными практическими хозяйственными советами, рецептами и т. д.»³².

Самым популярным из альманахов был сборник Б. Франклина «Бедный Ричард». Хотя по своей сути это было аполитичное собрание разнообразной информации, на его страницах можно было обнаружить карикатуры на сборщиков налогов, рецепты пороха, пересказанные автором сюжеты Священного Писания и др. Губернатор Нью-Джерси Ингерсолл, на подведомственной территории которого не было ни одной типографии, отмечал, что новости из альманахов Филадельфии и Нью-Йорка вызывают бунтарские настроения³³.

Активная деятельность «сынов свободы» с точечными ударами пропаганды, сопряженная с возросшей популярностью альманахов, подвела черту под штемпельным актом. 21 февраля 1766 г. английский парламент в ходе долгих споров и дискуссий выработал решение о нецелесообразности существования подобного закона, так как это в дальнейшем может обострить противоречия короны и американского населения. Данный документ был подписан королем 18 марта 1766 г. Акт о гербовом сборе пал, не просуществовав и полного года.

Большинство американских историков отмечают, что это был несомненный успех, который позволил американской прессе вступить в новую эру своего развития, ослабить гнет британской цензуры и расширить количество печатных изданий с нескольких десятков в середине XVIII в. до 234 к 1800 г.³⁴ Одним из предполагаемых ре-

зультатов принятия уже отмененного закона должно было стать снижение роли газет в американском обществе. Впрочем, уместнее утверждать, что перечисленные события привели к выработке единого мнения у жителей колоний и ускорению становления американской журналистики, которая «приобретала новое качество в процессе философско-нравственного и идейно-политического противостояния английскому колониализму. Постепенно умами американских журналистов овладевала совершенно новая идея независимости, неотделимая от республиканизма. Сторонников ее, выступавших за свободное развитие экономики колоний и отражавших интересы наиболее деятельной в экономическом и политическом отношениях части американского населения, называли «революционистами», а тех, кто стремился к сохранению власти английской короны и колониального господства во всех сферах и к кому американские газеты демонстрировали все более отрицательное отношение, – “лоялистами”»³⁵.

К 1765 г., по данным историка Фрэнка Лютера Мотта, которые он приводит в «Истории американских журналов»³⁶, все колонии, кроме Делавэра и Нью-Джерси, имели еженедельные газеты объемом не более четырех страниц. В Бостоне выпускалось четыре издания; в Нью-Йорке – три, а в Филадельфии – два, одно из которых печаталось на английском, другое – на немецком языке. Также две газеты публиковались в Коннектикуте, Род-Айленде и Каролине.

К началу войны за независимость США (1775–1783 гг.) издания не отошли от формата, заложенного Б. Харрисом «Publick Occurrences»: содержание газеты было наполнено в основном небольшим описанием новостей, которые носили неподтвержденный характер, и краткими заметками, заимствованными у европейских газет. К этому же периоду формируются некоторые отличительные черты американской прессы. В первую очередь газеты издавались печатниками на европейский манер, поэтому они больше походили на листовки, и охват читающей аудитории по-прежнему был невелик. На этом этапе производство, управление и финансирование изданий были тесно связаны и осуществлялись одним предпринимателем.

Печатное дело не являлось прибыльным. Кроме того, ученые указывают, учитывая тот факт, что для большинства лиц, избравших журналистскую профессию, были характерны, по словам Токвилля, «скудное образование и плебейское мышление», на низкое качество преобладающего числа материалов, появившихся на страницах периодических изданий в колониях³⁷.

Прессе еще предстояло зарекомендовать себя в качестве четвертой ветви власти, но уже к началу Американской революции ей удалось отстоять свое право на передачу новостей. Робкие попытки организовать типографии подвергались

достаточно жесткой, но вполне обоснованной, цензуре со стороны метрополии. В этой связи газеты в большинстве своем представляли собой сборники рекламных объявлений и перепечатанных новостей из Европы. Тем не менее неоспоримый рост национального самосознания вкупе с решительным настроением американских патриотов сумели в сложившейся недоброжелательной атмосфере развернуть настоящую пропагандистскую, пускай и в большей части стихийную, работу, сыгравшую не последнюю роль в надвигавшейся Войне за независимость.

Примечания

- ¹ Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша : Белый дом и пресса. М. : Политиздат, 1991. 367 с.
- ² Там же. С. 10.
- ³ См.: Христенко Д. Н. Роль американской прессы в период подготовки и проведения военной операции «Буря в пустыне» // Вестник Ярославского государственного университета. 2008. № 7. С. 11.
- ⁴ Лучинский Ю. В. Журналистика в контексте формирования национальной американской социокультурной модели, 1638–1861 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998. С. 3.
- ⁵ Алентьева Т. В. Общественное мнение в США в период назревания Гражданской войны : 1828–1861 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 50 с.
- ⁶ Киреев Т. В. Деятельность администрации Дж. Буша-мл. по борьбе с терроризмом в оценках американской прессы 2001–2005 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.
- ⁷ Лисицин М. Е. Понятие журналистика данных в освещении российских и зарубежных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 33 с.
- ⁸ Williams J. H. American Journalism : History, Principles and Practices. Jefferson, NC : McFarland & Company, 2002. P. 3.
- ⁹ Olasky M. The Puritan influence on the press // WORLD. 2015. URL: https://world.wng.org/2015/09/the_puritan_influence_on_the_press (дата обращения: 09.12.2020).
- ¹⁰ Raymond J. Pamphlets and Pamphleteering in Early Modern Britain. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 340.
- ¹¹ Михайлов С. А. Журналистика Соединённых Штатов Америки. СПб. : Издательство Михайлова В. А., 2004. С. 9.
- ¹² Hamilton M. L. Social and Economic Networks in Early Massachusetts : Atlantic Connections. University Park : The Pennsylvania State University Press, 1961. P. 71.
- ¹³ Stephens M. A History of News. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 47.
- ¹⁴ Encyclopedia of American Journalism / ed. by S. L. Vaughn. New York : Routledge, 2008. P. 83.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ John R. R. The Rise of the Newspaper. Making News : The Political Economy of Journalism in Britain and America from the Glorious Revolution to the Internet. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 31.

- ¹⁷ См.: Алентьева Т. В., Филимонова М. А. США в новое время : общество, государство и право : в 2 ч. Ч. 1 : 1607–1828 гг. Курск : РОСИ, 2004. С. 38.
- ¹⁸ Smith J. A. 18th Century Journalism and Notable Journalists. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118841570.iejs0148> (дата обращения : 22.10.2020).
- ¹⁹ Панищев А. Л., Руднева Л. Е. Семилетняя война 1756–1763 гг. и критерии мировой войны // Успехи современной науки. 2017. Т. 6, № 1. С. 169.
- ²⁰ Алентьева Т. В., Филимонова М. А. Указ. соч. С. 56.
- ²¹ Ferling J. A Leap in the Dark : The Struggle to Create the American Republic. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 32.
- ²² Weslager C. A. The Stamp Act Congress. Newark : University of Delaware Press, 1976. P. 60.
- ²³ Иванова-Розина Н. Е. Отношение Пенсильвании к Акту о гербовом сборе // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. № 5. С. 77.
- ²⁴ Якименко Н. Л. Американская журналистика и издательское дело // История литературы США : в 6 т. Т. 1 / отв. ред. А. Ф. Кофман, Н. С. Павлова. М. : ИМЛИ РАН, 1977. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-1/yakimenko-dzhon-dikinson.htm> (дата обращения: 27.10.2020).
- ²⁵ Mellen R. P. The Colonial Virginia Press and the Stamp Act : An Expansion of Civic Discourse // Journalism History. E. W Scripps Schol of Journalism at Ohio University. 2012. Vol. 38, № 2. P. 76.
- ²⁶ Schlesinger A. M. Prelude to Independence : The Newspaper War on Britain 1764–1776. New-York City : The New Quarterly Inc., 1958. P. 255.
- ²⁷ Draper T. A Struggle For Power : The American Revolution. New York City : Vintage, 1996. P. 168.
- ²⁸ Botein S. Printers and the American Revolution // The Press and the American Revolution. Boston : Northeastern University Press, 1981. P. 28–29.
- ²⁹ Ibid. P. 32.
- ³⁰ Peterson H. C. Book Review : Davidson P. G. Propaganda and the American Revolution. 1763–1783. Chapel Hill : University Of North Carolina Press, 1941. 460 p. // Journal of American History. 1941. Vol. 28, iss. 1. P. 89. <https://doi.org/10.2307/1886765>.
- ³¹ Hofstadter R., Aaron D., Miller W. The United States : the History of a Republic. New Jersey : Prentice-Hall, 1957. P. 155.
- ³² Старикова Е. И., Карпова Л. С., Гольберг М. Ф. «Альманах бедного Ричарда» Б. Франклина и становление американского мировоззрения // Преподаватель XXI век. 2018. № 1–2. С. 257.
- ³³ Там же. С. 261.
- ³⁴ Pasley J. L. The Tyranny of Printers : Newspaper Politics in the Early American Republic. Charlottesville : University of Virginia Press, 2003. P. 25.
- ³⁵ Михайлов С. А. Указ. соч. С. 13.
- ³⁶ Mott F. L. American Journalism : A History of Newspapers in the United States through 250 years. 1690–1960. New York City : The MacMillan Co, 1963. P. 23.
- ³⁷ См.: Иванян Э. А. Указ. соч. С. 9.

Поступила в редакцию 10.12.2020, после рецензирования 16.12.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 10.12.2020, revised 16.12.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 353–358
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 353–358
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358>

Научная статья
УДК [791:78](410+73)19]

Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе

К. А. Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, 153000, г. Иваново, Шереметевский пр., д. 7

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>, исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается роль музыки и звуковых эффектов в англо-американском кинематографе. Предпринимается попытка оценить политико-символический потенциал медиа-ресурсов для репрезентации «образа другого». С этой целью анализируется ряд конкретных кинопроизведений, созданных на разных этапах «холодной войны». Делаются выводы об использовании следующих способов медиа-конструирования: нуар-репрезентация, политико-сатирический спектр, режимы адресно-локального или смешанного (комбинированного) заимствования композиций, имитации «иной» культуры.

Ключевые слова: музыка, «холодная война», «образ другого», медиа-текст, англо-американский кинематограф

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ» № 18-18-00233)

Для цитирования: Юдин К. А. Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 353–358. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chords of the «Cold War»: Music as a resource for representing the «image of the other» in Anglo-American cinema

К. А. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 7 Sheremetevsky Pr., Ivanovo 153000, Russia

Kirill A. Yudin, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>

Abstract. The article is devoted to the study of the role of music and sound effects in the Anglo-American cinematograph. An attempt is made to assess the political and symbolic potential of media resources for representing the «image of another». To this end, the author examines a number of specific films created at different stages of the Cold War. Conclusions are made about the use of the following methods of media construction: noir representation, political-satirical spectrum, modes of address-local or mixed/combined borrowing of compositions, imitation of a «different» culture.

Keywords: music, «cold war», «image of the other», media-text, Anglo-American cinema

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research (project «Film images of the Soviet and American enemies in the symbolic politics of the Cold War: A comparative analysis» No. 18-18-00233)

For citation: Yudin K. A. Chords of the «Cold War»: Music as a resource for representing the «image of the other» in Anglo-American cinema. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 353–358 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Музыка является одной из самых совершенных форм художественно-эстетической выразительности, что всегда признавалось и философами, и непосредственно композиторами, музыковедами. Известный русский и советский

пианист, педагог А. Б. Гольденвейзер полагал, что «музыкальное искусство – могущественнейшее средство воздействия, объединяющее людей <...>. Музыка тесно связана со всеми душевными переживаниями человека, в ней обязательно

отражается его духовный мир...»¹. Его коллега, не менее знаменитый Г. Г. Нейгауз, считал музыку «живой звуковой материей, музыкальной речью с ее закономерностями и составными частями, именуемыми мелодией, гармонией, полифонией и т. д.»². Высоко оценивал потенциал музыки А. Шопенгауэр, наделяя ее статусом «настоящего универсального языка, который понимается всюду...». Музыка, отмечал он, «вообще есть мелодия, текст к которой – мир»³.

Интерпретация медиа-текстов: мнение исследователей

Несмотря на объективную ценность и значимость музыкальных «универсалий», они никогда, как и другие виды искусства, не были свободны от политико-идеологической сферы. Альянс музыки и кинематографа сложился еще в ранние годы существования немого кино, которое «оживало» благодаря исполнительской и, в значительной степени, импровизационной технике таперов. Как полагал Б. Эйхенбаум, «музыка до известной степени способствует переводу эмоций, возбуждаемых экраном, в мир именно художественных эмоций – фильм без музыки производит иногда жуткое впечатление»⁴.

После возникновения звукового кинематографа это партнерство уже приобрело форму совмещения, вплетения музыкальной текстуры в кинематографическую в составе общей фабулы. Рассматривая этот процесс на примере классической музыки, А. А. Беловицкая и Н. И. Быкова отмечали, что «визуальное изображение в соединении с классической музыкой может нести разный смысл, создавать различные характеры, в зависимости от настроения сцены, от ситуации, передавать состояния героя, его чувства»⁵. Этими же исследователями были выявлены самые востребованные музыкальные композиции, цитаты-иллюстрации из которых «перестали служить фоном для ключевых в эмоциональном отношении ситуаций и образовали параллельный эмоционально-эстетический универсум»⁶, выполняя функцию «культурной метафоры»⁷.

Не остался незамеченным и аспект, связанный с рефлексией представителей кинематографического сообщества, признававших преобладание прагматичных и даже циничных мотивов⁸. «Индустриализация кинематографа, – констатировал Б. Б. Бородин, – затронула музыку, превратив на территории киностудий индивидуальную деятельность музыкантов в конвейерное производство. <...> В случае коммерческого успеха фильма музыка тиражировалась фирмами звукозаписи и музыкальными издательствами»⁹.

Другие исследователи, изучая опыт осмысления роли музыкального искусства, осуществляемой непосредственно его представи-

телями – композиторами, обращали внимание на разницу между американским и западноевропейскими способами рецепции музыки. «В частности, как утверждал Э. Артемьев, если в Голливуде от музыки требуют комментарии к каждому кадру, каждому повороту сюжета, чтобы поддержать интерес зрителя, “направляя” его по правильному пути, то в Европе значительно важнее оказывается эмоциональное отражение состояния или, что то же, – эмоциональный смысл кадра»¹⁰. Безусловно, с этим суждением следует согласиться, принимая во внимание специфику стиля французского «поэтического реализма» или традиций итальянского неореализма 1940–1950-х гг., заметно отличавшихся от голливудского кинематографа, приобретавшего особую, «социально-прогрессистскую» направленность, несущую на себе отпечаток идеологии «American way» («American dream»)»¹¹.

В то же время, помимо характерных национально-кинематографических черт, преломлявшихся через призму жанрового своеобразия, достаточно изученного в литературе¹², на формы и режимы сосуществования музыкального и кинематографического искусств влияли идеологическая атмосфера и ее культурно-информационные «вызовы». Со всей очевидностью это проявлялось в кинематографе «холодной войны», в котором применялись различные комбинации музыкально-медийных технологий в ходе «войны образов»¹³ и их легитимации¹⁴ в процессе формирования культурной, «джазовой дипломатии» и других феноменов¹⁵, активно исследуемых в настоящее время¹⁶. Применительно к разным периодам и эпохам используются «новые виды исторических источников, связанные в первую очередь с политической символикой»¹⁷, в том числе визуальные¹⁸, что актуализирует исследование данной проблематики.

Музыка и кинематограф «холодной войны»

В ранних кинофильмах «холодной войны» отчетливо просматривается *нуар-эстетизация* (курсив здесь и далее наш. – К. Ю.). Использование звуковых (шумовых) эффектов или их принципиальное отсутствие было призвано выполнять конкретную функцию – дегуманизацию «образа другого» посредством акустической акцентуации его аморальной, зловещей сущности «чужого», предателя, изменника.

Об инструментально-целевом предназначении звука свидетельствует форма его использования, а также длительность самой композиции. Так, в кинофильме «Конспиратор» (Великобритания – США, 1949, реж. В. Савилл) музыкальное сопровождение подается в строго дозированном виде: тревожная мелодия, иллюстрирующая неизбежность разоблачения прокоммунистических настроений британского военного, майора М. Карры (Р. Тейлор), рабо-

тавшего на советскую разведку, звучит лишь в самом конце картины и по мере приближения к «роковой развязке», варьирует и модулирует к светло-благородным, умиротворяющим оттенкам, рисуя фигуру молодой девушки М. Грейтон (Э. Тейлор) и честных британцев, освобождающихся от заблуждений и иллюзий по поводу убеждений «бывшего своего». Значительная часть сценического времени, за исключением музыкальных пролегомен вначале, проходит в *нуар-безмолвии*, что также можно считать существенным индикатором соответствующего стиля и идейно-эстетической модели. С их типичным проявлением мы встречаемся в кинофильме «холодной войны» – работе режиссера Г. Хэтэуэя «Дипкурьер» (США, 1952), в котором коммунистические «крысы» прибывают всегда «точно по расписанию», поэтому не нуждаются в музыкальной иллюстрации, демонстрации «холодной» динамики «другого», действующего как безжалостная и молчаливая «красная машина» («*red machine*»)¹⁹.

Отход от пеплума и нуар-традиций, создание остросюжетных цветных фильмов с высокоскоростным развитием сценического действия требовали соответствующих средств художественно-эстетической выразительности. Для репрезентации «образа другого» авторы кинопроизведений в буквальном смысле «заказывали музыку», *имитирующую* национально-государственный колорит «чужой» культуры, или какофонически-шумовые эффекты, призванные подчеркивать ее якобы низший, примитивный уровень организации.

В картине Б. Уайлдера «Один, два, три» (США, 1961) восточногерманские коммунисты осуществляют *пытку музыкой*, вернее, музыкальным шумом, чтобы получить признательные показания в шпионаже своего соотечественника Отто Пиффля (Х. Буххольц) в пользу США. В силу комедийного жанра данной картины этот и другие музыкально-звуковые эпизоды приобретали и политико-сатирический характер, связанный с откровенным высмеиванием материально-бытовой действительности стран социалистического «лагеря»²⁰, эмоциональной неустойчивостью и непредсказуемостью кремлевского диктатора (например, образ Сталина в фильме Д. Голда «Красный монарх» (Великобритания, 1983) сопровождается строевой песней «В путь» («Путь далек у нас с тобою...»), муз. В. Соловьева-Седого, сл. М. Дудина), с имплицитной аллюзией на другой первичный образ – Максима Перепелицы в одноименном фильме (СССР, 1955, реж. А. Граник), где также прозвучала эта композиция.

Подобное музыкально-эстетическое «разоблачение» присутствует и в кинофильме «Девушка с Петровки» (США, 1974, реж. Р. Миллер). Героиня Г. Хоун – молодая девушка Октябрина, ведущая по советским политическим стерео-

типам и оценкам тех лет «тунеядствующий», «паразитический, «аполитичный» образ жизни, непринужденно, в окружении сочувствующих – потенциальных диссидентов, сидящих с балалайкой, самоваром, исполняет русскоязычные куплеты. Тем самым ее образ представляет и олицетворяет собой анклав *иной*, досоветской России, «отставшей» в своем развитии из-за «коммунистической заразы» и пришедшей к архаично-регрессивной триаде – «атеизму, варварству, тоталитаризму», освобождение от которых возможно лишь путем следования по примеру США – страны свободы, демократии, пребывающей «*under God*»²¹.

Данная культурно-идеологическая оппозиция просматривается и в гендерном дискурсе. В известном кинофильме А. Литвака «Путешествие» (США, 1959) Ю. Бриннер исполнил роль источника русскую маскулинность и идентичность майора Сулова, демонстрирующего иностранным гостям все музыкально-гастрономические ритуалы своей страны в виде веселых куплетов: «*Водка льется – сердце бьется, водка сердце веселит...*». «*Вы удивлены, миссис Эймур, – говорит Сулов, – Вы, наверное, думали, что русских ничего не интересует, кроме тракторов и марксизма? Но это не так. Мы любим музыку. Когда играет музыка, мы грустим, и это – счастливые минуты! За музыку!*» (поднимает тост). Как достойный противник, обладающий подлинным этосом, благородством, гостеприимностью, радушием, советский майор в американском фильме не может не вызывать уважение. Однако, как верно отмечается в историографии, «его любовь (к английской аристократке. – К. Ю.) не встретила взаимности – и не могла встретить. Один из венгерских повстанцев поет песню, обращенную к женщине, где объясняет, как она должна вести себя с оккупантом: “Женщина ни в коем случае не должна позволять целовать себя... Если он притронется к тебе, то твое тело будет осквернено его поцелуем. Проклятие тебе, даже если ты улыбнешься ему”»²².

Более негативное отношение демонстрировалось по отношению к «врагу номер два» – коммунистическому Китаю, что подчеркивалось и музыкальными средствами. В фильме «Кровавая аллея» (США, 1955, реж. У. Уэллмен, Д. Уэйн) капитан Т. Уайлдер, олицетворяющий американскую маскулинность и убежденный, как и сам исполнитель этой роли Д. Уэйн, в четкой, однозначной безапелляционной дихотомии мира и его ценностей на «черные и белые», «правильные» и «неправильные»²³, спасает целую китайскую деревню из рук «красных собак» – коммунистов, не скрывая своего презрения к ним как к «низшим существам». Последние сравниваются с лавинойобразной, бесформенной коллективистской массой, испепеляющей и уничтожающей все на своем пути. Тревожная тема нашествия маодзедуновской армии и хунвейбинов, безжалостно расправ-

лявшихся с представителями «старого» Китая и другими инакомыслящими, воспроизводится и в фильме «Председатель» (Великобритания – США, 1969, реж. Дж. Томпсон).

Несмотря на значительный потенциал специально написанных саундтреков к фильмам или имитационных композиций как медиа-ресурсов, немалой востребованностью обладали аутентичные сочинения и, прежде всего, классическая музыка, подвергавшаяся политизации. Примером конфронтации на музыкально-кинематографическом «холодном» фронте можно считать письмо известных советских композиторов – Д. Д. Шостаковича, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна и Н. Я. Мясковского в редакцию газеты «Известия» по поводу использования их музыки в американском кинофильме «Железный занавес» (США, 1948, реж. У. Уэллмен). «<...> Известно, – говорилось в письме, – что этот фильм ставит своей целью оклеветать нашу родину, разжечь вражду и ненависть к советскому народу в угоду врагам всеобщего мира и безопасности <...>. Зная заранее, что советские композиторы с гневом отвергли бы всякое подобное предложение (об использовании их музыки. – К. Ю.), кинодельцы из американской компании “20-й век – Фокс” применили мошеннический прием, украв нашу музыку для своего мерзкого фильма. Американские реакционеры решили дополнить кражей наших кинопроизведений те антисоветские подлоги, на которых построен подготовленный им фильм <...>. Выражая свой категорический протест против подобных приемов и нравов, против циничного покушения на свободу нашего творчества, мы решительно настаиваем на изъятии нашей музыки из фильма “Железный занавес”»²⁴.

Подобное обращение как нельзя лучше отражало неразделимость личных приоритетов и государственных установок в период сталинской диктатуры и «холодной войны». Стремление к защите авторских прав, музыки, «звучавшей с экрана в крайне нежелательном для Кремля идеологическом контексте»²⁵, и «свободы творчества», демонстрация антиамериканской общественной позиции осуществлялась в условиях жесточайшего давления на указанных композиторов, ставших в это время главными фигурантами кампании по борьбе с «формализмом» в советской музыке и поиске внешних источников «вредительства» в этой сфере искусства и культуры.

Кроме того, важно подчеркнуть, что американская сторона спешила заверить советскую музыкальную интеллигенцию, а также руководящие инстанции, что данный эпизод можно рассматривать только как формально-юридическое недоразумение. 23 апреля 1948 г. на имя советского сотрудника литературно-музыкального агентства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Новоселова поступило официальное информационное письмо от его американской кол-

леги Хелен Блэк, копия которого была незамедлительно предоставлена начальнику Отдела внешних сношений и Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову. «Мне бы хотелось отметить, – писала Х. Блэк, – что главным препятствием к урегулированию этого дела явилось отсутствие копирайта. Никто не имеет законного контроля над любым произведением советской музыки: ни сами композиторы, ни их представители, ни их издатели <...>. Различные фирмы продолжают издавать “Танец с саблями” без разрешения и оплаты композитору <...>. Если бы было заключено соглашение между ASCAP (Американским обществом композиторов, авторов и издателей) и какой-нибудь советской организацией в СССР (может быть, Союзом советских композиторов) с целью защиты прав композиторов – членов этих организаций, то <...> они (эти организации. – К. Ю.) бы предотвращали использование музыки людьми, которые не имеют на это права <...>. Невозможно решить эту проблему никаким другим путем, кроме взаимного соглашения между двумя странами»²⁶.

Поэтому в дальнейшем, на протяжении всей хронологии и обширной фильмографии «холодной войны» англо-американскими кинодеятелями беспрепятственно использовались различные классические музыкальные композиции. В уже упомянутом кинофильме Б. Уайлдера «Один, два, три» для иллюстрации необузданного русско-советского духа, непредсказуемости «врага номер один» привлечена тема, написанная для последнего действия балета «Гаянэ» А. И. Хачатуряна – «Танец с саблями», пользовавшаяся огромной популярностью в США. В британском фильме «Мозг ценой в миллиард долларов» (Великобритания, 1967, реж. К. Рассел) неонацистская армия генерала Мидвинтера (Э. Бегли), решившего совершить «крестовый поход» против коммунизма, наступает на советскую Прибалтику под «темю шашествия» немцев из симфонии Д. Д. Шостаковича № 7 – «Ленинградской». В кинофильме «Парк Горького» (США, 1983, реж. М. Аптед) в самом начале звучит «Вальс» из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро», выступающий прелюдией и затем общим лейтмотивом внешне идеологического состязания разведок и спецслужб на позднем этапе «холодной войны», но с трудом скрывающих реальные общие – меркантильно-прагматичные, капиталистические интересы и цели.

В кинофильме «Зарубежный роман» (США, 1948, реж. Б. Уайлдер) песня «Руины Берлина» в исполнении М. Дитрих призвана отразить интернациональный «холодный» политический мультикультурализм. Строчка «И на развалинах Берлина начнется новая весна...» звучит и на русском языке. В структуре медиа-текста присутствует сцена, в которой нетрезвые русские коммунисты исполняют известную песню Л. Книппера «Полушко-поле». Она оказалась востребованной и в других кинопроизведениях – «Пилот реактивного

самолета» (США, 1957, реж. Дж. Фон Штернберг); «Русские идут, русские идут» (США, 1966, реж. Н. Джуисон).

При этом ее воспроизведение сочеталось с исполнением и других колоритных мелодий. В «Пилоте реактивного самолета» действие происходит накануне «оттепели», «предразрядки» в международных отношениях, однако советский военный оркестр марширует под появившуюся в сталинскую эпоху песню «Москва майская» (муз. Дм. и Д. Покрассов, сл. В. Лебедева-Кумача), что символизирует противоречивость и неустойчивость «холодного» политического климата. Аналогично, в более позднем кинофильме «Москва на Гудзоне» (США, 1984, реж. П. Мазурски) зеркально-обратно использована композиция из предшествующего периода советской истории, середины 1950 – середины 1960-х гг., «Под нашими спортивными знаменами» (Муз. М. Блантера, сл. Я. Хелемского). Ее воспроизведение было направлено на то, чтобы подчеркнуть слабость «другого», триумф мнимой силы, одержимость свободой и материалистический голод, тяготение к «буржуазной цивилизации». Все это знаменовало «дряхление» и скорую гибель советской государственности, дошедшей до состояния полураспада, когда единственной целью стали не коммунистические идеалы, а американские синие джинсы, сметаемые с прилавков под бодрый марш страны, когда-то вступавшей в «развитой социализм», а теперь демонтировавшей остатки былых иллюзий.

Подводя итоги, отметим следующее. Время, обстоятельства создания, воспроизведения того или иного значительного музыкального сочинения, равно как и стиль автора, международное признание и награды, выступали индикаторами идейно-мировоззренческой принадлежности и национально-государственной идентичности. Все формы звуковых эффектов – какофония или изящно-эстетические проявления классики, рецепции инструментального или вокального народного творчества – приобрели *символический характер*, преломляясь через специфические опции. К ним можно отнести: нуар-репрезентацию, политико-сатирический спектр, режимы адресно-локального или смешанного (комбинированного) заимствования композиций, имитации «иной» культуры, что верифицируется в историографии в более широком культурно-историческом и дисциплинарном контексте²⁷.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что выделенные опции также можно считать и инструментами пропаганды, кинополитики и политики памяти, поскольку внутренний альянс, взаимно дополняющий диалог²⁸ кинематографической «гиперреальности» и звукового сопровождения в кинофильмах периода «холодной войны», приводит к достижению нужного поли-

тико-технологического результата. Происходит выявление разновидностей чужой по отношению к США культуры, атрибуции «врага номер один» и «врага номер два» – коммунистических СССР и Китая, вызывающих специфические музыкальные ассоциации.

Таким образом, можно говорить о релевантности выводов, связанных с признанием музыкально-звуковых ресурсов эффективным инструментом репрезентации и конструирования «образа другого» в кинематографе, воспроизведения его динамических черт на разных этапах «холодной войны». Об этом свидетельствует цикличность – «новая волна» негативной экспликации «образа другого» музыкальными средствами в кинофильмах 1980-х гг., например, таких как «Гулаг» (США, 1984, реж. Р. Янг), «Красный рассвет» (США, 1984, реж. Д. Милиус). Создатели фильмов дают недвусмысленно понять, что русские не меняются: «Калинка-малинка», звучащая в начале первой картины, в любой момент может смениться музыкально-политической агрессией «Интернационала», появляющегося в середине второго кинопроизведения. Поэтому «красная опасность», опасность вторжения в США воспринималась такой же актуальной и вероятной, как и 30 лет назад («Вторжение в США» (США, 1952, реж. А. Грин) «Вторжение в США» (США, 1985, реж. Д. Зито)).

Примечания

- 1 В классе А. Б. Гольденвейзера : сборник статей / сост. Д. Д. Благой, Е. И. Гольденвейзер. М. : Музыка, 1986. С. 27.
- 2 *Нейгауз Г.* Об искусстве фортепианной игры. Записки педагога. М. : Музыка, 1988. С. 16.
- 3 *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. М. : Республика ; Дмитрий Сечин, 2011. С. 333.
- 4 *Эйхенбаум Б. М.* Проблемы киностилистики // Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино» / под общ. ред. Р. Д. Копыловой. СПб : Российский институт истории искусств, 2001. С. 21.
- 5 *Беловицкая А. А., Быкова Н. И.* Актуальность использования классической музыки в современном кинематографе // Молодежь третьего тысячелетия : сборник научных статей XLII региональной студенческой научно-практической конференции (Омск, 2–7 апреля 2018 г.) / отв. ред. С. В. Белим. Омск : ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2018. С. 1263.
- 6 *Brown R.* Overtones and Undertones : Reading Film Music. LA : University of California Press, 1994. P. 239.
- 7 *Беловицкая А. А., Быкова Н. И.* Указ. соч. С. 1261.
- 8 *Hickman R.* Reel Music : Exploring 100 Years of Film Music. New York : W. W. Norton, 2006. P. 68.
- 9 *Бородин Б. Б.* «Затравленное фортепиано» и великий немой // Наука телевидения. 2020. Т. 16, № 2. С. 181.
- 10 Цит. по : *Татарский П. А.* Музыка в кинематографе : культурологический анализ // Aspectus. 2014. № 4. С. 69.

- ¹¹ См.: Юдин К. А. Кинополитика и идеология США в период «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 12-1. С. 84–97.
- ¹² См.: Чернышов А. В. К вопросу о звуке в кинофантастике // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 61–64.
- ¹³ Смирнов Д. Г. Война образов в символической политике холодной войны: семиологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Вып. 2 (19). Философия. С. 60–68.
- ¹⁴ См.: Белов С. И. Легитимация покупки Аляски США в американском историческом кинематографе периода «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 208–216.
- ¹⁵ См.: Бетмакаев А. М. Феномен «культурной холодной войны» в зарубежной историографии международных отношений // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2010. № 26. С. 61–65.
- ¹⁶ Davenport L. E. Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Jackson: University Press of Mississippi, 2009. 208 p.
- ¹⁷ См.: Кирюхин Д. В. Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. 2016. № 1–2 (14). С. 11.
- ¹⁸ См.: Кирюхин Д. В. Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 41. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-41-46>
- ¹⁹ Riabov O. The red machine: The dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536–550.
- ²⁰ См. подробнее: Юдин К. А. «Холодная война» – «холодный» юмор: политико-сатирическая имагосфера англо-американского кинематографа 1960-х гг. // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 2. С. 351–367.
- ²¹ Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 107.
- ²² Рябов О. В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 171.
- ²³ Рахманова Т. Д. Эволюция американского вестерна: жанр массового кино от зарождения до мифа // Клио. 2014. № 5 (89). С. 29–32.
- ²⁴ Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / сост. Л. В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия», 2013. С. 320.
- ²⁵ Федоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Издательство МОО «Информация для всех», 2017. С. 21.
- ²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 125. Д. 636. Л. 299.
- ²⁷ См.: Рычков К. Классическая музыка в голливудском кино // Научный вестник Московской консерватории. 2012. № 1. С. 148–169.
- ²⁸ Волкова П. С., Горбатова О. В. Диалог искусств: музыка и кинематограф // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 144.

Поступила в редакцию 20.01.2020, после рецензирования 02.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 20.01.2020, revised 02.02.2021, accepted 12.04.2021

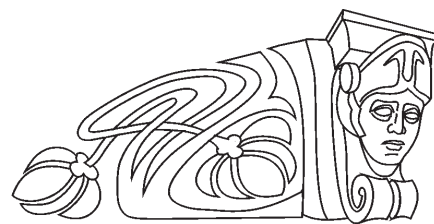

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 359–364
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 359–364
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

Научная статья
УДК 327.8(5-12-13+73)|1953/1955|

«План Маршалла для Азии»: генезис и крах (1953–1955 годы)

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса теоретической разработки и практической реализации плана интеграции региона Южной и Юго-восточной Азии в стратегию США по восстановлению мировой торговли, который получил название «плана Маршалла для Азии» или AFAP. Подчеркивается стремление администрации Эйзенхауэра использовать контекст холодной войны для обеспечения финансирования мероприятия со стороны американского конгресса. Анализируются причины провала плана, связанные с противоречиями между странами рассматриваемого региона, а также их опасениями потерять двухстороннюю помощь со стороны США.

Ключевые слова: «плана Маршалла для Азии», помощь США, Южная и Юго-Восточная Азия, Д. Эйзенхауэр, Г. Стассен, холодная война, Симла

Для цитирования: Шенин С. Ю. «План Маршалла для Азии»: генезис и крах (1953–1955 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 359–364. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The «Marshall Plan for Asia»: Genesis and collapse (1953–1955)

S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Abstract. The article is devoted to studying the process of theoretical development and practical implementation of the plan for integrating the region of South and Southeast Asia into the U. S. strategy for restoring world trade, which is called the «Marshall plan for Asia» or AFAP. The Eisenhower administration's desire to use the Cold War context to secure funding for the program from the U. S. Congress is emphasized. The reasons for the failure of the plan are analyzed, related to the contradictions between the countries of the region under consideration, as well as their fears of losing bilateral assistance from the United States.

Keywords: «Marshall Plan for Asia», U. S. aid, South and Southeast Asia, D. Eisenhower, H. Stassen, Cold War, Simla

For citation: Shenin S. Yu. The «Marshall Plan for Asia»: Genesis and collapse (1953–1955). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 359–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Как известно, в Европе американский «план Маршалла» имел как политический (антикоммунистический), так и экономический аспекты. Последний ориентировался на достижение конкурентоспособности западноевропейских стран в долларовой зоне. Способность зарабатывать доллары была критической для конвертации национальных валют и использования региона в качестве рынка для американских товаров, что было абсолютно необходимо для дальнейшего поступательного развития экономики США.

Однако к 1953 г. эта цель «плана Маршалла» не была достигнута. Пришедший в Белый дом новый президент, республиканец Д. Эйзенхауэр, сразу же активизировал борьбу с европейским «долларовым дефицитом». Стратеги Эйзенхауэра были убеждены в том, что эта проблема могла быть решена только как «побочный продукт» процесса восстановления схемы довоенной глобальной трехсторонней торговли. В рамках этого «треугольника» у Европы всегда существовал торговый профицит с Азией и дефицит с Север-

ной Америкой, в то время как последняя имела отрицательный торговый баланс с азиатскими странами в целом¹.

На практике для восстановления нормального функционирования этой схемы нужно было «накачать» долларами азиатские экономики, используя для этого каналы американской помощи. Наличие долларов в Азии должно было оторвать западно-европейские страны от экономического сотрудничества с коммунистическим блоком, поскольку они могли получить необходимую американскую валюту, продавая свои пока еще дорогие и неконкурентоспособные товары азиатским странам, и постепенно повышать свою конкурентоспособность через покупку здесь дешевого сырья.

Такая переориентация европейцев в сторону Южной и Юго-Восточной Азии находилась под большим вопросом, поскольку сырьевое производство в регионе еще не было восстановлено после войны. Кроме того, иногда попытки европейцев вернуться в бывшие колонии сталкивались либо с такими эксцессами, какие имели место, например, в Индокитае, либо просто с категорическим нежеланием азиатов сотрудничать с ними или японцами.

В целом же в рассматриваемый период возрождение межрегиональных торговых отношений представлялось невозможным без всеобъемлющей американской поддержки. Тем не менее, поскольку эта поддержка не могла быть масштабной (из-за царящих в обществе и на Капитолийском холме настроений), а сами азиатские страны не горели желанием отдавать свои экономические планы на откуп американцам, необходимо было разработать и предложить привлекательный, но достаточно скромный план, чтобы стимулировать необходимые трехсторонние торговые процессы.

Хотя европейская версия «плана Маршалла» по некоторым аспектам подвергалась критике, она все же произвела сильное впечатление как в Соединенных Штатах, так и в слабых странах. Чисто внешне Программа восстановления Европы (ERP) представляла собой хороший пример системного решения очень похожей проблемы, которая в Азии заключалась в том, что на фоне чрезвычайно низкого жизненного уровня можно было наблюдать стремительный политический сдвиг влево местных правительств, активное развитие двухсторонних экономических связей со странами коммунистического блока, быстрое огосударствление экономик, настойчивое использование импортозамещающих стратегий и т. п. Таким образом, ближе к середине 1950-х гг. администрация Эйзенхауэра столкнулась с настоятельной необходимостью изменить в слабых регионах Азии эти тенденции в том же ключе, в каком это было сделано в Европе на рубеже 40–50-х гг. XX в.

Сторонники такого подхода в администрации были уверены, что «если это было сделано в Европе, то это можно сделать и в Азии»². Достижение весной 1954 г. в Вашингтоне консенсуса в отно-

шении смещения основного акцента американской помощи с Европы на Азию вновь поставило на повестку дня вопрос о применении здесь методологии «плана Маршалла». Ее использование в Азии имело несколько преимуществ. Во-первых, это способствовало бы ускорению перехода от негативной доктрины «сдерживания» к позитивной концепции глобализации. Во-вторых, могло привлечь на сторону Америки слаборазвитые страны, которые на протяжении многих лет настойчиво требовали от США осуществить у них что-либо похожее на «план Маршалла» – к этому моменту реально они имели только программа «пункта-4», которая не оправдывала их ожиданий. В-третьих, успешная реализация мероприятия такого масштаба оказала бы глубокий позитивный эффект на экономику США и их международный авторитет.

Смысл концепции «плана Маршалла» заключался в региональной экономической интеграции на базе «специализации, унификации и упрощения». Такая интеграция должна быть построена вокруг некоего регионального индустриального центра, который мог играть роль «экономического мотора», т. е. что-то наподобие той роли, которую играла Германия в Европе. Лидеры либералов в администрации полагали, что в Азии такой экономической блок должен был объединить свободные страны Южной и Юго-Восточной Азии вокруг Японии как единственной развитой промышленной державы.

Если такой блок удастся создать, считали стратеги администрации, то он должен быть объединен с Европой и США с помощью торговых и финансовых каналов, что по сути завершит процесс интеграции Азии в систему мирового разделения труда и восстановит довоенную трехстороннюю модель глобальной экономики. В принципе, администрация Г. Трумэна хотела сделать то же самое, однако на рубеже 1940–1950-х гг. Япония была не готова взять на себя роль «мотора». Сейчас, после щедрых контрактов Корейской войны, она явно встала на ноги и была способна сыграть указанную роль.

Тем не менее рассматриваемая идея вызывала в Соединенных Штатах достаточно противоречивую реакцию. С одной стороны, американское общественное мнение основывалось на положительном отношении к достижениям «плана Маршалла», а с другой стороны, представители администрации опасались больших финансовых затрат и были не готовы поддержать использование методологии «плана Маршалла» в Азии. Соответственно, учитывая жесткие установки Эйзенхауэра на сбалансированность бюджета, а также негативное отношение оппозиционных групп бизнеса и общественного мнения к такому типу помощи, вряд ли можно было найти простое решение проблемы финансирования «плана Маршалла для Азии». Единственным возможным способом, который мог бы обеспечить такое

перемещение средств, было смещение фокуса холодной войны в том же направлении.

При обсуждении данного вопроса представители либеральной части администрации стали оправдывать перенос эпицентра холодной войны в Азию тем фактом, что активизация коммунистического наступления в Индокитае сразу после окончания Корейской войны не могла быть простым совпадением. Они настаивали, что этот регион был выбран коммунистическим миром как следующая цель его глобальной экспансии, и никакие предыдущие попытки противостоять этому наступлению с использованием массивной многомиллиардной экономической и военной помощи на двухсторонней основе не дали ощутимого результата.

Объяснялась эта неудача тем, что советско-китайское наступление в Индокитае было комбинированным по своей природе и состояло из двух частей – экономической и военной. Соответственно, реакция на такое наступление должна быть также комбинированной и не на двухсторонней, а на многосторонней основе, как то продемонстрировал положительный опыт «плана Маршалла» и НАТО в Европе. Создание военных блоков в Южной и Юго-Восточной Азии могло бы дополнить экономические усилия по противодействию военно-политической угрозе.

Тем не менее проблема объединения этих блоков с целью остановить экономическую и идеологическую экспансию коммунизма требовала решения задачи повышения роста уровня жизни населения во всех странах Юго-Восточной Азии за счет увеличения эффективности местного производства на основе регионального разделения труда. Это означало, что технология «плана Маршалла» – региональная интеграция через «специализацию, унификацию и упрощение» – должна была сработать еще раз как для «сдерживания» коммунизма, так и для вовлечения всего региона в процесс строительства мирового экономического порядка.

Однако у президента на тот момент не было убедительного обоснования такой политики. К счастью для Белого дома аргументы были вскоре найдены. В начале августа 1954 г. Франция получила сокрушительный удар в сражении при Дьен Бьен Фу, после чего перспектива окончательной потери Индокитая стала вырисовываться еще четче. Начавшаяся в США массовая антикоммунистическая истерия позволила Эйзенхауэру получить от конгресса начальную, хотя и очень небольшую сумму (200 млн долл.) на финансирование нового плана³.

Госсекретарь Дж. Даллес возглавил процесс формирования идеологического базиса для осуществления предполагаемого «плана Маршалла для Азии» (ПМА). Пытаясь найти убедительные аргументы в пользу необходимости такого плана и стратегического разворота в целом, он утверждал, что «в настоящий момент администрация

исходит из предположения, что вероятность большой горячей войны уменьшилась, а борьба с коммунизмом сместилась (с военно-политического аспекта. – С. Ш.) в сферу экономико-идеологической конкуренции»⁴.

Сотрудники госдепартамента утверждали, что Азия превратилась в самый опасный фронт холодной войны. Спектр угроз был самым широким: «Слабая экспортная торговля Японии может соблазнить японских коммунистов ориентироваться на рынки России и Китая. В Малайзии сегодня идет невидимая красная война. Нынешняя администрация в Индонезии уже сформировала парламентский альянс с местной красной партией {ldots} Красные в коммунистическом Китае провозгласили экс-премьера Таиланда главой красного тайского движения. Красная армия в Бирме всё ещё воюет с бирманским правительством. Красные продемонстрировали неожиданную политическую силу в некоторых районах Пакистана». В целом, считали представители госдепартамента, наибольшую угрозу стабильности в Азии несла с собой «подрывная активность красного подполья». Естественно, в таких условиях «экономическая оборона» становилась важнее военной⁵.

В целом аргументы в пользу «экономического сдерживания» были очень похожи на те, которые использовались в США в 1947 г., т. е. накануне начатой президентом Трумэном кампании за европейский «план Маршалла». В 1954 г. доводы того же рода еще раз сослужили добрую службу делу «глобализации по-американски». Дилемма вырисовывалась простая: или экономическое развитие Азии, или её потеря, за которой неизбежно последует стратегическое поражение в холодной войне. В редакционной статье «Нью-Йорк Таймс» было заявлено, что победный марш коммунизма в Южной и Юго-Восточной Азии должен быть остановлен: «План Маршалла {ldots} одержал великую победу за свободу. Он спас Европу от экономической катастрофы и, сделав это, спас от политической катастрофы. По-видимому, нам надо воскресить надежды, решимость и энтузиазм, которые сопровождали принятие плана Маршалла семь лет назад»⁶.

Возглавить разработку и реализацию плана должен был директор агентства помощи (Foreign Operation Administration – FOA) Г. Стассен. Этот политический «тяжеловес» рассматривался как один из возможных преемников Эйзенхауэра. Однако чтобы «остаться в президентской обойме», ему был очень нужен быстрый успех, поскольку конгресс дал FOA всего один год существования. Кроме того, законодатели выделили ему не так много денег для того, чтобы сформулировать хоть что-то, отдаленно напоминающее европейский «план Маршалла».

Г. Стассен исходил из того, что «план Маршалла для Азии» должен представлять собой вариант схемы региональной интеграции, и в

этом он был очень похож на свой европейский прототип. Заметное отличие состояло в том, что в Европе не было абсолютного экономического лидера, а в азиатском варианте это место уверенно занимала Япония. На первом этапе план был нацелен на то, чтобы «расширять» те «узкие места» (bottlenecks) в региональной торговле, которые мешали взаимодействию японской промышленности и сырьевых производств стран Южной и Юго-Восточной Азии, т. е. помогать активировать те отрасли слаборазвитых стран, которые позволили бы им зарабатывать валюту. На следующем этапе эта валюта, в свою очередь, должна была быть потрачена на покупку товаров не только в Японии, но и в других странах, в первую очередь в США. Таким образом, на втором этапе предполагалось выйти за пределы региона на уровень глобальной интеграции. Как отмечали наблюдатели, «чем дальше планировщики идут в своей работе по Азии, тем меньше они думают о ней, как о замкнутом торговом регионе типа Европы, и больше, как о регионе, где каждая страна стремится торговать со всем миром»⁷.

Говоря о «расширении узких мест», эксперты администрации подразумевали помощь США в организации сырьевого производства, которое нужно было Японии. Например, Япония нуждалась в руде, а у Малайзии она имела, но необходимо было наладить работу шахт, которые остановились во время Второй мировой войны. В данном случае ПМА должен был найти возможность профинансировать процесс восстановления и расширения этих производств. Индонезия хотела бы купить у Японии ткацкие станки, чтобы начать производить ткани. Если в рамках ПМА американское правительство могло бы помочь их купить, то у Индонезии появится валюта от продажи ткани на местном и внешнем рынках и она станет рынком сбыта промышленных товаров не только для Японии, но и для США. Бирма хотела продавать древесину на мировом рынке, но лесные массивы находились в тех областях страны, куда не были проложены дороги. Если помочь бирманскому правительству приобрести дорожное оборудование в Японии, а также с постройкой дорог, то, продавая древесину на мировом рынке за валюту, особенно в Японию и США, Бирма смогла бы покупать у этих стран промышленные товары⁸.

Хотя конгресс предполагал выделение только 200 млн долл. для азиатского «плана Маршалла» (получившего официальное название «плана арки свободной Азии» или AFAP – the Ark of Free Asia Plan), в рамках регулярного бюджета выделялось еще 915 млн долл. в качестве обычной двухсторонней невоенной помощи для стран региона. Эксперты администрации разъясняли, что в совокупности составлявшая сумма, более одного миллиарда долларов – это почти все, что можно на данном этапе потратить в регионе без риска вызвать инфляцию.

Они указывали, что восстановление промышленных экономик, разорённых войной, не являлось в отличие от Европы главной проблемой региона. Скорее, необходимо было начать строительство сравнительно простых экономик (за исключением Японии). «Капитал, конечно, нужен, но в ближайшие годы больше будут нужны программы профессиональной подготовки, экспертный анализ и хорошее планирование для создания производительного бизнеса в будущем»⁹. Поэтому сначала должна быть проделана фундаментальная подготовительная работа через предоставление технической помощи и только после нее, на следующем этапе, могла быть предложена и применена крупномасштабная «помощь развитию».

С учетом такого понимания «плана Маршалла для Азии» планировалось, что 200 млн долл. из «регионального фонда» будут тратиться на проекты, приносящие выгоды более чем одной стране. Предполагалось, что это будет самоподдерживающийся оборотный фонд, главная цель которого заключалась в развитии региональной торговли¹⁰. Кроме того, фонд должен был использоваться для предоставления долгосрочных кредитов, которые могли бы позволить одной стране что-то купить или продать в другой стране, в которой трудно найти свободные деньги. Наконец, он также мог использоваться для некоторых особо емких проектов развития, направленных на рост торговли внутри «арки наций». Как отмечалось, важным достижением Стассена было то, что средства выделялись не на один бюджетный год, а минимум на три года, которые требовались для осуществления сложных интеграционных процессов.

Как отмечалось, в течение первого года своего функционирования программа AFAP требовала небольшой суммы средств, но в последующие 8 лет, как полагал директор FOA, она должна быть значительно увеличена. В результате в течение указанного периода времени общий экономический рост стран свободной Азии мог бы достигнуть 30 % – с 65 млрд долл. до 85 млрд долл. совокупного ВВП. Предполагалось, что в рамках этого процесса они смогут начать аккумулировать свои собственные инвестиционные фонды, станут самодостаточными, и им не нужно будет обращаться к внешней помощи. Экономические условия должны быть стабильными, чтобы «выигрывать сравнение с прогрессирующими коммунистическими странами Азии» и конкурировать с темпами индустриализации коммунистического Китая¹¹.

Таким образом, общие контуры «плана Маршалла для Азии» или «плана арки свободной Азии», разработанные Стассеном в период с середины марта до середины апреля 1955 г., имели ряд особенностей. Во-первых, главной угрозой становилось не советская, а китайская экономико-идеологическая конкуренция. Во-вторых, основной акцент делался на внутрорегиональную интеграцию. В-третьих, в центр схемы помещалась

не Европа, а Япония. В таком виде план Стассена не вызывал в Вашингтоне больших возражений, что позволяло Эйзенхауэру открыто поддержать АФАР. Президент заявил, что план будет включен в его послание конгрессу по вопросу внешней помощи и, «сделав это, он зафиксирует особую значимость этой программы как инструмента внешней политики Соединенных Штатов»¹². Одновременно администрация организовала активную кампанию поддержки АФАР в прессе.

В целом достаточно благосклонное отношение к ПМА в США позволило индийскому правительству (явно по совету из администрации Эйзенхауэра) заявить в Нью-Дели, что в мае 1955 г. индийские власти созывают конференцию тринадцати азиатских наций в г. Симла для обсуждения вопроса регионального использования экономической помощи Соединенных Штатов. Эта встреча представлялась аналогом конференции шестнадцати европейских стран в Париже в июле 1947 г., которая должна была сформировать Организацию европейского экономического сотрудничества.

Для американской стороны мероприятие в Индии было очень значимо в связи с параллельной подготовкой конференции стран Азии и Африки в Бандунге (Индонезия). Администрация ожидала, что «план арки свободной Азии», о котором было официально объявлено в обращении президента Эйзенхауэра к конгрессу 20 апреля 1955 г.¹³, должен был стать «основным предметом обсуждения представителями свободной Азии в момент, когда они борются с пропагандой коммунистического Китая, который обещает огромные экономические выгоды для всех, кто поддастся соблазнам сосуществования. Состязание между свободным и коммунистическим мирами в Азии будет переведено в плоскость дебатов, и вся Азия будет их слушать»¹⁴.

В администрации Эйзенхауэра многие чиновники облегченно вздохнули, услышав новость об индийской инициативе. Для этого было две причины. Во-первых, сотрудничество в рамках АФАР таких государств, как Индия, Цейлон, Бирма и Индонезия, являвшихся главными нейтральными «неприсоединившимися» странами, значительно усилило бы позиции «свободной Азии» в Бандунге. Во-вторых, демонстрация того, что азиатские страны наконец-то начали движение к объединению на многосторонней основе в ответ на предложение специальной региональной программы помощи, значительно облегчило бы решение задачи убедить конгресс проголосовать за выделение необходимых фондов.

Как отмечалось выше, в администрации было решено, что по аналогии с европейским «планом Маршалла» «азиаты должны были сами решить как им использовать деньги»¹⁵. Однако неожиданно все тринадцать азиатских стран-участниц «отказались рассматривать идею использования американской помощи на региональной основе»,

поскольку они не смогли «согласиться ни по одной программе, в которой они могли бы участвовать как части единого регионального целого». Близкие к конференции источники указывали, что делегаты пришли к выводу о необходимости для азиатских реципиентов американской помощи продолжить следование их индивидуальным экономическим курсам без какой бы то ни было региональной кооперации¹⁶.

В американской прессе указывалось на два основных мотива, почему азиатские страны «вылили ушат воды на региональную идею». Во-первых, политики в США имели неправильное представление о степени азиатского единства. «Мы думали и говорили слишком часто об “Азии” и “азиатах”, как будто мы имели дело с единой частью мира и единым населением. Конференция в Симле показала, что между ними существуют различия, есть сферы недоверия и антагонизма, конфликтных точек зрения и целей, которые делают очень сложным, если не невозможным, решение проблемы взаимодействия с регионом как с географическим целым, единым по духу и потребностям. Такого единства не существует», поскольку «Азия – это не Европа»¹⁷.

Вторая причина состояла в том, что «ряд азиатских государств, явно озабоченных вероятностью сокращения индивидуальных программ помощи в том случае, если появятся обязательства по помощи всем, настаивал на том, чтобы все программы помощи продолжались на двухсторонней основе». Соответственно, они опасались, что со временем многосторонний региональный компонент американской программы помощи будет расширяться за счет ее двухсторонней составляющей. Местные элиты рассматривали такое развитие событий как нежелательное, поскольку они могли утратить способность влиять на процесс распределения помощи на национальном уровне. Такие общие настроения проявились даже в том, что на конференции «азиатские страны послали чиновников уровня ниже кабинетного», а «из Соединённых Штатов в Симлу не приехал ни один обозреватель»¹⁸.

Несмотря на «катастрофу в Симле», лидеры администрации продолжали делать вид, что все идет нормально. Так, 25 мая госсекретарь Дж. Даллес во время пресс-конференции объяснил репортерам, как надо воспринимать решение тринадцати стран «арки»: «Их точка зрения находится в полном соответствии с нашим собственным мнением»¹⁹. Он охарактеризовал конференцию в Симле как «важный шаг вперед» и заявил, что её результаты были «чрезвычайно удовлетворительными»²⁰.

Еще более оптимистично старался выглядеть Г. Стассен. Во время выступления в комитете палаты представителей по иностранным делам он признался, что страны региона «арки» отвергли предложенный подход, но только временно, и утверждал, что схема регионального экономиче-

ского сотрудничества «будет усовершенствована» на основе «растущей интенсивности консультаций и сотрудничества» со странами АФАР. Поэтому, полагал Г. Стассен, подход все еще оставался жизнеспособным, и конгресс должен был выделить оговоренные ранее 200 млн долл. на многолетней основе для реализации плана²¹.

Однако этот оптимизм никого не мог обмануть. Все понимали, что Стассен утратил необходимую «административную силу» для того, чтобы и далее проталкивать свой план. После Симлы конгресс сократил финансирование АФАР до 100 млн долл., а затем даже эту очень скромную сумму отказался выделять²². Таким образом, «план Маршалла для Азии» умер, не пережив фазы своего генезиса.

«План Маршалла для Азии» (АФАР) задумывался администрацией Эйзенхауэра для решения проблемы ликвидации европейского долларового дефицита. При этом предполагалось использовать методологию «плана Маршалла» в Европе. Его азиатская версия, получившая название АФАР, ориентировалась на разделение труда и экономическую интеграцию стран Южной и Юго-Восточной Азии на блоковой основе с «мотором» в лице Японии. Для реализации этого плана администрация, используя пропагандистские инструменты, сумела убедить общественное мнение и конгресс, что фокус холодной войны сместился в Азию и без финансирования плана (для начала очень скромного) Америку ждет глобальное поражение в борьбе с коммунизмом. Однако успехи начальной фазы плана разбились о прагматизм азиатских стран, которые не захотели в нем участвовать, опасаясь потери более предсказуемой двухсторонней помощи США, а также не сумев преодолеть внутренние разногласия.

Примечания

¹ *Rotter A.* The Path to Vietnam. Ithaca & London : Cornell University Press, 1987. P. 165–180.

- ² *Hoffman P.* World Investment, not Foreign Aid // *New York Times Magazine*. 1952. February 3.
- ³ *Reston J.* A Gain for President : Restoration of Foreign Aid Cuts Helps Him to Carry Out South East Asia Plan // *The New York Times*. 1954. August 5.
- ⁴ *Reston J.* Nelson Rockefeller to Be Named White House Foreign Policy Aide // *The New York Times*. 1954. December 8.
- ⁵ *Cromley R.* Aid Billions : Ike's Advisors Mull Costly Foreign Aid Program // *The Wall Street Journal*. 1954. August 14.
- ⁶ *How Much Foreign Aid* // *The New York Times*. 1954. August 5.
- ⁷ *Cromley R.* Op. cit.
- ⁸ *Ibid.*
- ⁹ *Ike to Propose More Asian Aid* // *The Washington Post and Times Herald*. 1955. March 15.
- ¹⁰ *President to Ask More Aid for Asia* // *The New York Times*. 1955. March 18.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Schmidt D.* Aid Plan for 'Arc of Asia' Timed for Bandung Parley // *The New York Times*. 1955. April 17.
- ¹³ *Eisenhower D.* Special Message to the Congress on the Mutual Security Program. 1955. April 20 // *Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower*, 1959. Washington, 1960. P. 406.
- ¹⁴ *Schmidt D.* Op. cit.
- ¹⁵ *Asia as a Region* // *The New York Times*. 1955. May 16.
- ¹⁶ *Regionalism in Aid* // *The Washington Post and Times Herald*. 1955. May 16.
- ¹⁷ *Asia as a Region* // *The New York Times*. 1955. May 16.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Dulles A.* Cumulative Effects of the Mutual Security Program // *Department of State Bulletin (DSB)*. Vol. XXXII, № 832. 1955. June 6. P. 913.
- ²⁰ *Cites Red Shifts* // *The New York Times*. 1955. May 26.
- ²¹ *Stassen H.* Highlights of the Mutual Security Program 1956 // *DS B*. Vol. XXXIII, № 836. 1955. July 4. P. 29.
- ²² *Kaufman B.* Trade and Aid : Eisenhower's Foreign Economic Policy, 1953–1961. Baltimore and London, 1984. P. 68.

Поступила в редакцию 19.12.2020, после рецензирования 14.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 19.12.2020, revised 14.03.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 365–378
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 365–378
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378>

Научная статья
УДК 341.3(479.243)1990/2020]

Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>

Аннотация. В статье анализируется посредническая деятельность международных организаций в Нагорно-Карабахском конфликте с 1992 по 2020 г. Исследованы позиции, занимаемые ОБСЕ, США, России, а также Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха относительно планов мирного урегулирования конфликта. Рассмотрена ключевая роль РФ как крупного регионального актора в примирении враждующих сторон и разрешении Нагорно-Карабахской проблемы.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, Азербайджан, Армения, ОБСЕ, Россия, США, Минская группа, Мадридские условия

Для цитирования: Чолахян В. А. Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 365–378. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International participation in the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>

Abstract. The article analyzes the mediation activities of international organizations in the Nagorno-Karabakh conflict from 1992 to 2020. The positions of the OSCE, the United States, Russia, as well as Armenia, Azerbaijan and Nagorno-Karabakh regarding the plans for a peaceful settlement of the conflict are examined. The key role of the Russian Federation as a major regional factor in the reconciliation of the warring parties and the resolution of the Nagorno-Karabakh problem is considered.

Keywords: Nagorno-Karabakh, Azerbaijan, Armenia, OSCE, Russia, USA, Minsk Group, Madrid conditions

For citation: Cholakhyan V. A. International participation in the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 365–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История нагорно-карабахского конфликта получила широкое освещение в исторических и политических исследованиях. «Само слово “Карабах”, – писал полномочный представитель президента Российской Федерации по политическому урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе в 1992–1996 гг. В. Н. Казимиров, – стало нарицательным для вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР»¹.

В разрешении нагорно-карабахского конфликта принимали участие Россия и другие

страны СНГ, Иран, ООН и СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе)/ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). В 1992 г. началась посредническая деятельность международных организаций по урегулированию нагорно-карабахского конфликта – ООН предоставила СБСЕ статус ведущей международной структуры в процессе разрешения этого противостояния. Совет министров иностранных дел СБСЕ 24 марта 1992 г. принял решение создать международную

конференцию по Нагорному Карабаху в Минске. И хотя конференция не состоялась, ее участники получили название «Минская группа»².

Посредническая политика России по урегулированию нагорно-карабахского конфликта была обусловлена целым рядом факторов: историческая вовлеченность в происходящие на Южном Кавказе события, традиционно позитивные отношения со сторонами конфликта, стремление предотвратить возникновение потенциальных очагов напряженности и конфликтов вблизи своих границ. По словам В. Н. Казиминова, свои миротворческие усилия Россия развивала в самых разных направлениях, «... как член Минской группы, в рамках ООН, действуя самостоятельно, на основе двусторонних консультаций»³.

Минская группа в своей деятельности руководствовалась основными принципами, утвержденными в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ в 1975 г.: территориальной целостностью признанных государств и правом народов на самоопределение. В международном праве нет иерархии этих принципов – они взаимосвязаны и обладают одинаковой международно-правовой силой. Между тем уже тогда, с точки зрения современных норм международного права, обозначилось классическое и неразрешимое противоречие между этими принципами. С одной стороны, в случае сецессии, т. е. выхода из государства и выделения части его территории, верхovenство устанавливалось за принципом территориальной целостности, а с другой, при самоопределении без нарушения территориальной целостности (например, самоопределение в форме создания автономий) преимущество над принципом территориальной целостности государств имел принцип самоопределения народов⁴.

Распад СССР привел к образованию новых независимых государств. В соответствии со ст. 3 Закона СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» Нагорный Карабах стал единственным автономным регионом бывшего Советского Союза, который, обрел независимость в результате референдума 10 декабря 1991 г.⁵ Международное сообщество оказалось не готовым к столь кардинальным переменам и признало принцип территориальной целостности в качестве базиса нового миропорядка. Между тем произвольное приращение принципа территориальной целостности к новым независимым государствам без учета соблюдения ими национального законодательства и установления международно признанных границ привело к возникновению серьезных межнациональных конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Косово и др.

Впервые в качестве предмета международного спора проблема Нагорного Карабаха появилась в 1918 г. в связи с необходимостью территориального разграничения двух независимых государств

на Южном Кавказе – Республики Армения и Азербайджанской Демократической Республики. Лига Наций в 1920 г. воздержалась от их юридического признания из-за взаимных территориальных споров, в частности, назвав Нагорный Карабах «спорной территорией»⁶.

С установлением советской власти в Закавказье решением Кавказского Бюро ЦК РКП (б) от 5 июля 1921 г. Нагорный Карабах был «оставлен в пределах Азербайджанской ССР с предоставлением широкой областной автономии»⁷. За годы советской власти армяне Нагорного Карабаха неоднократно и безуспешно обращались в центральные органы власти с просьбой присоединить Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО) к Армянской ССР. С наступлением перестройки и гласности 20 февраля 1988 г. внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО приняла решение о выходе из состава Азербайджанской ССР и о вхождении в состав Армянской ССР. Союзное руководство заявило о невозможности передачи НКАО Армянской ССР. В условиях нарастания напряженности в межэтнических отношениях происходила насильственная депортация армян из Азербайджана, которая переросла в кровопролитную войну.

В самый разгар войны, с 30 апреля по 12 ноября 1993 г., Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции по нагорно-карабахскому конфликту (№ 822, 853, 874 и 884). Главными требованиями являлись: незамедлительное прекращение огня, немедленный и полный вывод оккупационных сил из 7 районов Азербайджана, признание беженцев, восстановление экономических, транспортных и энергетических связей в регионе. В последней резолюции (№ 884 от 12 ноября 1993 г.) указывалось, что в ответ на «эскалацию военных действий вследствие нарушений прекращения огня и чрезмерного применения силы» силы самообороны армян Нагорного Карабаха оккупировали Зангеланский район и г. Горадииз в Азербайджане⁸. При этом ни в одной из резолюций Совета Безопасности ООН Армения не упоминалась как непосредственная участница Нагорно-Карабахского конфликта. В то же время ни одно требование или призыв четырех резолюций СБ ООН сторонами конфликта в 1993 г. не были выполнены.

В 1992–1993 гг. посредническая деятельность Минской группы по урегулированию нагорно-карабахского конфликта не принесла существенных результатов. По мнению аналитиков, противоборствующие стороны стремились решить проблему силовыми, военными методами, а пришедшая к власти в Армении и Азербайджане националистическая интеллигенция, основным пунктом своей политической программы провозгласила «освобождение» Нагорного Карабаха. К тому же в новой геополитической обстановке на Южном Кавказе западные страны и США стремились ослабить влияние России в регионе⁹. Даже не-

смотря на согласие России на введение в регион сил ООН, представитель Госдепартамента США заявил, что «в настоящий период США не могли бы поддержать мероприятия по размещению сил ООН в Нагорном Карабахе»¹⁰.

В свою очередь российская дипломатия стремилась к тому, чтобы СНГ, как и ОБСЕ, получило статус региональной и международной организации для осуществления миротворческой деятельности на постсоветском пространстве. Об этом прямо заявил Президент Б. Ельцин в феврале 1993 г.: «Прекращение всех вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР входит в жизненные интересы России. Я уверен, пришло время, для того чтобы уважаемые международные организации, в том числе и ООН, именно на Россию возложили особые полномочия по обеспечению мира и стабильности в регионах бывшего СССР»¹¹.

В 1993 г. США активизировали свою деятельность на Южном Кавказе и уже выступали за поиск мирного разрешения Нагорно-Карабахского конфликта с привлечением международных миротворческих сил. Представитель США Дж. Мареска, готовивший предложение по миротворческой деятельности, представил В. Н. Казимирову список, включавший семь условий по совместному контролю над решением вопроса о прекращении огня в Нагорном Карабахе под эгидой СБСЕ¹².

В ответ Россия выдвинула свой вариант урегулирования, весьма приемлемый для противоборствующих сторон. Однако теперь уже не согласились американцы. Об американо-российском соперничестве в вопросе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта красноречиво свидетельствуют слова первого заместителя министра иностранных дел Армении Ж. Липаритяна: «Просто стоял вопрос, чей будет мир. «Американский» мир, который ослабит позиции России, усилит роль США и изолирует Иран? Или это будет российский мир, который ослабит США? Вот в чем был вопрос, а не в том, что русские не хотят мира. Мира хотят и русские, и американцы, но такого мира, чтобы не противоречил их интересам»¹³.

По мнению С. М. Маркедонова, «особый интерес России к процессу урегулирования состоял (и поныне состоит) не в «собираании» кавказских республик в единое союзное государство, а в выгодной кооперации с ними, развитии интеграционных связей и посредничестве в деле прекращения этнополитического конфликта»¹⁴.

Только последовательная и конструктивная политика России принесла долгожданный мир в Нагорный Карабах. По инициативе России, действовавшей через своих представителей в Межпарламентской ассамблее СНГ, конфликтующие стороны подписали 5 мая 1994 г. в г. Бишкеке документ, известный как Бишкекский протокол, призывающий все противоборствующие стороны прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая 1994 г. К этому времени силы самообороны самопро-

возглашенной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) не только освободили большую часть своей территории, но и заняли семь районов, создав зону безопасности. Поэтому азербайджанское руководство было заинтересовано в прекращении огня и «с явным укором ставило вопрос, неужели Россия не может остановить военные действия»¹⁵. Благодаря российскому посредничеству 9–11 мая 1994 г. министры обороны Азербайджана (М. Мамедов), Армении (С. Саргсян) и командующий армией Нагорного Карабаха (С. Бабалян) подписали соглашение о полном прекращении военных действий с 12 мая¹⁶.

Таким образом Азербайджан официально признал Нагорный Карабах стороной конфликта. В то же время азербайджанская сторона выступила против предоставления России права вводить в раздельную зону свои войска, не дожидаясь прибытия туда наблюдателей и воинских контингентов из стран СБСЕ. По мнению В. Н. Казимирова, Азербайджан подвергся сильнейшему нажиму западных держав, стремившихся не допустить размещения в Нагорном Карабахе миротворческих сил России и других стран СНГ¹⁷.

На наш взгляд, Г. А. Алиев с самого начала переговорного процесса не доверял Москве и настаивал на необходимости введения в регион международных, а не только российских миротворческих сил. Уход Азербайджана от средств закрепления прекращения огня не дал возможности основательно упрочить соглашение в военно-техническом отношении. В итоге перемирие не получило надлежащего подкрепления ни от России, ни от Запада, ни от ООН и объективно осталось довольно хрупким¹⁸.

Вопрос по составу и руководству будущими миротворческими силами в Нагорном Карабахе стал ключевым в отношениях между Западом и Россией. Об этом, спустя два месяца после подписания мирного соглашения, заявил президент Армении Л. Тер-Петросян: «Запад ни в коей мере не желает, чтобы главная роль в урегулировании проблемы была отведена России. Поэтому сейчас все наши усилия направлены на «примирение» России и Запада»¹⁹.

Эти же проблемы обсуждали на своей встрече в Вашингтоне (сентябрь 1994 г.) президент США Б. Клинтон и президент Российской Федерации Б. Ельцин. По мнению США, силы России не должны превышать половины контингента СБСЕ (по мнению Баку, довольно и трети). По словам Б. Н. Ельцина, Россия «заинтересована разделить с ООН и СБСЕ политическую и материальную ответственность в операциях по поддержанию мира – в Карабахе, Таджикистане, Грузии или Молдове», но «не в ущерб эффективности». То есть СБСЕ – заведомо неэффективно, а потому упор Москва делает не на европейских солдатах, а на деньгах, не проявляя большой готовности ставить свои действия в СНГ под контроль, особенно в Закавказье, где ее позиции оказались

сильно подорваны в связи с «уходом Азербайджана на Запад»²⁰. Учитывая свои геостратегические интересы, Россия стремилась в одностороннем порядке проводить собственные инициативы и рассматривала свое участие в урегулировании конфликтов на территории бывшего СССР как естественную и весьма важную задачу. Сторонам не удалось достичь единого мнения по вопросу размещения миротворческих сил.

В ходе подготовки к Саммиту в Будапеште Москва, по мнению экспертов, «осталась практически в одиночестве, если не в изоляции. Отправка более 3 тыс. миротворцев СБСЕ в Карабах могла бы стать прецедентной операцией. Однако операция в Карабахе может обойтись, по подсчетам СБСЕ, в ближайшие полгода в \$ 40 млн. Тут-то и загвоздка. Пойдет ли Россия на компромисс с большинством стран СБСЕ, выяснится в Будапеште»²¹.

Разногласия между Западом и Россией на Саммите в Будапеште 5–6 декабря 1994 г. не позволили принять решение о размещении коллективных (СБСЕ и Россия) миротворческих сил в зоне нагорно-карабахского конфликта. Главы государств СБСЕ учредили институт сопредседательства с целью выработки условий политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта. И хотя сторонам удалось выработать общее соглашение о формировании коллективных миротворческих сил численностью в 3 тыс. чел., вопрос об их отправке в регион был поставлен в зависимость от заключения мирного соглашения между конфликтующими сторонами²².

Поскольку позиции Армении и Азербайджана в урегулировании нагорно-карабахского конфликта диаметрально расходились, перспективы заключения такого соглашения становились призрачными. Между тем уже тогда было очевидно, что решение конфликта не может быть сугубо правовым. Как отмечал В. Казимиров, «Боже вас упаси искать решение в правовой плоскости. Это тупик. Решение может быть только политическим. Нравится это кому-то или нет, решение карабахского конфликта никогда не будет чисто юридическим, оно наверняка будет преимущественно политическим»²³. Подобное разрешение конфликта могло состояться лишь при условии введения миротворческих сил в зону конфликта. Однако для этого нужно было не только согласие конфликтующих сторон, но и единый подход к проблеме со стороны Запада и России.

В Будапеште обозначились различные подходы сторон в урегулировании конфликта. Армения выступала за признание руководства НКР полноправной стороной переговорного процесса с Баку, за снятие азербайджанской и турецкой блокады, открытие всех линий коммуникаций и введение международных миротворческих сил (будь то войска СНГ или СБСЕ) для обеспечения безопасности армянского населения Нагорного Карабаха²⁴.

Азербайджан настаивал на выводе армянских войск с оккупированных территорий Карабаха, в том числе из Шуши и Лачина, а также на возвращении всех беженцев в свои дома. Баку отказывался вести прямые переговоры с руководством Нагорного Карабаха, поскольку считал его своей территорией. Переход права решения проблемы Нагорного Карабаха от России в сферу компетенции 11 государств-членов СБСЕ Азербайджан рассматривал как свою дипломатическую победу²⁵.

Власти Нагорного Карабаха добивались международного признания независимости НКР, считали себя участником конфликта, уязвляли вопрос вывода войск с занятых территорий с определением статуса Республики. Международные гарантии своей безопасности они связывали с российскими миротворцами²⁶.

Таким образом, Нагорно-Карабахский конфликт консервировался (или «замораживался»). Без введения миротворческих сил и обеспечения своей безопасности НКР не соглашалась покидать захваченные районы, а без освобождения этих районов Азербайджан не желал обсуждать вопрос о прекращении экономической блокады Армении и Нагорного Карабаха. «Замораживалось», соответственно, решение проблем возвращения беженцев и будущего статуса НКР.

Консервация конфликта «ни мира, ни войны», вызвала беспокойство участников встречи руководящего совета ОБСЕ (с 1 января 1995 г. СБСЕ было преобразовано в ОБСЕ) 31 марта 1995 г. в Праге. Председатель Ласло Ковач признал важность усилий по укреплению соглашения о прекращении огня и подтвердил ранее принятое ОБСЕ решение о статусе сторон с участием в переговорном процессе Нагорного Карабаха как третьей стороны конфликта²⁷.

На Лиссабонском саммите ОБСЕ, проходившем 2–3 декабря 1996 г., сопредседатели Минской группы рекомендовали три принципа, которые должны стать обязательной частью урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта:

«1. Территориальная целостность Республики Армении и Республики Азербайджан;

2. Правовой статус Нагорного Карабаха, определенный в соглашении, основанном на самоопределении, предоставляющем данной территории самую высокую степень самоуправления в составе Азербайджана;

3. Гарантированная безопасность для Нагорного Карабаха и всего его населения, включая взаимные обязательства по обеспечению соблюдения всеми сторонами положений урегулирования»²⁸.

Предлагаемые подходы свидетельствовали о дипломатическом успехе Азербайджана, который сумел предстать перед мировым сообществом в качестве государства, подвергнувшегося агрессии со стороны армянских сил Нагорного Карабаха, оккупировавших его территории. Международное сообщество возражало против

изменения государственных границ, поскольку это могло повсеместно привести к ирредентистским притязаниям.

Резолюция была принята всеми членами ОБСЕ, но было наложено вето Арменией, которая выступила против пункта заявления о территориальной целостности Азербайджана и призвала привлечь к переговорному процессу лидеров НКР. Армянская делегация предлагала искать решение проблемы на основе принципа самоопределения народов, зафиксированного в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ.

С 1 января 1997 г. Минская группа ОБСЕ изменила свой формат – Франция, Россия и США стали сопредседателями. «Челночная дипломатия» посредников позволила активизировать переговорный процесс, и 18 июля 1997 г. сопредседатели Минской группы ОБСЕ предложили так называемый «пакетный вариант» «Всеобъемлющего соглашения по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта». В нем предлагалось решить вопрос о прекращении вооруженного конфликта в «одном пакете» с определением нового статуса Нагорного Карабаха. «Пакет» состоял из двух соглашений:

1) условия «прекращения вооруженных столкновений»;

2) «статус НКР».

В преамбуле соглашения отмечалось, что «статус Нагорного Карабаха... не может быть определен односторонними актами Азербайджанской Республики или властей Нагорного Карабаха».

Пакетный подход включал в себя следующие положения:

- отказ от использования вооруженной силы для урегулирования споров;
- вывод вооруженных формирований в два этапа;
- широкая автономия Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской Республики;
- Нагорный Карабах имеет свою конституцию;
- Нагорный Карабах становится независимым экономическим пространством;
- создание разделительной, «буферной зоны» вдоль границ НКАО 1988 г. и введение миротворческого контингента ОБСЕ;
- возвращение беженцев к местам их прежнего проживания;
- принятие мер по открытию дорог, железных дорог, линий электропередачи и связи;
- снятие блокады и обеспечение доставки грузов и людей;
- свободное и безопасное железнодорожное сообщение по линии Баку – Горадиз–Мегри–Ордубад–Нахичевань–Ереван²⁹.

Лидеры Армении и НКР отвергли «пакетное предложение», поскольку их не устраивал будущий статус Нагорного Карабаха, хотя в дальнейшем они стали приверженцами именно пакетного принципа решения конфликта. Азербайджан в целом принял «пакетное предложение», отме-

тив ряд серьезных положений, не устраивавших азербайджанскую сторону, в частности, слабую правовую базу и неясности механизмов его реализации.

2 декабря 1997 г. Минская группа представила «поэтапный план» разрешения конфликта. На первом этапе планировалось возвращение армянской стороной 6 районов зоны безопасности НКР, за исключением Лачина, возврат беженцев, размещение миротворческих сил, открытие коммуникаций и установление дипломатических отношений между Арменией и Азербайджаном. На втором этапе предполагалось создать совместную армяно-азербайджанскую комиссию для определения окончательного статуса Нагорного Карабаха.

Азербайджан принял «поэтапный план» урегулирования конфликта. Однако руководство НКР отвергло его из опасений за свою безопасность. Президент Армении Л. Тер-Петросян склонялся к поэтапному варианту решения проблемы. В известной статье «Война или мир: Пора стать серьезнее» он пытался подготовить общественное мнение страны к компромиссному решению нагорно-карабахской проблемы. «Вопрос должен быть решен только и только путем мирных переговоров, сохранять долгое время статус-кво невозможно, потому что этого не позволят ни международное сообщество, ни экономические возможности Армении. Карабаху и Армении не выгодна неурегулированная ситуация, потому что это существенно препятствует экономическому развитию Армении и, значит, Карабаха».

«Отрицание компромисса и максимализм являются самым коротким путем к усугублению ситуации в Армении и полному краху Карабаха. Речь не о том, возвращать Карабах или нет. Речь о том, чтобы сохранить Карабах армянским: три тысячи лет он был населен армянами и должен быть населен армянами еще три тысячи лет. Избранный мною путь обеспечит эту перспективу. Армения и Карабах сегодня сильны как никогда, но без урегулирования через год–два они станут несравнимо слабее. О том, что мы отвергаем сегодня, в будущем нам придется просить – как многократно происходило в нашей истории»³⁰.

Руководство НКР выступило категорически против предложений Л. Тер-Петросяна, что стало главной причиной его отставки с поста президента. Первый президент НКР Р. С. Кочарян, ставший с 20 марта 1997 г. премьер-министром Армении, смог объединить оппозицию и годом позже победить на президентских выборах. Таким образом, власть в Армении и НКР перешла в руки бывших карабахских лидеров (Р. С. Кочарян и С. А. Саргсян), которые теперь должны были вести переговорный процесс по нагорно-карабахскому урегулированию. В результате Армения и Нагорный Карабах стали сообща выступать в переговорном процессе, точнее, Ереван фактически представлял интересы Степанакерта.

По мнению Д. Шахназаряна, «резкое вмешательство официального Еревана в процесс урегулирования усугубило и без того сложную ситуацию, поскольку неизбежно трансформировало проблему Нагорного Карабаха в территориальный спор с Азербайджаном. Подтверждением этому являлась политическая позиция партии «Дашнакцутюн», фактически пришедшей к власти в результате переворота 1998 г. Согласно взятой ею на вооружение новой доктрине Нагорный Карабах должен провозгласить свою независимость на всех находящихся под его контролем территориях»³¹. В итоге Степанакерт как непосредственный участник конфликта был окончательно вытеснен из переговорного процесса и сегодня, как это ни парадоксально, не имеет даже статуса наблюдателя.

На наш взгляд, «поэтапный план» разрешения конфликта предполагал своеобразный «механизм отложенного политического статуса». Ведь подавляющее большинство населения и правящей элиты двух государств в тот период времени не были готовы к серьезным компромиссам. Возможно, в переходный период отложенного статуса, по истечении определенного времени, в связи с изменениями в интеграционных процессах да и всей геополитической ситуации на Южном Кавказе в Армении и Азербайджане выросло бы новое поколение политиков, сменилась бы власть, и стороны конфликта стали бы менее категоричными в переговорах.

К тому же, по мнению В. Н. Казиминова, варианты «поэтапного» решения на самом деле и не являлись таковыми. «На каждом этапе необходимо связать небольшие “пакеты” с тем, чтобы все стороны получили удовлетворение (возможно, даже неполное) некоторых из своих требований, пусть вначале даже не самых основных. Наверняка за 7 лет можно было решить целый ряд проблем, создав позитивную динамику и более благоприятную атмосферу, нежели годами сидеть в тупике, доводя людей до отчаяния и исхода из страны»³².

В ноябре 1998 г. сопредседатели Минской группы выдвинули новые предложения, основанные на концепции «общего государства». Азербайджан сразу же отверг эту концепцию, так как опасался, что такой подход нарушит его суверенитет и территориальную целостность. В последующем президент Азербайджана Г. Алиев признал, что ни одно из трех предложений не было приемлемым для Азербайджана, а принятие первых двух носило тактический характер³³.

Несмотря на разные военные и коммерческие интересы США, Европейского Союза и России в регионе Южного Кавказа, страны-сопредседатели Минской группы ОБСЕ смогли в начале 2000 г. в основном выработать единый подход в решении нагорно-карабахской проблемы. Текст базовых принципов урегулирования (названных впоследствии «мадридскими») был выработан в 2006 г., а официально передан министрам иностранных дел Армении и Азербайджана 29 ноября

2007 г. в Мадриде в рамках Совета министров иностранных дел ОБСЕ.

«Мадридские принципы» содержали поэтапный процесс реализации решений при урегулировании конфликта и в основном соответствовали предложениям Минской группы, сформулированным еще в декабре 1997 г. Президенты Азербайджана и Армении приняли «Мадридские принципы» в качестве проекта по мирному решению конфликта с большими оговорками. Президент Азербайджана И. Алиев продолжал настаивать на территориальной целостности своей страны, а армянский лидер С. Саргсян предлагал указать в будущем соглашении «переходный статус» Нагорного Карабаха до проведения референдума, как и статус нескольких районов, которые до 1988 г. входили в состав НКАО. Кроме того, Армения особенно настаивала на предоставлении Лачину (Лачинский коридор) того же статуса, что и Нагорному Карабаху. В своих подходах С. Саргсян руководствовался Стратегией национальной безопасности Республики Армения, утвержденной 7 февраля 2007 г. В ней отмечалось, что приемлемыми для Армении являются «только те варианты урегулирования, которые будут направлены на закрепление необратимой реальности фактического существования Нагорно-Карабахской Республики»³⁴. Руководство Нагорного Карабаха выразило свое несогласие с предложенными принципами³⁵.

Свою приверженность к «Мадридским принципам» лидеры двух стран засвидетельствовали в Майендорфской декларации 2 ноября 2008 г. Стороны подтвердили «важное значение продолжения Сопредседателями Минской группы ОБСЕ посреднических усилий с учётом их встречи со сторонами в Мадриде 29 ноября 2007 г. и последующих дискуссий в целях дальнейшей разработки основных принципов политического урегулирования»³⁶. Российской дипломатии в очередной раз удалось добиться подписания соглашения о политическом урегулировании нагорно-карабахской проблемы между конфликтующими сторонами.

Между тем сопредседателями Минской группы ОБСЕ продолжали работу над базовыми принципами урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта с учетом позиций сторон. На саммите «Большой восьмерки» 10 июля 2009 г. в итальянском городе Л'Акуила в заявлении глав государств-сопредседателей Минской группы ОБСЕ были обнародованы обновленные версии «Мадридских принципов»:

- возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана;
- предоставление промежуточного статуса для Нагорного Карабаха, обеспечивающего гарантии безопасности и самоуправления;
- обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом;
- определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем

имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления;
возвращение всех внутренне перемещенных лиц и беженцев в места прежнего проживания;
открытие железнодорожного сообщения из Азербайджана в Нахичевань;
международные гарантии безопасности и проведение миротворческой операции. Общая численность миротворцев ОБСЕ в Карабахе на первом этапе должна была составить не менее 2 тыс. чел., а в последующем – 5–7 тыс. за счет развертывания полицейского патрулирования и создания контрольных постов на открывающихся дорогах³⁷.

Таким образом, впервые в ходе переговорного процесса была нарушена его конфиденциальность. Широкой общественности стали известны основные принципы и даже детали будущего урегулирования конфликта. Сравнительный анализ всех предложений международного сообщества показал, что с 1997 г. условия, предлагаемые сопредседателями Минской группы ОБСЕ, постепенно принимали все менее и менее благоприятный для армянской стороны характер. Так, вместо пакетного соглашения регулирования конфликта был принят за основу его поэтапный вариант. Вместо формулировки «окончательный правовой статус Нагорного Карабаха будет определен путем референдума – всеобщего голосования населения Нагорного Карабаха» (ОБСЕ, 2006), была предложена формулировка «определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления» (ОБСЕ, 2009). В обновленной версии «Мадридских принципов» не говорилось о создании запретной для полетов зоны в Лачинском районе, а также о демилитаризации и запрете на размещение тяжелого вооружения вокруг всего Нагорного Карабаха

В руководстве Армении и Нагорного Карабаха, безусловно, понимали суть геополитических изменений, произошедших в Закавказье после событий в Южной Осетии в 2008 г. Они также учитывали всевозрастающий разрыв с военно-экономическим потенциалом Азербайджана и потому стремились сохранить статус-кво с целью «кипризации» конфликта. С другой стороны, длительное сохранение статус-кво увеличивало вероятность возобновления войны со стороны правящей элиты Азербайджана за возвращение потерянных земель и укрепление своего политического капитала.

Именно такие опасения содержались в заявлениях руководителей стран – сопредседателей Минской группы в ходе саммитов «Большой восьмерки» в Мускоке 26 июня 2010 г. и Довиле 26 мая 2011 г., которые призывали президентов Армении и Азербайджана готовить свои народы к миру, а не к войне. Впервые после 1994 г. они обратились к теме угроз и проблеме войны, отметив, что ее возобновление «принесет только

новые страдания и разорение и будет осуждено международным сообществом»³⁸. По мнению Д. Шахназаряна, «принятое в рамках саммита «Большой восьмерки» 26 мая в Довиле заявление есть результат беспрецедентно тесного сотрудничества России с Западом». Оно является своеобразным требованием к президентам Азербайджана и Армении «завершить работу над Базовыми принципами во время их предстоящей встречи (в Казани)»³⁹.

Несмотря на видимость серьезного сближения позиций конфликтующих сторон, оставался неразрешенным вопрос увязки принципа территориальной целостности с правом народа на самоопределение. По мнению президента Азербайджана И. Алиева, «право народа на самоопределение не должно подразумевать нарушение территориальной целостности стран и может быть успешно реализовано в рамках территориальной целостности стран»⁴⁰.

В продвижении своей концепции решения конфликта Азербайджан активно использовал турецкий фактор. Многовекторная политика Азербайджана, проводимая Г. Алиевым в 1993–2003 гг., с приходом к власти его преемника И. Алиева в 2003 г. приняла открытую протурецкую направленность. В том же году в Турции премьер-министром был избран Реджеп Тайип Эрдоган. Оба лидера взяли курс на установление стратегического партнерства по всем направлениям сотрудничества.

Турция одна из первых признала независимость Армении 16 декабря 1991 г. Однако в 1993 г. после занятия карабахскими войсками Кельбаджарского района Азербайджана Анкара в знак солидарности и дружбы с Азербайджаном в одностороннем порядке закрыла сухопутную и воздушную границу с Арменией. С этого времени Турция и Азербайджан ведут совместную политическую и экономическую блокаду Армении в регионе. Турция всегда безоговорочно поддерживала Азербайджан в Нагорно-Карабахском конфликте.

После негативной реакции Азербайджана на подписание в Цюрихе 10 октября 2009 г. главами МИД Турции и Армении «Протокола об установлении дипотношений» и «Протокола о развитии двусторонних отношений» руководство Турции пересмотрело вопрос о нормализации отношений с Арменией. 21 октября 2009 г. Великое Национальное Собрание Турции отклонило ратификацию протоколов, считая, что они противоречат национальным интересам Турции. В частности, была озвучена необходимость увязать данный вопрос с решением карабахской проблемы.

16 августа 2010 г. в Баку был подписан Договор о стратегическом партнерстве и взаимной помощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой, предусматривавший военное содействие в случае вооруженного нападе-

ния или агрессии на одну из сторон и «дальнейшее расширение военно-технического сотрудничества, проведение военных учений и совместное производство вооружений»⁴¹. К этому времени в Азербайджане уже насчитывалось 18 оборонных предприятий, выпускающих более 400 наименований военно-технической продукции. В октябре 2010 г. парламент Азербайджана одобрил военный бюджет на общую сумму в 2,5 млрд манат или порядка 3,5 млрд долл.⁴² Изменилась и военная доктрина Азербайджана, допускавшая «варианты возобновления военной деятельности» и «временное размещение на своей территории иностранных военных баз либо выделение места для иностранного военного участия в другой форме»⁴³.

Для сравнения: военный бюджет Армении составлял 0,4 млрд долл. В республике работало более 30 предприятий ОПК, которые производили различные приборы и оборудование, но не вооружение и технику в конечном виде. За постсоветский период здесь были созданы некоторые новые образцы стрелкового оружия, легкая система N-2 для стрельбы реактивными гранатами, а также беспилотник «Крунк». В целом страна находилась в полной зависимости от импорта вооружений⁴⁴.

Все эти обстоятельства позволяли азербайджанской стороне ужесточить внешнеполитический курс с целью оказать на Армению максимальное военное, информационное, дипломатическое, экономическое, психологическое давление и вынудить ее к односторонним уступкам в карабахском вопросе. История с провальными переговорами в Казани 24 июня 2011 г. показала, что, несмотря на согласие армянской стороны на болезненный компромисс в вопросе возврата 7 районов «пояса безопасности» вокруг НКР, Баку захотело получить только все и сразу. Президент Азербайджана И. Алиев отказался подписать почти согласованный документ, предусматривавший возврат всех беженцев в Нагорный Карабах и «отложенный» референдум о его будущем статусе.

В дальнейшем сопредседатели Минской группы продолжали поиски примирения конфликтующих сторон на базе обновленных Мадридских принципов, на основе трех положений международного права: неприменения силы или угрозы силой, территориальной целостности, равноправия и права народов на самоопределение. Однако переговорный процесс не сдвинулся с мертвой точки и в результате привел к новому обострению конфликта. 2–4 апреля 2016 г. на «линии соприкосновения» в Нагорном Карабахе произошла самая масштабная военная эскалация за все время после вступления в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня.

По мнению специалиста по Кавказу британского аналитического центра «Chatham House» Лоренса Броерса, неясно, как начались боевые действия, но косвенные доказательства и логика подсказывают, что виновником дестабилизации

в Нагорном Карабахе является Азербайджан. Согласно Броерсу дата эскалации (в этот день исполнилось 23 года со дня падения Кельбаджара), масштаб операции со столкновениями на трех различных направлениях, а также использование Азербайджаном всего спектра военной техники, ракет и авиации отмечает мысль о случайной эскалации⁴⁵. В. Н. Казимиров также возложил ответственность за столкновения на Баку. По его мнению, азербайджанская сторона давно не считается с обязательствами, официально принятыми в подписанных ею документах⁴⁶.

В условиях обострения российско-турецких отношений по сирийской проблеме, падения цен на нефть и неустойчивого положения внутри страны Азербайджан решил провести «разведку-войной» для проверки на прочность военного потенциала и оборонительных позиций армии НКР. По мнению военных экспертов, «серьезных оперативных задач не стояло»⁴⁷. Не случайно, именно азербайджанская сторона первой откликнулась на призыв России о прекращении боевых действий. По мнению аналитиков, «похоже, что сегодня Баку все еще находится на распутье между интересами России и амбициями Запада, что вынуждает его пока разделять позицию Москвы по сохранению статус-кво, принимая неготовность к размораживанию конфликта»⁴⁸.

Продвижение азербайджанских сил было остановлено, однако Карабах потерял несколько сотен гектаров территории. Под контроль противника перешли две влиятельные позиции оборонительной линии на северо-восточном и южном направлениях. С армянской стороны погибли более 100 военных и несколько мирных жителей. Численность погибших в азербайджанской армии оценивались по разным источникам от 500 до 800 военных⁴⁹. Позже, в августе 2020 г., уже в статусе экс-президента Армении С. Саргсян в своем интервью заметил, что «избежать этой войны было невозможно, потому что Азербайджан не был готов к компромиссным решениям. Был только один путь избежать войны – пойти на односторонние уступки, что, естественно, даже не обсуждалось. Это неприемлемый для нас путь»⁵⁰.

«Апрельская война» имела огромный резонанс в обществах конфликтующих сторон. Для властей Армении война оказалась неожиданной. Через несколько дней после «апрельской войны» в ходе визита министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Ереван президент Армении С. А. Саргсян спросил его: «Как это могло произойти?»⁵¹. Из ответов Лаврова руководство Армении сделало для себя вывод, что в случае новой войны Россия обязательно остановит ее.

Такую же убежденность выразил в 2019 г. и премьер-министр Н. В. Пашинян: «Мы все понимаем, что Россия, как сверхдержава, имеет возможность не допустить возобновления войны в нашем регионе, и я не могу поверить, что стратегический партнер и дружественная Армения

Россия не использует свои рычаги для предотвращения возобновления военных действий в регионе. Я не могу в это поверить. Вновь повторю, я убежден и считаю, и все мы знаем, что Россия может не допустить войны, поэтому я не могу поверить, что Россия допустит войну, или Россия не использует свои рычаги, чтобы удержать Азербайджан от провокаций»⁵².

В азербайджанском обществе были разочарованы остановкой войны, поскольку считали, что «если бы боевые действия не были остановлены, Азербайджан бы отвоевал гораздо большую часть своих земель»⁵³. В целом апрельские события радикализировали общественные настроения двух стран, сведя к минимуму возможности компромиссов в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта.

Спустя два года после «апрельской войны», в 2018 г. в результате «бархатной» революции президент Армении С. Саргсян подал в отставку. Истинные причины столь «странной» отставки до сих пор не совсем понятны. Еще в 2015 г. С. Саргсян инициировал конституционную реформу, по которой Армения перешла к парламентской форме правления с самыми широкими полномочиями премьера как главы исполнительной власти. Тогда же С. Саргсян заявил, что больше не будет баллотироваться на пост президента или премьер-министра Республики. На парламентских выборах 2 апреля 2017 г. правящая Республиканская партия Армении (РПА) во главе с С. Саргсяном набрала 49,1 % и вместе с социалистической партией «Дашнакцутюн» (6,6 %) образовала конституционное большинство в парламенте Армении⁵⁴.

Правящая коалиция, «забыв» об обещаниях С. Саргсяна, выдвинула его кандидатуру на должность премьера, а он дал согласие. Эта «рокировка» стала поводом для массовых выступлений, приведших к его отставке. «Странность» поведения С. Саргсяна заключалась в том, что он мог вполне легитимно, оставшись во главе правящей партии, контролировать законодательную власть в стране. Сам С. Саргсян заявил, что может «взять на себя другие задачи» только после того как обеспечит «достойное урегулирование» карабахского конфликта и «безопасное развитие страны»⁵⁵. С другой стороны, вероятно, он понимал неизбежность новой войны в Нагорном Карабахе и не желал нести ответственность за ее последствия.

Новый этап в переговорном процессе по урегулированию нагорно-карабахской проблемы наступил с приходом к власти в результате «бархатной» революции Н. Пашиняна. Первая встреча его с президентом Азербайджана И. Алиевым состоялась в Душанбе в рамках саммита государств СНГ 28 сентября 2018 г. По словам Н. Пашиняна, «...мы совершили мини-революцию с президентом Алиевым, после этой встречи напряженность в целом беспрецедентно упала, и мы смогли создать прямую линию для общения, коммуникации и обмена информацией»⁵⁶.

По инициативе сопредседателей Минской группы ОБСЕ 29 марта 2019 г. в Вене прошла встреча премьер-министра Армении Н. Пашиняна и президента Азербайджана И. Алиева. По словам сопредседателей, «оба лидера подчеркнули важность создания обстановки, способствующей миру, и принятия дальнейших конкретных и осязаемых шагов в процессе переговоров для нахождения мирного решения конфликта»⁵⁷.

После «бархатной» революции в Армении оппозиция стала обвинять новую власть в сдаче позиций в переговорном процессе, в частности, что Н. Пашинян ведет переговоры вокруг так называемого «плана Лаврова», т. е. «поэтапного» урегулирования Карабахского конфликта, предложенного в свое время сопредседателями Минской группы ОБСЕ. В ответ, выступая на митинге в Степанакерте 5 августа 2019 г., приуроченном к открытию 7-х Всеармянских летних игр, Н. Пашинян заявил, что Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Армении: «Арцах – это Армения, и все!»⁵⁸.

Заявление Н. Пашиняна ломало логику переговорного процесса, в котором, по прежним утверждениям премьера, Армения не могла представлять Нагорный Карабах в переговорах, а решение карабахского конфликта возможно лишь в соответствии со сценарием, устраивающим все стороны – народы собственно Карабаха, Армении и Азербайджана. Наконец, подобное заявление из уст главы государства, не признавшего независимость НКР, означало намерение аннексировать его.

Возможно, слова премьера были предназначены для «внутреннего потребления», но реакция азербайджанской стороны была быстрой и жесткой: «Пашинян озвучил совершенно далекие от реальности популистские заявления, что продемонстрировало степень его неосведомленности о происходящем в регионе и мире в целом, а также его слабость как политика. Выступление армянского премьера в Ханкенди показало его истинное лицо». Всю ответственность за напряженность в регионе Баку возложил на армянскую сторону⁵⁹.

Словесная конфронтация лидеров двух стран продолжалась на ежегодной конференции по безопасности в Мюнхене 15 февраля 2020 г. По выражению Н. Пашиняна, «невозможно закончить этот конфликт за один – два шага. Нам нужна мини-революция, прорыв. Армения и Карабах готовы приложить реальные усилия для решения вопроса». Президент Азербайджана И. Алиев был более откровенен: «Мы готовы к продолжению переговоров и уже давно дали согласие на выдвинутую Россией инициативу о поэтапном урегулировании конфликта»⁶⁰.

После мюнхенских дебатов Н. Пашинян разместил на своей странице в Фейсбуке следующие принципы:

«1. Нагорный Карабах обрел независимость так же, как и Азербайджан.

2. Нагорный Карабах является стороной конфликта и переговоров, без переговоров с ним невозможно решить конфликт.

3. Нет территорий, есть безопасность: Нагорный Карабах не может уступить свою безопасность.

4. Невозможно решить конфликт одним или двумя действиями: в переговорном процессе нужны «микрореволюции», затем «миниреволюции», затем прорывы.

5. Любое решение проблемы должно быть приемлемым для народа Армении, народа Карабаха и народа Азербайджана, и Армения и Карабах готовы приложить серьезные усилия для поиска такого решения. Азербайджан также должен продемонстрировать такую готовность.

6. Нагорно-карабахский вопрос не имеет военного решения. Если кто-то скажет, что вопрос имеет военное решение, то народ Карабаха скажет, что он давно был решен»⁶¹.

Подобные категоричные откровения в дипломатии всегда чреваты непредвиденными последствиями. Вскоре переговорный процесс окончательно зашел в тупик. Отношения между двумя государствами стали тревожными на фоне воинственных заявлений сторон. Даже министр иностранных дел Азербайджана Э. Мамедьяров, с именем которого были связаны многолетние усилия по мирному урегулированию нагорно-карабахского конфликта, признал «возможность возобновления войны»⁶².

Президент Азербайджана И. Алиев резко сменил тактику своих действий. 12 июля 2020 г. произошли крупные бои на международно признанной границе Армении и Азербайджана. 15 июля в Баку состоялся масштабный митинг, участники которого требовали начать «освободительную войну за Карабах». В ответ президент Алиев заявил, что «не советует никому опережать события»⁶³. На следующий день он отправил в отставку министра иностранных дел Э. Мамедьярова, что означало окончательный выход Азербайджана из переговорного процесса. И хотя Баку не удалось добиться успеха в ходе июльских боев, он получил безоговорочную поддержку Турции, которая заявила, что, если потребуются, ее вооруженные силы поддержат Азербайджан в соответствии с принципом «одна нация – два государства»⁶⁴. Подтверждением этому стали широкомасштабные азербайджано-турецкие тактические и летно-тактические учения с боевой стрельбой на территории Азербайджана с 29 июля по 10 августа 2020 г. Военный эксперт П. Фельгенгауэр установил, что «Турция под предлогом учений фактически ввела свою армию в Азербайджан»⁶⁵.

В августе 2020 г. высшее руководство Армении выступило с заявлениями по случаю 100-летия Севрского мирного соглашения. В них отмечалось, что договор все еще не утратил свою силу и может способствовать справедливому разрешению армянского вопроса, а также «объеди-

нению армянского народа на своих исторических территориях»⁶⁶. В Турции эти заявления были восприняты как территориальные претензии, как «агрессивная националистическая политика», создающая «препятствия миру и стабильности в регионе»⁶⁷. Затем последовало заявление министра обороны о том, что Турция видит себя стороной армяно-азербайджанского конфликта⁶⁸.

В сентябре 2020 г. премьер-министр Н. Пашинян стал настойчиво призывать мировое сообщество дать Нагорному Карабаху особый статус, а президент НКР А. Арутюнян на пресс-конференции откровенно заявил: «Давайте быть реалистами и готовиться к войне... Азербайджан не настроен на переговоры. Поэтому нужно за счет усиления нашей армии заставить врага считаться с армянскими силами в Арцахе, поддержание статус-кво до тех пор, пока не произойдет серьезных геополитических событий, это то, что может привести хотя бы к частичному решению Карабахской проблемы»⁶⁹.

Таким образом, к концу сентября 2020 г. Армения и НКР в силу объективных и субъективных причин оказались на пороге новой войны в Нагорном Карабахе. Несмотря на все усилия армянской дипломатии и диаспоры, на протяжении всех 26 лет переговоров международное сообщество однозначно склонялось к принципу территориальной целостности Азербайджана и самой широкой автономии Нагорного Карабаха в его составе.

На начальном этапе переговорного процесса первый президент Армении Л. Тер-Петросян предложил армянской элите принять поэтапный вариант разрешения конфликта с возвратом большей части занятых 7 районов в обмен на гарантии безопасности Нагорного Карабаха с отложенным статусом его. Попытка закончилась отставкой Л. Тер-Петросяна и приходом к власти в Армении Р. Кочаряна.

Новая власть Армении пыталась связать на международной арене вопрос возврата территорий с признанием независимости Карабаха, а для «внутреннего пользования» в массовое сознание населения внедрялась мысль о том, что это исторические армянские земли и что «земля, завоеванная кровью наших солдат», не может быть отдана.

С приходом к власти С. Саргсяна в 2008 г. армянские дипломаты уже соглашались на возврат территорий взамен на референдум о будущем статусе Нагорного Карабаха в соответствии с обновленными Мадридскими принципами. Стороны как никогда были близки к подписанию соглашения в 2011 г. в Казани, однако в последний момент президент Азербайджана И. Алиев отказался от плана урегулирования, опасаясь излишне демократичного самоуправления Нагорного Карабаха. При этом конфиденциальность переговорного процесса сохранялась, а правящая элита двух стран продолжала готовить свои народы не к миру, а к войне.

После «бархатной» революции в Армении в 2018 г. администрация Н. Пашиняна предала широкой огласке многие аспекты переговорного процесса прошлых лет, в том числе и по возврату Азербайджану территорий. Она настаивала на возвращении Нагорного Карабаха за стол переговоров и внесении ясности в вопросе его будущего статуса. Премьер-министр Н. Пашинян полагал, что без определения статуса переговоры с Азербайджаном бессмысленны, и готовился к войне, чтобы победить: «Новая война – новые территории». Недальновидная политика Н. Пашиняна вольно или невольно приближала Армению к войне, к которой страна не была готова.

Что касается позиции Азербайджана, то стремление вернуть Нагорный Карабах любой ценой стало ключевым элементом государственного строительства и идеологической основой консолидации азербайджанского общества. В 1994 г. президент Азербайджана Г. Алиев в трудное для своей страны время не только согласился на подписание перемирия с лидерами Нагорного Карабаха, но и смог превратить Армению в сторону конфликта. В дальнейшем ему удалось вытеснить Нагорный Карабах из переговорного процесса и представить мировому сообществу нагорно-карабахскую проблему как межгосударственный конфликт между Арменией и Азербайджаном. Мировое сообщество отдало предпочтение принципу территориальной целостности государств, бывших советских республик, в ущерб автономным образованиям.

Несмотря на все усилия мирового сообщества, сопредседателей Минской группы ОБСЕ, и даже принципиальное единство в подходах к решению Нагорно-Карабахской проблемы между Россией, США и Западом, азербайджанские лидеры на протяжении всего переговорного процесса дипломатично уходили от каких-либо обязательств, которые не соответствовали их интересам. Все эти годы риторика ненависти в адрес Армении стала частью повседневной жизни азербайджанского общества и служила объединяющим фактором для военного решения проблемы Нагорного Карабаха.

Осенью 2020 г. геополитическая ситуация на Южном Кавказе, как никогда прежде, сложилась в пользу Азербайджана (выборы в США, особые отношения между Россией и Турцией, превосходство в вооружении, особенно ударных БПЛА, непосредственная военная поддержка Турции, пандемия, нестабильная обстановка в Армении) и предопределила начало второй Карабахской войны 27 сентября 2021 г. Наступление азербайджанских войск с масштабным применением авиации, бронетехники, артиллерии, ударных БПЛА развернулось по всей линии соприкосновения с НКР. По словам В. Казиминова, именно Азербайджан нарушил режим прекращения огня, заранее подготовившись к этой войне⁷⁰. Об этом свидетельствовало заявление И. Алиева о том, он что готов остановить войну, если армяне освободят занятые территории. В самый разгар войны

И. Алиев подверг сомнению основополагающий принцип мирового сообщества, согласно которому у Нагорно-Карабахской проблемы нет военного решения: «мы доказали, что это не так»⁷¹.

Мировое сообщество в лице государств-сопредседателей Минской группы трижды (в Москве, Париже и Вашингтоне) добивалось подписания соглашения о прекращении огня, но каждый раз оно срывалось. Только после того, как азербайджанские войска заняли в Нагорном Карабахе г. Шуши, а на территории Армении сбили российский военный вертолет, стороны согласились на подписание перемирия. Вторая Карабахская война закончилась подписанием Соглашения о мире между И. Алиевым, Н. Пашиняном и В. Путиным 9 ноября 2020 г. Воюющие стороны согласно Соглашению остановились «на занимаемых ими позициях» – азербайджанская сторона фактически вернула себе потерянные районы, и даже часть территории НКР, в частности Гадрутский район и г. Шуши⁷².

Москва показала, что по-прежнему является главным арбитром в регионе, о чем свидетельствует согласие сторон на ввод в Нагорный Карабах российского миротворческого контингента для контроля за прекращением боевых действий. Одобрение Анкарой Соглашения о прекращении огня можно рассматривать как очередной этап сложнейшей двусторонней политики между Россией и Турцией, которая фактически «открыла второй фронт» в Нагорном Карабахе (учитывая, что «первый фронт» противостояния между двумя странами наблюдался в последние годы в Сирии).

Обращает на себя внимание тот факт, что в Соглашении 2020 г., в отличие от перемирия 1994 г., Нагорный Карабах не упоминается, хотя де-факто продолжает существовать непризнанная НКР со своими органами власти, вооруженными силами и пр. Так же, как и в 1994 г., Соглашение не получило подкрепления от ОБСЕ и ООН, что делает его шатким и непредсказуемым.

Удивительно, но на протяжении 26 лет Армения ожидала этой войны, но оказалась неподготовленной к ней по многим причинам и мало сделала для ее предотвращения. В условиях нарушения военного паритета в пользу Азербайджана армянская дипломатия и военно-политическое руководство страны не проявили максимальной гибкости на дипломатическом фланге. Напротив, азербайджанская сторона, никогда не скрывавшая своих намерений, потратила на подготовку к этой войне миллиарды долларов и при поддержке Турции смогла военным путем нарушить существовавший более 26 лет статус-кво.

Можно сказать, что выполнена первая часть поэтапного плана урегулирования нагорно-карабахского конфликта – возврат Азербайджану территорий, принимаются меры по открытию автомобильных и железных дорог, линий электропередачи и связи. Присутствие в зоне конфликта российских миротворцев на пять, а возможно

и больше, лет может создать в будущем своеобразный «механизм отложенного политического статуса». Проводимая Россией интеграционная политика поиска мира на Южном Кавказе призвана примирить конфликтующие народы, внести изменения в их массовое сознание. Огромная роль в этом процессе принадлежит правящим элитам Армении и Азербайджана – пришла пора готовить свои народы к миру, к компромиссам.

В регионе сложился новый статус-кво: российские миротворцы, Азербайджан и непризнанная НКР. В новых исторических реалиях России совместно с мировым сообществом еще предстоит найти приемлемый для конфликтующих сторон компромисс в определении будущего статуса НКР. Для того чтобы этот компромисс был справедливым, необходимо исключить взаимные фобии, отделить национальную историю от реальной действительности, освободиться от груза тоталитарного сознания и, наконец, просто говорить людям правду об истинном положении вещей, иначе через некоторое время Нагорно-Карабахская проблема вновь может стать причиной новой войны.

Примечания

- 1 Казимиров В. Н. Карабах. Как это было // Международная жизнь. 1996. № 5. С. 41.
- 2 См.: Барсегов Ю. Г. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии : в 3 т. Т. 1. М. : КРУГЪ, 2008. С. 716–717.
- 3 Казимиров В. Н. Мир Карабаху (к анатомии урегулирования) «Незаконнорожденная» Минская группа СБСЕ // Личный сайт Владимира Казиминова. URL: <http://vn.kazimirov.ru/x004c.htm> (дата обращения: 19.01.2021).
- 4 См.: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт. Хельсинки 1975. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 28.02.2021).
- 5 См.: Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I (ВВСС 90–15) «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза ССР». Верховный Совет СССР. URL: <http://sojcc.ru/bazeofinder/218.html> (дата обращения: 12.01.2021).
- 6 League of Nations. The Records of the First Assembly. Meetings of the Committees II. Geneva, 1920. P. 173–174. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3104048.html> (дата обращения: 28.02.2021).
- 7 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Кавказское Бюро ЦК РКП(б) (Кавбюро). 1920–1922. Оп. 1. Д. 1. Л. 122. Протокол № 12 заседания пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 05.07.1921.
- 8 См.: Резолюция Совета Безопасности ООН № 884 от 12 ноября 1993 г. URL: <https://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res884.htm> (дата обращения: 30.01.2021).
- 9 См.: Геукджан Оганес. Рамки международного участия на Южном Кавказе : посредничество ОБСЕ в нагорно-карабахском конфликте (1992–1996). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ramki-mezhdunarodnogo-uchastiya-na-yuzhnom-kavkaze-posrednichestvo-obse-v-nagorno-karabahskom-konflikte-1992-1996> (дата обращения: 11.01.2021).
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: Maresca J. J. Resolving the Conflict Over Nagorno-Karabakh : Lost Opportunities for International Conflict Resolution // Crooker Ch. A., Hampson F. O., Aall P. Managing Global Chaos, Sources of and Responses to International Conflict. Washington, D.C. : United States Institute of Peace Press, 1996. P. 263.
- 12 Цит. по: Laitin D. D., Suny R. G. Thinking a Way Out of Karabakh // Journal of Middle East Policy. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.14754967.1999.tb00348.x> (дата обращения: 11.01.2021).
- 13 Цит. по : Акопян Т. Карабахский дневник. Зеленое и черное или ни войны, ни мира. Ереван : Издательский Дом «Антарес», 2010. С. 262.
- 14 Маркедонов С. М. Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ebb/rossiya-v-processe-nagorno-karabahskogo-uregulirovaniya.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).
- 15 Казимиров В. Н. Мир Карабаху. Прорыв к перемирию в Карабахе. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/x014.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
- 16 См.: Соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. (подписано в Баку 9 мая, Ереване 10 мая, Степанакерте 11 мая 1994 г. в виде посланий в Москву) // Личный сайт В. Н. Казиминова. Основные документы. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
- 17 Казимиров В. Н. Мир Карабаху. Прорыв к перемирию в Карабахе. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/x014.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
- 18 Там же.
- 19 Цит. по : Акопян Т. Карабахский дневник. Зеленое и черное или ни войны, ни мира. С. 261.
- 20 Саммит СБСЕ в Будапеште. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/97034> (дата обращения: 26.12.2020).
- 21 Там же.
- 22 См.: Мандат Сопредседателей Конференции по Нагорному Карабаху под эгидой ОБСЕ («Минской конференции») // Личный сайт Владимира Казиминова. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc19.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
- 23 Сообщение агентства Ноян Тапан, 25 апреля 2002. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/146150/> (дата обращения: 26.12.2020).
- 24 Report on the Conflict in Nagorno-Karabakh, Document 7182, presented to the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE), 17 October 1994. P. 10. URL: <http://stars.coe.fr/doc/doc94/edoc7182.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
- 25 См.: Армяно-Азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт. URL: <http://files.preslib.az/projects/azerbaijan/rus/gl7.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).
- 26 См.: Геукджан Оганес. Рамки международного участия на Южном Кавказе : посредничество ОБСЕ в

- нагорно-карабахском конфликте (1992–1996. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ramki-mezhdunarodnogo-uchastiya-na-yuzhnom-kavkaze-posrednichestvo-obse-v-nagorno-karabahskom-konflikte-1992-1996> (дата обращения: 11.01.2021).
- 27 См.: Барсегов Ю. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 752.
- 28 См.: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Лиссабонская встреча на высшем уровне 1996. Лиссабонский документ 1996 года. Приложение 1, Заявление действующего председателя ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/4/39543.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
- 29 См.: Чернявский С. Российская дипломатия и Нагорно-Карабахское урегулирование. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/615> (дата обращения: 24.01.2021)
- 30 Тер-Петросян Л. Война или мир : Пора стать серьезнее. URL: <https://www.aniarc.am/2017/11/01/war-or-peace-ter-petrosyan-1997/>(дата обращения: 24.01.2021).
- 31 Шахназарян Д. Армения : как преодолеть усиливающуюся изоляцию. Южный Кавказ может стать полем сотрудничества // Независимая газета. 2001. 27 июля.
- 32 Казимиров В. «Вывести Карабахское урегулирование из тупика». Карабахское урегулирование. Принципы, подходы, аспекты. Ереван, 2002. С. 35.
- 33 См.: Выступление президента Азербайджана Гейдара Алиева на заседании Милли Меджлиса 23 февраля 2001 г. URL: <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/6753023.html> (дата обращения: 24.01.2021)
- 34 Указ Президента Республики Армения от 7 февраля 2007 г. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Армения». URL: www.president.am (дата обращения: 27.01.2021).
- 35 См.: Мадридские принципы. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/160309/>(дата обращения: 27.01.2021).
- 36 См.: Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации // Президент России. 2008. URL: <http://kremlin.ru/supplement/232> (дата обращения: 27.01.2021).
- 37 См.: Саргсян и Алиев получили обновленный вариант мадридских принципов. URL: <https://ria.ru/20100122/205783932.html> (дата обращения: 27.01.2021).
- 38 Довильское заявление – «призрак Дейтона» : АНК прогнозирует введение миротворцев в Карабах. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1411679.html> (дата обращения: 27.01.2021).
- 39 Там же.
- 40 Пресс-конференция по итогам российско-азербайджанских переговоров 3 сентября 2010 г. в Баку. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 29.01.2021).
- 41 Насибова А. С. Становление и развитие азербайджано-турецких отношений (1990–2010 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2020. С. 124.
- 42 Там же. С. 126.
- 43 Военная доктрина Азербайджанской Республики // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31596 (дата обращения: 20.01.2021).
- 44 Храмчихин А. Форпост с вопросами. URL: <https://vprk-news.ru/articles/29587> (дата обращения: 29.01.2021).
- 45 Global Powers Scramble to Contain Neglected Armenian-Azerbaijani Conflict. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2016/04/global-powers-scramble-contain-neglected-armenian-azerbaijani-conflict> (дата обращения: 29.01.2021).
- 46 См.: Казимиров В. КАРТ-БЛАНШ. Карабах : из прошлого и нынешнего ради будущего // Независимая газета. 2016. 23 сент.
- 47 Четырехдневная война : почему в Карабахе перестали стрелять. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703d5019a794774f8ec6570> (дата обращения: 20.01.2021).
- 48 Нагорно-Карабахский конфликт : кто тестирует на прочность статус-кво. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/04/04/2016/57024ff39a79478bc85051db?from=materials_on_subject (дата обращения: 29.01.2021).
- 49 См.: Апрельская война в Карабахе и ее последствия. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/74d51f22/>(дата обращения: 31.01.2021).
- 50 Вероятность войны высока. URL: <https://jam-news.net/ru> (дата обращения: 29.01.2021).
- 51 Что за пакет по Арцаху достали из ящика Путин и Алиев? URL: <https://www.aravot-ru.am/2019/04/20/302844/> (дата обращения: 31.01.2021).
- 52 Там же.
- 53 В «апрельской войне» у Азербайджана был шанс отвоевать свои земли. URL: https://moscow-baku.ru/news/armiya/aprelskaya_voyna_pokazala_nedeesposobnost_armii_armenii_rossiyskiy_ekspert/(дата обращения: 31.01.2021).
- 54 См.: Выборы парламента Армении 2017. URL: https://ru.armeniasputnik.am/trend/elections_parliament_05032017/ (дата обращения: 29.01.2021).
- 55 Серж Саргсян назвал условия своей отставки с поста премьера Армении / URL : <https://www.rbc.ru/society/22/04/2018/5adc000f9a79470f4b440132> (дата обращения: 06.02.2021).
- 56 Мюнхенское рассекречивание российских планов. URL: <https://www.aravot-ru.am/2020/02/19/322069/>(дата обращения: 30.01.2021).
- 57 Алиев и Пашинян на саммите в Вене договорились продолжить прямой диалог. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6276580/>(дата обращения: 30.01.2021).
- 58 Пашинян : Арцах – это Армения, и все! URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2019/08/08/1796164.html> (дата обращения: 30.01.2021).
- 59 Выступление Пашиняна в Ханкенди показало его истинное лицо. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190806/421395808/azerbaijan-armenia-pashinyan-karabakh.htm>. (дата обращения: 31.01.2021).
- 60 Старые споры о главном. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4258558> (дата обращения: 31.01.2021).
- 61 Мюнхенское рассекречивание российских планов. URL: <https://www.aravot-ru.am/2020/02/19/322069/>(дата обращения: 01.02.2021).
- 62 Там же.
- 63 Победа пришла откуда не ждали. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4625906> (дата обращения: 01.02.2021).

- ⁶⁴ «Это взорвет геополитический треугольник» : грядет ли война Армении и Азербайджана? URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/475110> (дата обращения: 01.02.2021).
- ⁶⁵ Азербайджано-турецкие военные маневры : ответ на бои или плановые учения? URL: <https://www.ritmearasia.org/news-2020-08-14-azerbajdzhan-tureckie-voennye-manevry-otvet-na-boi-ili-planovye-uchenija-50411> (дата обращения: 31.01.2021)
- ⁶⁶ Севрский договор. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=54285&lang=2 (дата обращения: 31.01.2021).
- ⁶⁷ Анкара негодует : Попытка актуализации условий Севрского соглашения – «очередная провокация Армении». URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=54305(дата обращения: 31.01.2021).
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ В полной боеготовности / URL: <https://www.aravot.ru.am/2020/09/11/335932/> ; <https://lenta.ru/articles/2020/09/05/armenia/>(дата обращения: 02.02.2021).
- ⁷⁰ Войну в Карабахе спланировал и начал именно Азербайджан. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/video/20201211/25715578/Kazimirov-voynu-v-Karabakhe-splaniroval-i-nachal-imenno-Azerbaydzhan.html> (дата обращения: 05.02.2021).
- ⁷¹ У России есть масса инструментов, чтобы убедить Армению. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/10/2020/5f81ab079a794798280e3908> (дата обращения: 05.02.2021).
- ⁷² См.: Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 05.02.2021).

Поступила в редакцию 28.02.2020, после рецензирования 04.03.21, принята к публикации 12.04.2021
Received 28.02.2020, revised 04.03.21, accepted 12.04.2021

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 379–388

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 379–388

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-379-388>

Научная статья

УДК 94(47)|15/16|+94(470.44)|1591/1593|+929 Лодыгин|

Борис Владимирович Лодыгин, воевода Саратова (1591–1593)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Аннотация. В статье рассмотрены неизвестные страницы истории первоначального Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Бориса Владимировича Лодыгина. Впервые представлена подробная биография этого служилого человека, который до своего назначения в Саратов, будучи наместником в Козельске, участвовал в обороне южных границ России, а затем – в русско-шведской войне и штурме Нарвы. Прослеживается дальнейшая судьба Б. В. Лодыгина, который после Саратова служил в Путивле и в Монастыревском остроге. Эта новая крепость на границе с Речью Посполитой была первой, захваченной в октябре 1604 г. войсками Лжедмитрия I.

Ключевые слова: Борис Годунов, Разрядные книги, Смутное время, Саратов, воевода, Виктор Иванович Буганов

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Борис Владимирович Лодыгин, воевода Саратова (1591–1593) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 379–388. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-379-388>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Boris Vladimirovich Lodygin, a governor of Saratov (1591–1593)

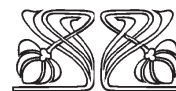
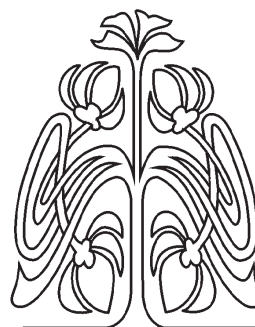
Y. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

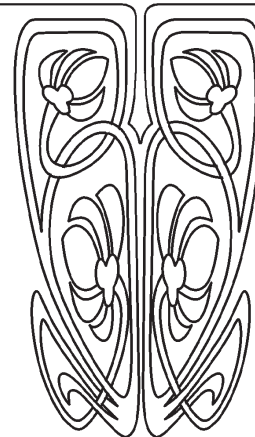
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article discusses unknown pages in the history of the original Saratov, associated with the stay in this city of the voivode Boris Vladimirovich Lodygin. For the first time, a detailed biography of this serviceman is presented, who, before his appointment to Saratov, as a governor in Kozelsk, participated in the defense of the southern borders of Russia, and then in the Russian-Swedish war and the assault on Narva. The author traces the further fate of B. V. Lodygin, who after Saratov served in Putivl and in the Monastyrevsky prison. This new fortress on the border with the Polish-Lithuanian Commonwealth was the first to be captured in October 1604 by the troops of False Dmitry I.

Keywords: Boris Godunov, Discharge books, Time of Troubles, Saratov, voivode, Viktor Ivanovich Buganov

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

For citation: Rabinovich Ya. N. Boris Vladimirovich Lodygin, a governor of Saratov (1591–1593). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 379–388 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-379-388>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Воевода Саратова Борис Владимирович Лодыгин до настоящего времени не известен саратовским краеведам, хотя отдельные эпизоды его биографии можно встретить во многих изданиях. Еще в 1858 г. кн. П. В. Долгоруков в своей родословной книге отмечал, что Б. В. Лодыгин был воеводой в Козельске (1587), Пскове (1589), Уфе (1593) и Путивле (1597)¹. Современный исследователь А. Л. Патракова в энциклопедии «Отчужденная история» повторила эти сведения². О Б. В. Лодыгине упоминали авторы Славянской энциклопедии, которые убрали факт воеводства в Уфе, но добавили сведения о службе в Монастыревском остроге и привели ряд местных случаев³. В Славянской энциклопедии отсутствует информация о том, чем занимался Б. В. Лодыгин в первой половине 1590-х гг., а именно к этому времени относится его воеводство в Саратове. Причина такого молчания объясняется тем, что единственный известный к настоящему времени источник о воеводстве Б. В. Лодыгина в Саратове был обнаружен В. И. Бугановым относительно недавно и опубликован в 1987 г.⁴

Следует более подробно остановиться на данном источнике. Это одна из разрядных книг, которых к настоящему времени сохранилось немало. Самая известная группа разрядных книг – это та, которую условно называют «государевым разрядом». Известный русский просветитель Н. И. Новиков опубликовал в 1790 г. в «Древней Российской виблиофиле» одну из редакций этой разрядной книги (до 1585 г.), а другую редакцию «государева разряда» (до 1565 г.) издал П. Н. Милюков⁵.

В советское время эту разрядную книгу издавал В. И. Буганов (в 1966⁶ и 1974 гг.⁷) по многим новым обнаруженным спискам, причем в 1966 г. впервые были опубликованы разрядные записи за 1586–1598 гг., ранее почти не используемые в исторической литературе. Именно в этих разрядных записях содержатся сведения о первых воеводских назначениях Бориса Владимировича Лодыгина.

Остальные известные разрядные книги – это частные компиляции, имеющие многочисленные редакции, составленные представителями различных служилых родов в XVI–XVII вв. в местных целях. В 1845 г. одну из таких частных разрядных книг впервые опубликовал в «Синбирском сборнике» Д. А. Валуев⁸, а в советское время (в 1974 г.) по многим обнаруженным спискам – В. И. Буганов⁹. Он же опубликовал еще несколько разрядных книг, а его ученики в 2003 г. завершили публикацию самой объемной разрядной книги 1475–1605 гг., состоящей из 4-х томов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из нескольких частей, издаваемых отдельными книгами (к примеру, том 3 – в 3 частях, том 4 – в 2 частях).

Во 2-й части 3-го тома разрядной книги 1475–1605 гг. имеется следующая запись о назначении в Саратов воеводой Б. В. Лодыгина в 7099 (1590/91) г.: «А на Переволоку на Саратов город государь послал Бориса Володимирова сына Лодыгина. А на Царицыне острове в городке Ефим Вахромеевич Бутурлин»¹⁰.

Возможно, что составители этой частной разрядной книги перепутали Переволоку, относящуюся к Царицыну, с островом, принадлежащим Саратову, и указали Переволоку при назначении воеводы Б. В. Лодыгина в Саратов, хотя можно считать, что Саратов находился на переправе через Волгу (своего рода переволока), а первоначальный Царицын – на острове (правда, есть и другие мнения). К тому же воевода Ефим Варфоломеевич Бутурлин указан в это время воеводой Царицына во многих других источниках, в том числе – в «государевых разрядах», следовательно, воеводство второго воеводы Б. В. Лодыгина относится именно к Саратову.

Других сведений о воеводстве в Саратове Б. В. Лодыгина к настоящему времени не обнаружено. В разрядной книге 1475–1598 гг., относящейся к так называемым «государевым разрядам», за этот же 7099 (1590/91) г. имеется следующая запись, в которой указан Саратов: «На переволоке в Цареве городе воевода Ефим Бутурлин да голова Василей Симонов. В новом городе на Саратове острове голова Федор Туров»¹¹.

Эти две записи нисколько не противоречат друг другу. Их можно прокомментировать следующим образом. После строительства Саратова в июле 1590 г. воеводой кн. Григорием Осиповичем Засекиным и стрелецким головой Федором Михайловичем Туровым оба воеводы находились в Саратове вплоть до сентября – октября 1590 г. Поздней осенью 1590 г. кн. Г. О. Засекин был отозван в Москву. Известно, что он местничал зимой 1591 г. в Москве с князем Петром Шеховским, своим будущим напарником и помощником, накануне отправки их в поход на Кавказ (на Терек). Эти воеводы были отправлены на Терек весной 1601 г.: «А на Терек с весны послал государь воевод своих князь Григорья Осиповича Зубка Засекина да князя Петра князь Михайлова сына Шеховского да голову Ивана Губина»¹².

Осенью 1590 г., зимой и весной 1591 г. старшим начальником в Саратове оставался голова Федор Михайлович Туров, поэтому он указан в разрядах за 1590/91 г., а весной 1591 г. ему на смену был отправлен Б. В. Лодыгин. Смена воевод произошла примерно в мае – июне 1591 г., т. е. в том же 7099 г., поэтому в разных разрядных книгах под одним годом указаны на Саратове и Федор Туров, и Борис Лодыгин.

Ни в одной из разрядных книг за последующие два года воеводы Саратова, как и ряда

других Понизовых городов, не указаны. Вновь мы встречаем Саратов и его нового воеводу Ивана Григорьевича Волынского в разрядной книге «государева разряда» 1475–1598 гг.¹³ и в разрядной книге 1475–1605 гг. (в разрядной записи за 1593/94 г.)¹⁴.

Этот же воевода И. Г. Волынский указан в записи за следующий 1594/95 г. в разрядной книге «государева разряда» 1475–1598 гг.¹⁵ и в разрядной книге 1475–1605 гг.¹⁶

В других разрядных книгах (1559–1605 гг.¹⁷ и 1550–1636 гг.) Саратов и его воевода впервые появляются только в 1600–1601 гг.¹⁸ Этим воеводой был Григорий Федорович Елизаров.

Борис Владимирович Лодыгин – личность хорошо известная. Он довольно часто упоминается в источниках вплоть до начала Смутного времени. Родословное древо предков Бориса Лодыгина указано в «Бархатной книге»¹⁹ и в родословном сборнике князя П. В. Долгорукова²⁰. Лодыгины – древний старомосковский боярский род, родоначальником которого был московский боярин великого князя Семена Гордого Андрей Иванович Кобыла. Старший сын Андрея Кобылы Семен Андреевич имел прозвище Жеребец, а его старший сын Григорий Семенович получил прозвище Лодыга. От этого Григория Лодыги и его младшего сына Семена Григорьевича и пошли Лодыгины (старший сын Григория Лодыги Иван умер бездетным). У Семена Григорьевича Лодыгина было 6 сыновей (Андрей, Иван Коновница, Данила, Василий Шарап, Василий Обляз и Александр). Получается, что Лодыгины по родословному древу стоят выше Колычевых, Шереметевых, Захарьиных-Кошкиных и многих других потомков Андрея Кобылы, ведущих свой род от младших сыновей Андрея Кобылы (Гаврилы Гавши, Александра Елки и Федора Кошки). Видимо, Лодыгины помнили об этом и гордились своей древней родословной, хотя, как отмечал А. А. Зимин, «*их среди придворной знати времен Ивана III и Василия III незаметно*». Причину этого А. А. Зимин видел в том, что Лодыгины были испомещены в Новгороде и «*как бы выбыли из дальнейшей игры в чины и звания*»²¹.

Однако это касается в основном старших детей Семена Григорьевича Лодыгина – Андрея и Ивана Коновницы, потомки которого – Коновницыны – хорошо известны на Псковской земле. Внуки Андрея Семеновича Лодыгина Яков Васильевич и Федор Васильевич Нехороший Лодыгины малоизвестны во времена Ивана Грозного, но именно их внуки и правнуки отличились во многих событиях Смуты и при первых Романовых. В XVII в. они состояли при царском дворе в чинах стольников, стряпчих и московских дворян, воеводами ряда городов.

Нас будет интересовать потомство третьего сына С. Г. Лодыгина – Данилы Семеновича Лодыгина, который был прадедом Бориса Лодыгина. У Данилы Лодыгина и его братьев Василия Семено-

вича Обляза и Александра Семеновича сохранились старые родовые владения по Переяславлю. Переяславль в отличие от Великого Новгорода и Пскова находился недалеко от Москвы, поэтому следует искать другие причины, почему эта ветвь Лодыгиных была мало заметна среди представителей Государева двора в конце XV – первой половине XVI в.

С середины XVI в. известны многочисленные внуки и правнуки Семена Григорьевича Лодыгина, которые записаны в Дворовую тетрадь. В основном это были дворовые дети боярские по Переяславлю-Залесскому. Среди них – Дмитрий Данилов сын Лодыгин (дед Б. В. Лодыгина) и его брат Прокопий, дети которого Невежа, Семенка и Третьяк Прокопьевы, дети Лодыгина также записаны в Дворовую тетрадь. Здесь же по Переяславлю записаны Никита и Иван Александровы дети Лодыгина, а также Андрей Облязов и Иван Андреев Лодыгины. Некоторые представители рода Лодыгиных служили по Дорогобужу (еще один Иван Андреев сын Лодыгин) и Коломне (Митька Дмитриев сын Лодыгин, видимо, родной дядя Б. В. Лодыгина)²².

Об отце Бориса Лодыгина – Владимире Дмитриевиче Лодыгине – и его владениях сведения пока обнаружить не удалось. В одном из боярских списков указано, что в 1588 г. Борис Лодыгин был выборным дворянином из Ржевы. К тому времени он имел поместный оклад в 800 четей²³.

Борис Лодыгин родился в 1550-х гг., в то время, когда составлялась Дворовая тетрадь. Среди ржевских помещиков в Дворовой тетради нет ни одного представителя рода Лодыгиных, видимо, уже после ее составления, во время опричнины дед или отец Б. В. Лодыгина были из Переяславля переведены в Ржев и испомещены в Ржеве.

В Славянской энциклопедии отмечено, что Борис Лодыгин – «сын боярский и голова, затем – дворянин московский, единственный сын В. Д. Лодыгина»²⁴. Трудно сказать, когда именно выборный дворянин из Ржевы, этот «сын боярский», стал дворянином московским.

Впервые сведения о Борисе Лодыгине встречаются в источниках только в 1587 г., причем он сразу записан наместником в Козельске. В «государевом разряде» за 7095 (1586/87) г. имеется запись о том, что «*марта в 25 день (т. е. 25 марта 1587 г.) государь ... указал быти от крымские украины по украиным городам и на берегу воеводам: По украиным городам: ... В Козельску наместник Бориз Володимеров сын Лодыгин*»²⁵. Получается, что выборный дворянин назначается на должность наместника в Козельск.

В июне 1587 г. крымские татары (царевичи) совершили набег до Крапивны и затем отступили, «*быв у Крапивны, пошли вон со всеми людьми*». В Москве об этом узнали 7 июля, после чего последовала новая роспись воеводам по городам и полкам, в которой вновь повторяется, что в Козельске наместник Борис Лодыгин²⁶. В преды-

дущей записи вначале было записано «воевода и наместник», но потом слово «воевода» было вычеркнуто. Причин здесь может быть несколько, в том числе следует учитывать разные статусы воевод и наместников, а также местничество. В разрядной книге 1475–1605 гг. слово «воевода» было оставлено. Здесь указано, что в 7095 (1586/87) г. отправлен «в Козельск – наместник и воевода Борис Володимиров сын Лодыгин»²⁷.

В разрядной книге 1559–1605 гг. за этот же 7095 г. Борис Лодыгин указан наместником и воеводой в Белеве: «В Белеве наместник и воевода Борис Володимиров сын Лодыгин»²⁸. Крепость Белев находится недалеко от Козельска, но он в этой разрядной записи вообще не указан. Видимо, здесь часть текста пропущена. В другой разрядной книге («государевом разряде») в 1586/87 г. указан в Белеве наместник и воевода Василий Яковлев сын Кузьмин, а Борис Лодыгин – в соседнем Козельске. В разрядной записи за следующий 7096 (1587/88) г. говорится, что в Козельск был отправлен воеводой Василий Афанасьев сын Вельяминов, при этом Борис Лодыгин должен был оставаться наместником в Козельске. Узнав о назначении В. А. Вельяминова воеводой в Козельск, Б. В. Лодыгин посчитал это умалением родовой чести и возбудил местническое дело: «И Борис Лодыгин писал к государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси, что ему меньши Василья Вельяминова быть немочно. И по государеву... указу от государя писано к Василью и к Борису, а велено быть в городе Василью Вельяминову, а в остроге Борису Лодыгину, а быть велено без мест, а как служба минется, и он тогда бей челом на Василья на Вельяминова, и государь велит дать счет»²⁹.

Ю. М. Эскин отметил, что это местническое дело разбиралось 19 июня 1588 г., и Борис Лодыгин спор проиграл³⁰.

В боярском списке 1588/89 г. против фамилии Бориса Лодыгина стоит помета: «Отослан для емского. Во Пскове голова»³¹. 29 июня 1589 г. накануне русско-шведской войны в «государевом разряде» отмечено, что «по свийским вестям» царь Федор Иванович послал в Псков «боярина князя Василья Федоровича Скопина-Шуйского да воеводу Дмитрея Иванова сына Вельяминова». При этом Д. И. Вельяминов должен быть в Пскове третьим воеводой (воеводы – кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, кн. В. И. Ростовский и Д. И. Вельяминов). В Псков также были отправлены головы Борис Лодыгин, кн. Дмитрий Борятинский и Владимир Благово. Борис Лодыгин записан первым из голов³².

На отпуске в Москве «у руки» государя Борис Лодыгин «бил челом» на Д. И. Вельяминова, указывал, что тот назначен 3-м воеводой, а он всего лишь в головах. В свою очередь Д. Вельяминов также жаловался, что Б. В. Лодыгин своей челобитной его обесчестил («бил челом о безчестии»). Как видно, Борис Лодыгин вновь возбудил

местническое дело еще на одного представителя рода Вельяминовых, которое в итоге проиграл. «И по государеву... указу бояре приговорили Бориса Лодыгина, бив батоги, послати к Дмитрею Вельяминову головою и в Розряде велели записати, что Борису Лодыгину и впредь быти мениши Дмитрея Вельяминова. И по государеву... указу Борис Лодыгин отсылан к Дмитрею Вельяминову головою с Павлом со Фроловым»³³. Павел Фролов был приставом, который сопровождал Бориса Лодыгина.

В разрядной книге 1475–1605 гг. эта запись звучит почти так же, лишь уточнены имена воевод (с фамильными прозвищами), а время отправки в Псков сдвинуто на 10 дней назад (19 июня). Д. И. Вельяминов записан с «вичем» («Иванович», а не «Иванов сын»). О проигрыше Борисом Лодыгиным местнического дела также говорится, но в сокращенном варианте. Эта запись звучит следующим образом: «Того же году июня в 19 день послал государь воевод своих во Псков боярина и воеводу князя Василья Федоровича Скопина-Шуйского да князя Василья Почуя Ивановича Ростовского, да Дмитрея Ивановича Вельяминова Обинякова; да с ними послал голов Бориса Володимирова сына Лодыгина, да князя Дмитрея князь Михайлова сына Борятинского, да Володимера Благово. И Борис Лодыгин бил челом государю на Дмитрея Вельяминова в отечестве о щоте; и государь велел Борису Лодыгину без суда выдать головою Дмитрею Вельяминову»³⁴.

В разрядной книге 1550–1636 гг. приводится другая хронология отправки воевод в Псков и другая очередность голов в Пскове. В записи за 7097 (1588/89) г. отмечено, что еще в ноябре 1588 г. Борис Лодыгин был отправлен головой в Псков. Причем в этой записи он указан вторым головой, а не первым, как в других разрядных записях. Запись начинается следующими словами: «Того же году с ноября велел государь быти воеводам во Пскове...». Далее упоминаются воеводы кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, кн. В. И. Ростовский и Д. И. Вельяминов. Все три воеводы, в том числе и Д. И. Вельяминов, указаны с «вичем» (отчество). Далее говорится об отправке голов в Псков («да головы во Псков посланы»). При этом первым из голов указан кн. Д. М. Борятинский, потом Б. В. Лодыгин и последним – В. Благой³⁵. В этой разрядной записи роль Д. И. Вельяминова несколько возвышена, а Б. В. Лодыгина, наоборот, занижена.

В Пскове согласно «государеву разряду» велено быть воеводам «по вестям» по уточненной росписи, по которой каждый голова прикреплялся к определенному воеводе, всем им был определен свой участок обороны. Дьяки не стали дальше унижать Бориса Лодыгина, поэтому назначили его головой к первому воеводе кн. В. Ф. Скопину-Шуйскому «в среднем городе, и в кремле и в застенье». Зонай ответственности Д. И. Вельяминова было определено Запсковье, сюда головой был назначен В. Благово³⁶.

Служба Бориса Лодыгина в Пскове продолжалась до конца 1589 г. Уже в декабре 1589 г. царь Федор Иванович отправился в поход к Новгороду в связи с началом русско-шведской войны. При этом многие воеводы и головы получили новое назначение. «Спорщик» Д. И. Вельяминов стал вторым воеводой в ертоульском полку, а Б. В. Лодыгин получил назначение головой «у наряду» (записан 3-м из 15 голов)³⁷.

После взятия крепости Ям (Ямгород) царь Федор Иванович с главными силами осадил Нарву и Ивангород. Решающий штурм обеих крепостей состоялся 19 февраля 1590 г. Известна роспись русского войска, где всем воеводам были определены участки для штурма. Из этой росписи в «государевом разряде» мы узнаем, что Б. В. Лодыгин, как и будущий первый воевода Саратова кн. Г. О. Засекин, участвовал в штурме Нарвы. По росписи *«на приступ итти к Ругодиву меж Руских ворот и меж наугольные башни от реки от Наровы на пробойное место воеводам Семену Федоровичю Сабурову да князю Ивану Юрьевичю Токмакову; а с ними головы Борис Ладыгин, Василий Колединский...и февраля в 19 день по той росписи приступ к городу был»*³⁸. Этот приступ 19 февраля закончился неудачей, но уже через несколько дней шведы согласились заключить перемирие и передать русским Ивангород и Копорье. Боевые действия временно прекратились, как оказалось, ненадолго.

Сразу после этого похода соратник Бориса Лодыгина по Нарвской осаде кн. Г. О. Засекин получил назначение строить новый город Саратов. К сожалению, не известно, чем занимался Борис Лодыгин с весны 1590 г. Вновь он упоминается уже в следующем 1591 г., когда был назначен воеводой в Саратов.

В разрядной книге 1475–1605 гг., в которой находим сведения под 7099 (1590/91) г. о саратовской службе Бориса Лодыгина, впервые под 7101 (1592/93) г. фигурирует город Уфа. Этот город был основан еще в 1585 г., т. е. за 7 лет до появления в данной разрядной книге. Причем, это единственное упоминание Уфы в разрядной книге, хотя записи в ней ведутся вплоть до 1604 г.

Запись за 7101 г. выглядит следующим образом: *«На Уфе воевода Борис Володимиров сын Лодыгин»*. Сведения о воеводстве Б. В. Лодыгина в 1592/93 г. в Уфе вызывают определенные сомнения. К тому же вряд ли правительство стало бы отправлять воеводу сразу после окончания службы в Саратов в еще более удаленный город – Уфу. В рукописи на этом же листе (Л. 966) перечисляются последовательно воеводы Казани, Самары, Уфы, Царицына, Астрахани, но в этом списке нет воевод Саратова³⁹.

В разрядной книге «государева разряда» (1475–1598 гг.) указано, что в Уфе воеводой в 1589, 1591, 1594 гг. и далее все время был Михаил Александрович Нагой⁴⁰. Учитывая большое рас-

стояние от Москвы до Уфы, можно считать, что М. А. Нагой в 1592 и 1593 гг. оставался в Уфе. Этот новый город для него был своего рода почетной ссылкой с самого начала царствования Федора Ивановича, а уж после Углицкого дела (май 1591 г.) и вовсе не было смысла Борису Годунову возвращать из Уфы этого воеводу. Поэтому будем считать, что в записи за 7101 (1592/93) г. вместо Уфы должен был стоять Саратов, и Борис Лодыгин записан воеводой Саратова, а не Уфы.

Саратовский период службы Бориса Лодыгина, кроме единственной разрядной записи в известных в настоящий момент источниках, нигде не отражен. Можно лишь попытаться выяснить, кого из знатных гостей мог встречать и провожать Борис Лодыгин будучи на воеводстве в Саратове⁴¹.

Осенью 1591 г. в Саратове побывал по пути из Астрахани в Москву посол правителя Гиляна Ахмед-хана Тюркемил. Воевода Саратова не мог знать о сложной обстановке на Кавказе, о том, что Гилян стал союзником Турции и врагом персидского шаха Аббаса (в Москве тоже об этом узнали не сразу), поэтому он выполнял обычные формальности, такие же, как по отношению к любому представителю государства, дружественного Москве⁴².

Весной 1592 г. из Астрахани через Саратов вместе с первым весенним караваном проплывал специальный гонец шаха Аббаса Кай, который уже 20 июня 1592 г. прибыл в Москву. Его сопровождал боярский сын Третьяк Лопатин с отрядом в 50 стрельцов. **Осенью 1592 г.** этот гонец уже был отправлен обратно в Персию.

Борис Лодыгин также встречал в Саратове **летом – осенью 1592 г.** возвращавшихся из Грузии русского посла Василия Тимофеевича Плещеева и грузинских послов князя Арама и архимандрита Кирилла.

Весной 1593 г. в Саратове побывал по пути в Москву персидский посол Ази Хосров, а осенью **1593 г.** останавливался на короткое время гонец шаха Аббаса купец Ходжи (Хозя) Искандер, который прибыл в Москву уже по зимнему санному пути в январе 1594 г.

В том же 1593 г. в Грузию было отправлено русское посольство во главе с Иваном Никитичем Всеволожским и подъячим Захарием Языковым. Вместе с ними возвращались домой в Грузию грузинские послы князь Арам и архимандрит Кирилл. Их также встречал и провожал в Саратове воевода Б. В. Лодыгин.

В июне 1594 г. персидский посол Ази Хосров вместе с купцом Ходжи Искандером из Казани отправились по Волге в Астрахань и далее в Персию. Вместе с ними в Персию было послано русское посольство князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. Но этих послов встречал в Саратове, скорее всего, уже новый воевода Иван Григорьевич Вольнский, который прибыл в Саратов в **7102 (1593/94) г.** Он сменил в этом городе воеводу Бориса Владимировича Лодыгина.

В разрядной книге 1475–1605 гг. под 7102 (1593/94) г. имеется запись: *«Тово же году послал государь... На Саратов Ивана Григорьева сына Волынского»*. Фраза «послал тово же году» означает, что воевода был отправлен из Москвы (получил наказ) не ранее сентября 1593 г. Дорога для воевод Понизовых городов из Москвы была только одна – через Казань и далее по Волге. Учитывая время навигации на Волге, маловероятно, чтобы новый воевода прибыл в Саратов в конце октября 1593 г., ведь в таком случае прежнему воеводе грозила после передачи дел новому воеводе зимовка в Саратове или Самаре. Более предпочтителен вариант, что в конце зимы (февраль – март 1594 г.) И. Г. Волынский вместе с другими воеводами Понизовых городов прибыл в Казань, а в апреле с началом навигации с первым весенним караваном – в Саратов. В той же разрядной книге под тем же 7102 г. записано, что в соседний Царицын «послал государь» Василия Борисова сына Сукина, а в Самару – Григория Семенова сына Овцына. Они же упоминаются воеводами этих городов и на следующий 1594/95 г.⁴³

В источниках опять ничего не говорится о том, чем занимался Борис Лодыгин после Саратова на протяжении нескольких лет. Вновь мы встречаем его уже в 1597 г. на службе в южном городе Путивле.

В «государевом разряде» за 7105 (1596/97) г. указано, что в это время в Путивле находился *«воевода Володимир Иванович Вельяминов. И Володимер отпущен, а в Путивле на ево место головы Борис Лодыгин да Дмитрий Ошанин, да Иван Протопопов»*⁴⁴. Судя по данной записи, смена воевод в Путивле произошла не в начале 7105 г. (осень 1596 г.), а ближе к концу этого 7105 г., т. е. весной – летом 1597 г. В третий раз мы встречаемся со службой одного из представителей рода Вельяминовых, которого сменил Б. Лодыгин. Во избежание местнических споров в разрядах указано, что В. И. Вельяминов ранее был назначен воеводой в Путивль, а Лодыгин – одним из трех голов. К тому же В. И. Вельяминов записан с «вlichem» (Иванович, а не Иванов сын), а Б. В. Лодыгин – вообще без отчества (просто Борис Лодыгин).

Однако данная разрядная запись не полностью освещает события, связанные с назначением Бориса Лодыгина в Путивль. Оказывается, он не был отправлен старшим начальником в Путивль, а всего лишь вторым воеводой. Первым воеводой был назначен кн. Владимир Иванович Шестунов, с которым Б. В. Лодыгину пришлось вести местнический спор (и снова он его проиграл). В разрядной книге 1550–1636 гг. за 7105 (1596/97) г. читаем: *«Того же году послан (послал государь) в Путивль князь Володимер Иванович Шестунов да Борис Володимиров сын Лодыгин, да голов Дмитрий Ошанин да Иван Протопопов»*⁴⁵. В этой записи ничего не сказано про местнический спор между Лодыгиным и Шестуновым.

В двух других разрядных книгах (1475–1605 гг. и 1559–1605 гг.) об этом местническом споре сказано подробно, причем уточнено время назначения воевод в Путивль (4 июня или 4 июля 1597 г.). Обе разрядные записи очень похожи. Приведем запись по разрядной книге 1475–1605 гг., а в скобках укажем разночтения по книге 1559–1605 гг.: *«Тово же году июля [июня] в 4 день послал [посылал] государь [царь и великий князь] в Путимль [Путивль] воевод князя Володимера [Володимера Ивановича] Шестунова да Бориса Володимировича Лодыгина. И Борис Лодыгин бил челом государю в отечестве о щоте на князя Володимера Шестунова, что ему быть невмесно мениши князя Володимера [И Борис бил челом в отечестве на князя Володимера Шестунова]; и Борису государь велел отказать, что «дурешель, бьешь челом не по мере» [И Борису государь велел отказать: не по делу бьешь челом]»*. Далее уточняются отчества голов, которые были отправлены вместе с воеводами: *«Да с ними государь голов послал Дмитрия Тимофеева сына Ашанина да Ивана Иванова сына Протопопова»*. В конце этой записи в разрядной книге 1475–1605 гг. указано: *«А после тово были в Путимле Борис Лодыгин да Дмитрий Ивашкин [Квашин]»*. Судя по данной записи, в дальнейшем Владимир Шестунов уехал из Путивля, и Борис Лодыгин стал там первым воеводой. Обратим внимание на то обстоятельство, что в обеих записях Борис Лодыгин записан с «вlichem», несмотря на проигрыш в местническом споре⁴⁶.

В Путивле Б. В. Лодыгин служил и в следующем 1598 г. В «государевом разряде» и в разрядной книге 1475–1605 гг. за 7106 (1597/98) г. отмечено, что в Путивле (слова «воевода» нет) *«Борис Лодыгин да голова Дмитрий Ошанин, да Иван Протопопов»*, а в мае 1598 г. Дмитрий Ошанин взят на государеву службу в Серпухов⁴⁷. Это был знаменитый «серпуховский поход» без сражений нового царя Бориса Годунова против крымских татар, после которого боярская дума вынуждена была признать Бориса царем.

Здесь же в Путивле и в дальнейшем мы видим Бориса Лодыгина единственным воеводой, у которого в подчинении в качестве головы сначала указан Иван Протопопов в 7107 (1598/99) г., а потом Никита Безобразов в 7108 (1599/1600 г.)⁴⁸.

Последнее известное к настоящему времени место службы Бориса Лодыгина связано с новым городом на Литовском рубеже, который в русских источниках называется Монастыревским острогом, а в польских – Моравийском (Моравск). В источниках можно встретить и другие названия: Монастырев, Монастыревский город, Монастырищи, Монастырский, Новый Монастыревский город.

Этот город, расположенный на правом берегу р. Десны, находился в составе Русского государства всего около 10 лет, а потом был захвачен поляками. Монастыревский город был построен около 1595 г. Иваном Злобиным сыном Нащокиным. В «государевом разряде» под 1595 г. говорится, что

«город Монастыревский делал Иван Нацокин». Здесь же приводятся имена первых воевод (голов) «нового Монастыревского города» – Матвея Игнатьева и его сменщика Ивана Писемского. Это был «черниговский пригород», воеводы Монастыревского подчинялись черниговским воеводам, из-за чего возникали местнические споры между ними. Так, воевода Монастыревского острога Семен Романов сын Олферьев (первое упоминание воеводы, ранее – только головы), отправленный в этот город в июне 1597 г., местничал со вторым воеводой Чернигова Андреем Измайловым. Этот спор был улажен следующим образом: в Москве было принято решение, чтобы Олферьев писал о государевых делах в Чернигов первому воеводе князю Василию Петровичу Туренину «с товарищи», а В. П. Туренину велено в Монастыревский к воеводе Семену Олферьеву «писатца одному с товарищи»⁴⁹.

В 7108 (1599/1600) г. в Монастыревском городе указаны кн. Владимир Шаня Мосальский и головы Меньшой Камынин «с товарищи», в то время, когда Борис Лодыгин был еще в Путивле. На следующий 7109 (1600/01) г. вместо Бориса Лодыгина указан в Путивле кн. Иван Юрьевич Морткин и Никита Безобразов, а в Монастыревском – по-прежнему кн. Владимир Мосальский. Однако уже на следующий 7110 (1601/02) г. мы видим Бориса Лодыгина в Монастыревском. В разных частных компиляциях разрядных книг за 7110 (1601/02) г. кратко говорится о том, что в Монастыревском (или в Монастыревском городе) «Борис Володимиров сын Лодыгин» (или «Борис Лодыгин с товарищи»)». Видимо, Борис Лодыгин сменил в этом городе кн. В. Мосальского.

Только в «государевом разряде», а именно в разрядной книге 1598–1604 гг. – продолжении разрядной книги 1475–1598 гг. – более подробно говорится о назначении воевод и голов в Монастыревский в 1601/02 г.: «В Монастыревском Борис Лодыгин да головы Елизарей Безобразов да Нелюб Парфеньев. Да по вестям быть голове Петру Чихачову. А ныне посланы в Монастыревской ис Чернигова в прибавку головы Афонасей Тютчев да Михайла Толочанов. А по вестям быть в городе Борису Лодыгину да головам Елизарью Безобразову да Нелюбу Парфеньеву. А головам Петру Чихачеву да Афонасью Тютчеву, да Михайлу Толочанову быть в остроге»⁵¹.

Разрядная запись в «государевом разряде» за следующий 1602/03 г. почти аналогична, только на замену Нелюбу Парфеньеву в качестве головы был отправлен Матвей Васильев сын Безобразов. Теперь у Бориса Лодыгина помощниками в городе стали двое Безобразовых, Матвей Васильев и Елизарий Семенов. Головы в остроге остались прежними – А. Тютчев и М. Толочанов, не указан только Петр Чихачов, который, видимо, получил новое назначение⁵².

Борис Лодыгин со своими помощниками – головами Безобразовыми – оставался в этом городе

и в 1603/04 г. Накануне Смутного времени, примерно весной – летом 1604 г. головы Безобразовы были отправлены из Монастыревского в Чернигов, а вместо них в качестве голов помощниками к Борису Лодыгину были назначены Алексей Зиновьев и Михаил Толочанов: «И Елизарью и Матфею велено быть в Чернигове на службе з городом вместе, а на их место велено быть головам Алексею Зиновьеву да Михайлу Толочанову»⁵³.

М. Толочанов, правда, оставался недолго в этом городе. К моменту вторжения войска Лжедмитрия I на территорию Русского государства осенью 1604 г. в последней разрядной записи, относящейся к Монастыревскому, в разрядной книге 1475–1605 гг., читаем: «В Монастыревском остроге Борис Лодыгин да Алексей Зиновьев». Далее в этой же разрядной записи говорится о прибытии самозванца к Монастыревскому: «Лета 7113-го сентября в день пришли на Северу в Монастырища люди многие: черкасские, каневские да пятигорские, да казаки донские да ещкие, да литовские и ляцкие люди, и подоляня и угряне, и кияне». Царь Борис Годунов от гонца узнал, что «пришли те люди с вором с Ростригою з Гришкою Отрепьевым...»⁵⁴.

В разрядных записях, опубликованных С. А. Белокуровым, говорится, что «когда Гришка Отрепьев пришел на Северу из Литвы в осень», то в Монастыревском были воеводами Борис Лодыгин и Елизарий Безобразов (возможно, Безобразов был направлен на помощь из Чернигова). В других дефектных разрядных записях говорится, что во время вторжения Лжедмитрия воеводами в Монастыревском были «Борис Лодыженский» с Елизарием Безобразовым или «Борис Лодыгин Безобразов»⁵⁵.

В дневнике польского ротмистра Станислава Борши приведены некоторые подробности взятия самозванцем Моравийска. При этом имена русских воевод не указаны: «Миновав Оршу, украинную крепость нашего государя-короля, мы пошли под Моравск, крепость московскую. В пяти милях от Моравска рыцарство и гетман согласно приняли решение отправить вперед несколько полков казацких, и отправили Белешка, имевшего 2000 украинских казаков, затем Куца и Швейковского. Русские в Моравске, получив известие, что в их землю вступает царь с польским войском, с тревогой стали совещаться между собой и больше из страха, нежели по доброй воле отправили к царю послов с заявлением, что сдоятся. Мы в строю пришли под эту крепость и расположились лагерем, а царь и господин воевода въехали в крепость, приняли ее с вооружением, и русские тогда же изъявили покорность и принесли присягу. Вооружив крепость, мы отправились к Чернигову, лежащему в 18 милях от Моравска, над тою же рекой Десной»⁵⁶.

Н. И. Костомаров, используя другие польские источники, более подробно осветил этот сюжет, связанный с захватом Моравийска. Он же одним

из первых привел имена русских воевод, которых сначала связали, выдали Лжедмитрию, а тот потом их отпустил. Исследователи, изучающие поход Лжедмитрия I на Москву, вслед за Н. И. Костомаровым приводят сведения о том, что первый город на пути самозванца Моравийск (Монастыревский острог) был взят 18 октября 1604 г. в результате восстания жителей сразу же после прибытия к городу передового отряда самозванца, который возглавил атаман Белешко. Под жителями следует понимать в первую очередь местных служилых людей по отчеству, черниговских детей боярских, а также местных служилых людей по прибору (стрельцов и городских казаков). Посадских людей в этом новом городе было мало и не они определяли политику. Возможно, что если бы в городе вместо местных служилых людей были московские стрельцы и представители государева двора, а также более энергичный и самое главное – преданный Борису Годунову воевода, как это случилось в Новгороде-Северском, куда успел прибыть воевода П. Ф. Басманов, то события могли пойти по другому сценарию. А служилые люди на окраинах страны в подавляющем большинстве были против Бориса Годунова и поддержали «истинного» царевича Дмитрия. Можно предположить, что Борис Лодыгин был сторонником своего дальнего родственника Федора Никитича Романова, и репрессии Годунова в отношении всех Романовых привели Бориса Лодыгина в стан его политических противников (возможно, что неприязнь Лодыгина к Годунову была и раньше). Воевода Лодыгин не захотел сражаться за Бориса Годунова и, вполне вероятно, опасался за свою жизнь, видя настроения местных служилых людей. Как это было на самом деле, мы, наверное, уже никогда не узнаем.

Современный исследователь В. Н. Козляков в своей монографии о Лжедмитрии I отмечает: «Первые города в Северной земле сдавались практически без боя. До этого их население несколько месяцев жило в прифронтовой атмосфере, страдавая от годуновских застав, смены воевод, приезжавших укреплять крепости по границе с Речью Посполитой. Все копившееся за голодные годы недовольство нашло выход. Монастыревский острог, Моравск и Чернигов подчинились Дмитрию первыми; жители отдали ему городскую казну»⁵⁷. По-видимому, здесь опечатка в тексте, она касается знаков препинания. Следует читать «Монастыревский острог (Моравск) и Чернигов». Речь на самом деле идет о двух городах, а не трех. Монастыревский острог и Моравск – это один и тот же город.

Н. И. Костомаров писал, что полученные грамоты от самозванца в Моравске «произвели свое действие: жители и ратные люди взбунтовались, отлагались от Бориса и кричали, что они хотят служить законному государю Димитрию Ивановичу. Воеводы заупрямились. Их связали и прислали сказать Димитрию, что они поддаются».

Когда Лжедмитрий въехал в город, то «жители встречали его хлебом-солью и представили его суду связанных воевод. Димитрий обошелся с ними ласково, дал им свободу...»⁵⁸.

Р. Г. Скрынников привел дополнительные подробности о том, как грамота самозванца попала к жителям Монастыревского. Здесь также отмечено, что внезапное появление противника у стен укрепленного острога застало воеводу Лодыгина врасплох: «Застигнутые врасплох воеводы Б. Лодыгин и М. Толочанов пытались организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали воевод и выдали их казакам». Хотя, судя по последней разрядной записи, М. Толочанов к тому времени уже был отправлен в Чернигов, а вместо него был А. Зиновьев. Далее говорится, что 18 октября казаки доложили «царевичу» захваченных воевод. 21 октября Лжедмитрий в 7 ч вечера принял Монастыревский острог из рук восставших⁵⁹.

Отметим еще два интересных момента, связанных с этими двумя городами – Монастыревским и Черниговом. Станислав Борша отмечал, что в переговорах с черниговцами участвовали несколько знатных людей из Монастыревского, после чего черниговцы сдались. Воеводы Чернигова князь Иван Татев («князь Иван» у С. Борши) и Петр Шаховской предпочли сохранить жизнь и присягнули самозванцу. Однако один из воевод Чернигова, а именно Никифор Семенович Воронцов-Вельяминов отказался признать «царя Дмитрия» и был убит по его приказу. По мнению Р. Г. Скрынникова, именно казнь Н. С. Вельяминова «устрашила» остальных, взятых в плен, которые поспешили присягнуть самозванцу⁶⁰.

Любители разных сенсаций могут предположить, что Станислав Борша, когда писал про знатных людей из Моравийска (Монастыревского), уговоривших черниговцев сдать самозванцу, имел в виду прежде всего воеводу этого города Бориса Лодыгина. При этом эти «историки» вспомнят о прежних местнических случаях Б. В. Лодыгина с Вельяминовыми, укажут, что воеводы Моравийска накануне вторжения самозванца подчинялись воеводам Чернигова и вынуждены были выполнять все их указания, в общем найдут некую связь между убийством Н. С. Вельяминова и Борисом Лодыгиным. Однако данная фантастическая версия не подкреплена никакими источниками.

В дальнейшем имя Б. В. Лодыгина нигде в опубликованных источниках Смутного времени не упоминается, в том числе в актах времен Лжедмитрия I, и его судьба неизвестна.

В родословной книге П. В. Долгорукова указано, что у Б. В. Лодыгина был единственный сын Михаил, а у него – два сына, Максим и Еремей⁶⁰. В алфавитном указателе боярских книг Максим Михайлович Лодыгин отмечен как дворянин московский в 7148 (1639/40) г.⁶²

Потомков мужского пола у Еремея Михайловича Лодыгина не было, а у Максима Михайловича Лодыгина П. В. Долгоруков указывает сына Степана Максимовича и внука Ивана Степановича Лодыгина⁶³.

Приведенные сведения о жизненном пути одного из неизвестных воевод Саратова, несмотря на их неполноту, позволяют в какой-то мере представить облик этого служилого человека. Будем надеяться, что в архивах будут найдены новые данные об этом воеводе и о Саратове в первые годы после основания города кн. Григорием Осиповичем Засекиным.

Примечания

- 1 См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. Ч. 4. СПб., 1858. С. 150–152.
- 2 См.: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. Т. 3 : К–М / редкол. : В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 382.
- 3 См.: Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1 : А–М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М. : Олма-Пресс, 2004. С. 673.
- 4 См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. Т. 3, ч. 2 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1987. 235 с.
- 5 См.: Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. 268 с.
- 6 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводная ст. и ред. В. И. Буганова ; отв. ред. М. Н. Тихомиров, М. : Наука, 1966. 617 с.
- 7 См.: Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1974. С. 14–179.
- 8 См.: Разрядная книга 1559–1605 гг. // Синбирский сборник / сост. Д. А. Валуев. М., 1844. С. 1–154.
- 9 См.: Разрядная книга 1559–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1974. 436 с.
- 10 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 197.
- 11 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 436.
- 12 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 197.
- 13 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 486.
- 14 См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 3 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1989. С. 80.
- 15 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 494.
- 16 См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 3. С. 98.
- 17 См.: Разрядная книга 1550–1636 гг. : в 2 т. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1975. Т. 2, вып. 1. С. 188, 198.
- 18 Разрядная книга 1559–1605 гг. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1974. С. 341.
- 19 См.: Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих / изд. Н. И. Новиков (Бархатная книга) : в 4 ч. М., 1787. Ч. 2. С. 94, 98–100.
- 20 См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга... Ч. 4. С. 150–152.
- 21 Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М. : Наука, 1988. С. 175.
- 22 См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950. С. 140, 161, 193.
- 23 См.: Боярский список 1588–1589 годов // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : ИЦ РГГУ, 2004. С. 223.
- 24 Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 1. С. 673.
- 25 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 381.
- 26 Там же. С. 385.
- 27 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 96.
- 28 Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 225.
- 29 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 398–399.
- 30 См.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. : Хронологический реестр. М. : Археогр. центр, 1994. С. 91.
- 31 Боярский список 1588–1589 годов // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 223.
- 32 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 410.
- 33 Там же.
- 34 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 138–139.
- 35 См.: Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2, вып. 1. С. 47.
- 36 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 410.
- 37 Там же. С. 417.
- 38 Там же. С. 422.
- 39 См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 3. С. 65.
- 40 См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 390, 436, 486, 494, 504, 513.
- 41 См.: Рабинович Я. Н. Основание Саратова и «Новая Саратовская летопись» (1590–1599) // Поволжский край : межвузовский сборник научных трудов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. Вып. 14. С. 4–26.
- 42 См.: Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 149–158.
- 43 См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 3. С. 80, 98.
- 44 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 512.
- 45 Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2, вып. 1. С. 131.
- 46 См.: Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3. С. 152 ; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 310.
- 47 См.: Разрядная книга 1475–1598. С. 541 ; Разрядная книга 1475–1605. Т. 4, ч. 1. С. 14 ; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. С. 64.
- 48 См.: Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. С. 83 ; Разрядная книга 1475–1605. Т. 4, ч. 1. С. 78, 95 ; Разрядная книга 1550–1636. М., 1975. Т. 2, вып. 1. С. 174.
- 49 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 402, 502, 511–512.
- 50 Разрядная книга 1475–1605. Т. 4, ч. 1. С. 134 ; Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 1. С. 196 ; Разрядная книга 1559–1605. С. 340.

- ⁵¹ Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638. С. 128–129 (7110 г.).
- ⁵² Там же. С. 145 (7111 г.).
- ⁵³ Там же. С. 168 (7112 г.).
- ⁵⁴ Разрядная книга 1475–1605. Т. 4, ч. 2. / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко; под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 76–77.
- ⁵⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 132, 211, 239.
- ⁵⁶ Поход московского царя Дмитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ): в 39 т. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 367–368.
- ⁵⁷ Козляков В. Н. Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 102.
- ⁵⁸ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. М.: Чарли, 1994. С. 103.
- ⁵⁹ Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 107.
- ⁶⁰ Там же. С. 109.
- ⁶¹ См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга... С. 152.
- ⁶² См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник Иванов. М.: В типографии С. Селивановского, 1853. С. 235.
- ⁶³ См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга... С. 152.

Поступила в редакцию 31.05.2020, после рецензирования 05.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 31.05.2020, revised 05.09.2020, accepted 05.11.2020

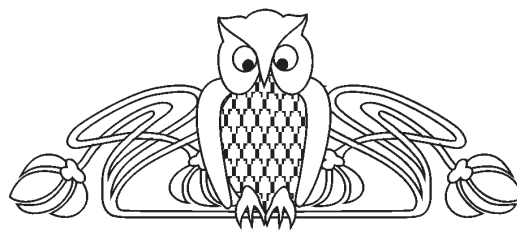

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 389–394
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 389–394
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

Научная статья
УДК 94(470.67-22)|1921/1925|

Дагестанский аул эпохи нэпа: штрихи повседневности (первая половина 1920-х годов)

М. М. Амирханова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, amirkhanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>

Аннотация. В статье на основе архивных документов расследуется влияние нэпа на повседневную жизнь сельского населения Дагестана в первое десятилетие советской власти, оказавшееся для него обременительным. Несмотря на классовый подход, новая налоговая кампания привела к ухудшению материального положения горца, поскольку проводилась без учета специфики сельского хозяйства Республики. Важным фактором для улучшения материального положения населения являлось эффективное развитие сельскохозяйственного производства, для чего необходимо было осуществить целый комплекс мер, в частности мелиорацию, обеспечение сельскохозяйственными машинами. В этом плане ощутимой была помощь государства, создание сельскохозяйственных товариществ, предоставление кредитов. Автор приходит к выводу о том, что новая экономическая политика государства для дагестанского аула имела двоякий характер. Хотя она была призвана развить производственную инициативу мелкого производителя, в итоге вызвала нарекания крестьян. В то же время комплекс мер по повышению эффективности аграрного сектора способствовал его возрождению, что, в свою очередь, благотворно сказывалось на повседневной жизни сельского населения.

Ключевые слова: дагестанский аул, повседневность, советская власть, нэп, мелиорация, обеспечение сельскохозяйственными машинами

Для цитирования: Амирханова М. М. Дагестанский аул эпохи нэпа: штрихи повседневности (первая половина 1920-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 389–394. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dagestan aul of the NEP era: Touches of everyday life (the first half of the 1920s)

М. М. Amirkhanova

Dagestan Federal research center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Republica Dagestan, Russia

Madina M. Amirkhanova, amirkhanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>

Abstract. The article examines rural everyday life in Dagestan in the first decade of Soviet power. On the basis of archival documents, the influence of the NEP on the daily life of the rural population, which turned out to be burdensome for them, is revealed. Despite the class approach, the new tax campaign led to a deterioration in the financial situation of the highlander, since it was carried out without taking into account the specifics of the republic's agriculture. An important factor for improving the financial situation of the population was the effective development of agricultural production, for which it was necessary to implement a whole range of measures: land reclamation, provision of agricultural machinery. In this regard, the state's assistance, the creation of agricultural partnerships, and the provision of loans were tangible. The author comes to the conclusion that the new economic policy of the state for the Dagestan aul had a twofold character. Although it was intended to develop the production initiative of a small producer, in the end, the tax system was created.

Keywords: governor, Dagestan aul, everyday life, Soviet power, NEP, land reclamation, provision of agricultural machinery

For citation: Amirkhanova M. M. Dagestan aul of the NEP era: Touches of everyday life (the first half of the 1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 389–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С переходом СССР к мирному строительству система военного коммунизма вошла в противоречие с интересами крестьянства. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (нэп)¹. Замена продразверстки продналогом была лишь первым шагом по пути осуществления нэпа и этот шаг имел огромное значение, ибо он развивал производственную инициативу, поощрял мелкого производителя, обеспечивал ему известную выгоду. Кроме того, такой шаг неизбежно вызывал перестройку всего хозяйственного механизма, всей экономической политики государства не только в области сельского хозяйства, но и в сфере промышленности, организации труда, осуществлении обмена между городом и деревней. В статье, помещенной в газете «Красный Дагестан», отмечалось: «Военный коммунизм с продразверсткой неблагоприятно отразился на крестьянском хозяйстве, результатом чего явилось недовольство и шатание крестьянства... Но вовремя взятый курс на нэп снова восстановил доверие крестьянства к советской власти»². Продналог был меньше продразверстки, размер и сроки его внесения становились известными крестьянам до весеннего сева.

Хронологические рамки статьи ограничены начальным периодом нэпа в Дагестане, когда особенно остро проявлялись особенности ее проведения, связанные с социально-экономической отсталостью Республики, влиянием феодально-патриархальных пережитков.

Отдельные аспекты исследуемой проблемы рассматривались в региональной историографии. В работе «Очерки истории Дагестана» (т. 2) освещается переход от политики военного коммунизма к нэпу, дается оценка последствий этого события для дагестанского крестьянства³. В коллективной монографии «История советского крестьянства Дагестана» (т. 1) говорится о помощи государства в эффективном развитии крестьянского хозяйства, анализируются выступления части крестьянства против аграрной политики советской власти и т. д.⁴ Ценный материал по самым различным аспектам изучаемой проблемы содержится в материалах обследования отдельных горных округов Республики в 1924 г. Рабоче-крестьянской инспекцией⁵.

Первая сессия ДагЦИКа в декабре 1921 г. признала приемлемыми для Дагестана принципы единого натурального налога и предложила Совнаркому и Наркомату продовольственного обеспечения провести в Республике соответствующий проект Декрета в жизнь. В этом же году продналог в Дагестане был установлен в размере 65 тыс. пудов вместо 1270 тыс. пудов продразверстки⁶. Однако без конкретного учета особенностей Республики, его сбор вызвал нарекания с мест. Отсутствие данных об имевшихся хозяйствах, контрольных цифр требовал привлечения к этой работе, прежде всего, самого крестьянства, хорошо знавшего местные условия.

Следовало также иметь в виду особенности природно-климатических условий и географической среды Дагестана, малоземелье, наличие большой прослойки консервативного мусульманского духовенства, ратовавшего за сохранение старых порядков, что требовало особой осторожности при проведении радикальных преобразований.

Выступая на III сессии ДагЦИКа I созыва (11–15 октября 1922 г.), М. Эльдаров – председатель Аварского окружного ревкома, депутат от округа подчеркивал: «Три кампании сразу – продналог, трудгужналог, семенная ссуда явились бременем для населения. Я своевременно обращался в Подчека, чтобы продналог нам снизили, но этого не произошло, и обыкновенно ответработники Центра при провале привыкли ссылаться на бездеятельность мест. Между тем сами местам ничего не дают. В Центре большие, сильнейшие декреты издаются, а кто их нам в горах отсталым, «темным» может разъяснять. Никого нет...»⁷. Трудгужналог, взимаемый в виде обязательного привлечения населения к бесплатному выполнению определенных работ и использованию принадлежащих отдельным гражданам гужевых средств по указанию органов советской власти, был введен декретом Совнаркома от 30 ноября 1921 г. С 1923 г. он уплачивался деньгами (за исключением обязательных работ по ликвидации стихийных бедствий), исходя из 4-х налоговых дней. В конце 1923 г. с введением единого сельхозналога и реорганизацией подоходно-имущественного налога трудгужналог был отменен, а семенная ссуда направлялась для нужд города и армии.

И округах, расположенных на плоскогорье, имелись серьезные трудности с поступлением задолженности по семенной ссуде. Например, в Ачикулакском округе ввиду неурожайных лет и крайнего обнищания ногайских бедняцких хозяйств, нуждающихся в материальной поддержке, исполком возбудил ходатайство о сложении с них семенной ссуды⁸. По Дагестану в целом задолженность по семенной ссуде на 1 июля 1926 г. составила 1157308 руб. 22 коп.⁹

В период перехода к нэпу сельское хозяйство Дагестана столкнулось с большими проблемами, связанными с засухой 1921 г. и ее последствием – голодом.

Исходя из тяжелого материального положения населения горных округов, в предписании НКВД Аварскому окружному ревкому от 27 июля 1921 г. указывалось, что при привлечении населения к трудовой и иной повинности необходимо придерживаться классового подхода. «Вся тяжесть, как арбонной, так и трудовой повинности, должна ложиться на тот элемент, который шел против советской власти, а также на тех, которые вели себя в последней борьбе нейтрально. Ни в коем случае недопустимо привлекать к ним революционные аулы, как, например, аул Хунзах... Совершенно освобождать семьи красноармейцев и красных партизан...»¹⁰.

В информационной недельной сводке ОГПУ (Дагестанское отделение Главного политического управления) в Дагобком с 1 по 8 января 1924 г. о положении дел в сельском хозяйстве Республики сообщалось: «Лето 1923 г. оказалось чрезвычайно неблагоприятным для выращивания хлебов. На плоскости много вреда принесли грызуны, а также продолжительные дожди, во многих случаях, совершенно уничтожившие посевы»¹¹. Общее количество урожая хлеба в указанном году составило 2,5 млн пудов, а годовая потребность в нем по статданным равнялась 13,2 млн пудов. Из-за катастрофического положения Дагестана он был признан Центром остро нуждающимся.

В аналогичной сводке от 8 по 16 января того же года говорилось о тяжелом экономическом положении крестьян и о голоде в Самурском и Аварском округах. Вследствие этого начался значительный отход населения в Грузию на временное и постоянное жительство. Недостаток хлеба имел место и в других округах. На этой почве у крестьян появилась «скрытая вражда к советской власти и РКП. Среди крестьянства зарождается новый пролетариат, но несознательный, который вынужден искать себе работу на отхожих промыслах, а не находя последнего, занимается грабежами. Благодаря все-му этому, фанатичное духовенство имеет хорошую почву для реакционной работы...»¹².

Анализ архивных документов наглядно показывает социально-экономическое состояние отдельных сельских районов, отношение местного населения к мероприятиям советской власти. Так, на II сессии ДагЦИКа V созыва (5–9 октября 1925 г.) рассматривался вопрос об Андийском округе и Нижне-Дженгутаевском сельсовете. В Андийском округе сельское хозяйство развивалось слабо. Земельный отдел райисполкома здесь был упразднен. Отсутствовали агрономическая и землеустроительная сети. Население, занимавшееся полеводством, садоводством и скотоводством, продолжало работать старыми, примитивными способами. Неурожаи, гибель скота влияли на сельское хозяйство негативно, и большинство бедняков вынуждены были уходить на заработки в плоскостные районы Республики, Азербайджан и Грузию. Совхозов и других коллективных хозяйств в округе не было создано¹³.

Непростым было положение и в Нижне-Дженгутаевском сельсовете. В годы Гражданской войны село оказалось в эпицентре военных действий. Агрономическая помощь населению почти не оказывалась. Землеустроительные работы не были начаты. В то же время в апреле 1924 г. было создано сельскохозяйственное товарищество «Комекчи». В августе того же года в нем насчитывалось 298 членов. С 1920 г. существовала и потребительская кооперация, в которую вступило большинство дженгутаевцев.

Крестком, организованный в селе, работал неудовлетворительно. Оказываемая им помощь населению выражалась в отпуске для умерших бед-

няков средств на похороны, а также на пропитание. Отношение духовенства к этому органу было не особенно доброжелательным. Население относилось к Кресткому достаточно благосклонно. В резолюции сессии ДагЦИК о социально-экономическом положении этих поселений оно было признано тяжелым. В связи с этим предлагалось осуществить целый ряд практических мер по их развитию¹⁴.

XII съезд партии, состоявшийся в 1923 г., указал, что в обстановке оздоровления хозяйственной жизни «...партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего труда»¹⁵. Для этого съезд считал необходимым заменить натуральные платежи денежными и перейти к одному прямому сельскохозяйственному налогу, который обеспечил бы «соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатка» и дал бы «возможность советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты»¹⁶.

Начиная с 1924 г., продналог, подворно-денежный, трудгужналог и все местные налоги были объединены в единый сельскохозяйственный налог. Для выяснения бюджета дагестанского крестьянства и уточнения размеров налогового обложения, Дагобкомом было решено создать особую комиссию главным образом из представителей Рабоче-крестьянской инспекции. Она должна была выехать в округа, планировалось обследовать всего 15 хозяйств. Обследование было проведено в 1923–1924 гг. в отдельных плоскостных и горных округах Дагестана. Был собран значительный материал о занятиях, землепользовании, жилищных условиях крестьян, типах хозяйств, средствах производства, крестьянском бюджете, укладе жизни горцев и т. д.

В данном контексте представляет интерес описание хозяйства горцев-представителей разных социальных групп. Так, семья горца-батрака Омара-Магомеда-Оглы 33 лет, имевшего жену и двоих детей: сына 6 лет и дочку 3 лет, отличалась хорошим здоровьем. Грамотой члены семьи не владели. До революции Омар Магомед-Оглы ходил на заработки в селения Цудахар, Дешлагар, города Темир-Хан-Шуру, Грозный. Во время Гражданской войны был красным партизаном и в 1921 г. сражался против банд Гоцинского.

В период проведения инспекцией обследования вследствие безработицы в Дагестане вынужден был сидеть дома, занимался только своим хозяйством, или поденно работал на состоятельных сельчан, выполняя разные сельскохозяйственные работы¹⁷. По заявлению самого Омара, подтвержденному председателем сельсовета, до революции семья материально была более обеспечена, так как работу найти было легче. В общей сложности все его домашнее имущество, считая одежду, стоило не более 25 руб.¹⁸ Жилье он имел в селении Телетль Гунибского округа. Оно представляло собой одну,

кое-как сложенную из камня саклю, состоящую из одной курной комнаты с маленьким скотным сараем под низом. Пол, потолок и крыша были глиняные, стены внутри обмазаны глиной, окон не было, их заменяли два отверстия.

Семья горца-бедняка Абдурахмана Магомеда-Оглы из селения Хулют Лучекского участка Самурского округа состояла из 6 чел., трое из которых – взрослые. Все члены семьи были здоровы, безграмотны. Жили в двух комнатах, размером 32 и 28 аршин; одна комната темная, курная без окон, с отверстием в потолке вместо окна и дымовой трубы, а другая светлая с 2-мя окнами. Семья жила в курной комнате, так как светлая предназначалась для приема гостей¹⁹. Стоимость всего домашнего имущества с одеждой оценивалась приблизительно в 100 руб.²⁰

Семья горца-середняка из предгорного района состояла из 7 чел., в том числе 2 взрослых, 2 подростков и 3 малолетних. Вся члены семьи не владели грамотой. Сам Иса Али-Оглы за всю свою жизнь никуда не выезжал, занимался только своим хозяйством. С установлением советской власти состоял членом сельской кооперации. Семья жила в довольно просторной, выстроенной из камня и глины сакле, с открытым балконом впереди и небольшим двором, где находились постройки для скота. Усадьба была огорожена каменным забором, без ворот. Сакля состояла из двух больших и одной маленькой комнаты, общей площадью около 62 кв. аршин. Крыша, пол и потолок сакли были глиняные, двери и оконные рамы дубовые, окна не были застеклены. Семья жила в двух комнатах, а третья была кунацкой²¹. Сакля с двором и постройками, вся домашняя обстановка с одеждой и обувью оценивалась примерно в 220 руб.²²

Горец-богатей из предгорного района, еще крепкий работник 50 лет, имел жену 45 лет и 8 человек детей (5 сыновей в возрасте от 4 до 20 лет и 3 дочерей – от 6 до 12 лет). Семья отличалась хорошим здоровьем. Глава семьи и два его старших сына владели арабской грамотой и могли писать на аджаме. Кроме членов семьи, в доме проживал постоянный батрак, нанимаемый обычно на год, которому в качестве платы выдавались 30 пудов пшеницы, пища и одежда. Семья жила в хорошей двухэтажной сакле, построенной из тесаного камня с открытым широким балконом впереди. Верхний этаж состоял из 5 комнат, приспособленных для жилья, а нижний – использовался для хозяйственных надобностей. Двор был просторный, огороженный высоким каменным забором с дубовыми воротами и калиткой. Крыша была плоская глиняная, пол жилого помещения – также глиняный, а потолок – деревянный. Двери и оконные рамы были дубовые, все окна остеклены. Из 5 комнат одна была отведена под кладовую, другая обставлена побогаче и считалась кунацкой, в остальных трех жила семья. Стоимость данного хозяйства в общей сложности составляла 950 руб.²³

Приведенные характеристики отдельных крестьянских хозяйств наглядно демонстрируют еще сохранявшееся значительное имущественное расслоение в дагестанском селе в первой половине 1920-х гг. Исходя из этих данных, и следовало проводить налоговое обложение крестьян. Однако в реальности налоговая кампания не была лишена серьезных недочетов и нарушений.

Каким же образом отразился новый налог на крестьянском хозяйстве горца? Он оказался легче разверстки, но в общем для дагестанского крестьянина он был обременительным. В Дагестане с его разноотраслевым сельским хозяйством в отдельных районах трудно было назначить налог, случалось так, что крестьянин сеял только кукурузу, а с него требовали уплатить пшеницей. Или с зернового хозяйства, находящегося в скотоводческом районе, налог взыскивался мясом, который крестьянин вынужден был покупать, так как своего скота у него не было.

В то же время распределение налога между отдельными округами Дагестана осталось почти без изменений. Например, при царском правительстве больше всех платил Буйнакский округ, затем Лакский, Гунибский, Аварский и Даргинский. Такое же соотношение сохранилось и в 1923 г.²⁴ С другой стороны, сбор налога проходил по разным округам неравномерно. Об этом свидетельствует, в частности, сводка ОГПУ с 1 по 8 декабря 1924 г. Так, «... в Кизлярском округе сбор сельхозналога протекал удовлетворительно. Бедняцкому населению, ... пострадавшему от стихийных бедствий, ... Наркомфином ДССР была предоставлена льгота 20 %. В Кюринском округе, наоборот, протекал слабо, некоторые селения округа, ссылаясь на тяжесть налога, отказались в выдаче такового»²⁵. В Ачикулакском районе имелись свои трудности. Местные власти обещали населению, что расходы по проведению тех или иных кампаний (строительство школ, их ремонт и т. д.) будут осуществляться за счет сельхозналога. Однако от уплаты они не освобождались. Благодаря этому у жителей сложилось впечатление, что их обманули.

При проведении налоговой кампании наблюдались и перегибы. Например, в Курахском районе при мясозаготовках их тяжесть ложилась в основном на середняцкие и бедняцкие хозяйства. К примеру, у жителя одного из сел района Усука Панаева, платившего сельхозналог 4 руб., имевшего при 15 членах семьи 1 лошадь, 2 быков, 3 коровы, 20 баранов, подлежали обложению 2 коровы и 10 баранов. А другого селянина – Гусейнова, платившего налог в размере 2 руб., имевшего 2 быков, одну корову, 10 баранов, обложили в сумму одного быка. Таких случаев по данному району было зафиксировано около 200²⁶. Иногда середняцкие хозяйства переводили в разряд зажиточных, кулацких и соответственно неправильно облагали повышенной суммой налога. Тогда селяне жаловались на свое бедственное материальное положение, из-за которого не в состоянии были платить налог.

Нередки были факты выхода женщин с отказом от уплаты налога. Так, в селении Старый Чиркей Буйнакского района 30 марта 1924 г. группа женщин единоличниц в количестве 60 чел. пришла в сельсовет, где заявила: «Мы не можем давать государству ни мяса, ни масла, как хотите, с нами поступайте, мы обнищали и не в состоянии уже прокормить себя»²⁷. В результате проверки уполномоченным Комитета по заготовкам была установлена правильность налогообложения, а выступление женщин состоялось под влиянием антисоветских элементов. Подобные инциденты имели место и в других селениях Республики.

В 1924 г. ВЦИК и СНК СССР издали новое положение о едином сельхозналоге, которое исправило многие недостатки налоговой системы 1923 г.

Разумеется, для улучшения материального положения населения необходимо было возобновить сельскохозяйственную деятельность и использовать огромные земельные площади в плоскостных районах Республики. С этой целью необходимо было осуществить мелиорацию, урегулировать вопрос с водопользованием, расширить сеть оросительных каналов. С установлением новой власти население округов, видя, что все их просьбы Центром остаются без удовлетворения, продолжало так же, как и раньше, проводить каналы, ремонтировать их, выполнять все мелиоративные работы.

В июне 1923 г. СНК ДАССР обратился в Наркомат земледелия РСФСР с ходатайством об отпуске кредита на сумму 57172 руб. золотом на постройку 76 артезианских колодцев в Хасавюртовском, Кизлярском и Караногайском округах. Существовавшие ранее здесь колодцы пришли в полную негодность. Отсутствие воды делало эти районы непригодными для жизни. А устройство 76 колодцев давало возможность орошения 360000 десятин²⁸.

На III Вседагестанском съезде представитель окружных исполкомов и земельных отделов (23–27 сентября 1924 г.) констатировалось, что Управлению мелиорации следует прийти на помощь населению. К примеру, в Кизлярском районе необходимо было немедленно приступить к организации мелиоративных работ в должном масштабе и привлечь к ним желающее трудиться население. Предлагалось посылать в вузы и дагестанцев для подготовки квалифицированных кадров мелиораторов²⁹.

Помощь Советского государства позволила развернуть в широких масштабах мелиоративные работы. К осени 1924 г. лишь в Аварском и Хасавюртовском округах были восстановлены и построены новые каналы протяженностью до 700 верст. Только в 1924–1925 гг. на мелиоративные работы (кроме работ по Каналу им. Октябрьской революции) в Дагестане было израсходовано 563064 руб., в том числе выданные Советским правительством 113798 руб. безвозвратной и 37867 руб. возвратной ссуды и 113780 руб. по местному бюджету³⁰.

Население Республики с большой благодарностью восприняло эту помощь. Вот что писали крестьяне с. Куани Аварского округа 24 августа 1925 г.: «Мы, уполномоченные, от лица всего населения выносим свою глубокую благодарность за оказанную материальную помощь, обеспечившую нас хорошей питьевой водой, правительству СССР и ДАССР, а также и братьям рабочим Союза республик за их трудовые деньги». Жители с. Балхар Даргинского округа 12 сентября 1925 г. приносили «глубокую благодарность советской власти за оказанную помощь при постройке водопровода, о каковой постройке общество и его беднейшая часть мечтали 65 лет».

Важной была помощь государства и в деле обеспечения крестьян сельскохозяйственными орудиями и инвентарем. Оснащенность ими крестьянских хозяйств была крайне низкой, что наряду с отсутствием тягловой силы тормозило восстановление и подъем сельского хозяйства. В 1924 г. в Дагестане было 88,5 % хозяйств без сложных уборочных машин, а без пахотных и уборочных машин – 67,2 %³¹.

Между тем большая часть сельхозинвентаря, машин и орудий из имений беков, и богатых граждан была расхищена зажиточными селянами и кулаками. Она оставалась или неиспользованной по назначению, или продавалась на сторону в ущерб интересам государства и бедноты. Сбор разграбленного сельскохозяйственного имущества в административном порядке производился Наркоматом земледелия при содействии Наркомата внутренних дел в случае необходимости³².

Отмечая интерес населения плоскостных районов к механической обработке земли и принимая во внимание недостаточность рабочего скота, что препятствовало расширению посевной площади, вышеуказанный съезд посчитал необходимым просить Центр снабдить плоскостной Дагестан тракторами, каковых требовалось на первое время – 8. Газета «Красный Дагестан» сообщала: «23 марта была произведена пробная пахота трактором «Фордзон», полученным из заграницы Госторгом и доставленным в Дагестан... На днях в Шамхал будут отправлены два трактора, где они произведут работу в присутствии сельчан... дагестанский крестьянин увидит ту железную машину, которая пришла на смену рабочему тяглу»³³.

В 1924–1925 гг. было завезено 35 тракторов этого типа и к 1926 г. общее число их составило по Дагестану 6334.

В республиканской газете «Красный Дагестан» часто сообщалось о сельскохозяйственных машинах фирмы «Балтик», хранившихся под открытым небом у Наркомата земледелия. Затем они были обменены на Кубани на более пригодные в условиях Республики на сумму в 55 тыс. руб. золотом³⁵. Полученные сенокосилки, жатки и другие орудия отпускались населению по довоенной цене в кредит до нового урожая. Спрос

со стороны населения был большой, и существовала необходимость пополнить имеющееся количество машин.

Торговым отделом Наркомата земледелия предлагались селянам плуги разных систем и размеров по цене от 30 до 60 ц зерна пшеницы за штуку³⁶. Они посчитали расценку очень высокой, так как у частных лиц можно было купить дешевле. По просьбе селян было возбуждено ходатайство о снижении расценки.

Кроме того, создавались сельскохозяйственные товарищества, которые помогали крестьянам с обеспечением сельхозинвентарем. Например, Щедринское кредитно-сельскохозяйственное товарищество было организовано в 1923 г. К октябрю 1927 г. в нем состояло 170 членов, а сумма открытого кредита равнялась 19680 руб. В течение 1925–1926 гг. было получено от банков ссуд на 10989 руб. Члены товарищества были снабжены: плугами – 47 штук, двухзвенными бородами – 13, сенокосилками – 10 и т. д.³⁷ Начав дело с нескольких копеек и десятка членов, товарищество развернулось в довольно сильную организацию с оборотом в сотни тысяч рублей.

Снабжение инвентарем и сельскохозяйственными машинами улучшилось после 1925 г. Вновь поступившую технику весной 1926 г. получили более 29 тыс. середняцко-бедняцких хозяйств Республики³⁸. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства позволило Республике проводить широкие агротехнические мероприятия, добиваться повышения урожая и лучшей его сохранности.

Таким образом, новая экономическая политика советской власти, призванная улучшить материальное положение, в частности сельского населения, в реальности обернулась для него тяжелым бременем. В повседневной жизни она вызвала нарекания дагестанского горца, поскольку проводилась без учета особенностей сельского хозяйства Дагестана. Кроме того, в селах еще сохранялось значительное имущественное расслоение, исходя из которого следовало проводить налоговое обложение крестьян. С другой стороны, государство осуществляло комплекс мер по повышению эффективности сельского хозяйства. В широких масштабах проводились мелиоративные работы, крестьянские хозяйства оснащались сельскохозяйственными машинами. Все это постепенно давало положительный результат, что благотворно сказывалось на повседневной жизни селян.

Примечания

¹ См.: Очерки истории Дагестана : в 2 т. / отв. ред. М. О. Косвен. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1957. Т. 2. 479 с.

- ² Город и деревня // Красный Дагестан. 1923. № 79 (310).
- ³ См.: Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 117.
- ⁴ См.: История советского крестьянства Дагестана. 1917–1980 гг. : в 2 т. / отв. ред. Г. Ш. Каймаразов. Т. 1 : 1917–1941. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1986. 302 с.
- ⁵ См.: Современный Дагестан. По материалам Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции ДССР. Махачкала : б/и, 1925. 212 с.
- ⁶ См.: Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 118–119.
- ⁷ Центральный государственный архив Республики Дагестана (далее – ЦГА РД). Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.
- ⁸ См.: Ходатайство о сложении задолженности // Красный Дагестан. 1927. № 17 (1435).
- ⁹ См.: Еще о семсуде // Красный Дагестан. 1927. № 5 (1428).
- ¹⁰ ЦГА РД. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 25. Л. 19, 19 об.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-800 (Дагестанское отделение ОГПУ). Оп. 5. Д. 3. Л. 2 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. Р-37(ДагЦИК). Оп. 19. Д. 66. Л. 138 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 143, 143 об., 144.
- ¹⁵ История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 100.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Современный Дагестан... С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 26–27.
- ²² Там же. С. 27.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 124.
- ²⁵ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д. 33. Л. 21.
- ²⁶ Там же. Д. 33. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Л. 92.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-168 (Совет Министров ДАССР). Оп. 4. Д. 5. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 86.
- ³¹ Там же. С. 89.
- ³² См.: ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 4. Д. 5. Л. 163.
- ³³ См.: Черный И. Сельское хозяйство // Красный Дагестан. 1923. № 68 (299).
- ³⁴ См.: История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 97.
- ³⁵ См.: Л. Наконец-то! // Красный Дагестан. 1923. № 70 (301).
- ³⁶ См.: Дорогая цена // Красный Дагестан. 1923. № 73 (304).
- ³⁷ См.: В. М. На помощь крестьянину // Красный Дагестан. 1927. № 28. (1441).
- ³⁸ См.: История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 90.

Поступила в редакцию 02.02.2020, после рецензирования 05.02.2021, принята к публикации 12.04.2021

Received 02.02.2020, revised 05.02.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 395–402
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 395–402
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-395-402>

Научная статья
УДК 94(470.67):001.32(470.67)|19|

Создание и развертывание деятельности научных учреждений по изучению Дагестана в 20-е годы XX века

М. Я. Мирзабеков

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, yash831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8006-2177>

Аннотация. В статье с привлечением разнохарактерного фактического материала рассмотрена деятельность органов власти Республики по созданию научных учреждений в регионе в 20-е гг. XX в. В заключении работы автор приходит к выводу о том, что в обозначенный период в регионе, несмотря на значительные трудности, начали функционировать первые научно-исследовательские институты, лаборатории.

Ключевые слова: Дагестан, федеральный центр, наука, научно-исследовательский институт, экспедиция, природные ресурсы, история, культура, искусство

Для цитирования: Мирзабеков М. Я. Создание и развертывание деятельности научных учреждений по изучению Дагестана в 20-е годы XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 395–402. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-395-402>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Creation and deployment of scientific institutions for the study of Dagestan in the 20s of the 20th century

M. Ya. Mirzabekov

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Dagestan, Russia

Mirzabek Ya. Mirzabekov, yash831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8006-2177>

Abstract. The article considers the activities of the authorities of the republic on the creation of scientific institutions in the region in the 20s of the twentieth century by using diverse factual material. In conclusion, the author comes to a reasonable conclusion that in the period under review, the first research institutes and laboratories began to function in the region, despite significant difficulties.

Keywords: Dagestan, federal center, science, research institute, expedition, natural resources, history, culture, art

For citation: Mirzabekov M. Ya. Creation and deployment of scientific institutions for the study of Dagestan in the 20s of the 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 395–402 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-395-402>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важным аспектом социально-культурного развития Дагестана в послеоктябрьский период являлось научное изучение его природных ресурсов, языков, истории и культуры населявших его народов, использование результатов этого изучения в восстановлении и развитии экономики, решении острейших социально-культурных проблем многонационального региона.

Одним из наиболее наглядных показателей заинтересованности государства в развитии науки в первые годы советской власти являлось ее фи-

нансирование. В Дагестане сумма государственных субсидий на развитие научной деятельности по сметам всех ведомств составляла в 1918 г. около 10–11 % от общих расходов центра (по РСФСР – 3 %). Для того времени этот показатель был очень высоким¹. Дагестан в тех условиях был не в состоянии освоить эти средства. В регионе, как и в других национальных окраинах страны, отсутствовали специальные научные учреждения и достаточно подготовленные специалисты из числа представителей дагестанских народов

для развертывания полноценного научного поиска в различных областях знания. Несмотря на эти и другие трудности, руководство Дагестана при активной поддержке Академии наук и других научных учреждений, заинтересованных ведомств и организации страны приступили к созданию и развертыванию деятельности научных учреждений в регионе.

В июне 1920 г. при подотделе искусств Дагестанского ревкома была создана секция охраны памятников старины. В июле 1920 г. эта секция открыла в г. Темир-Хан-Шуре «Народный музей Дагестана», который должен был заниматься собиранием и популяризацией наиболее выдающихся произведений искусства, памятников материальной культуры. В конце 1923 г. развернулась работа по созданию Центрального республиканского краеведческого музея в г. Махачкале (открылся он в апреле 1925 г.).

Дагестанский музей начал работу по изучению Дагестана. Научно-исследовательская деятельность в нем протекала в русле краеведения, уделялось большое внимание пополнению экспонатов музея и их описанию для последующего создания различных экспозиций.

Правительство Республики с началом мирного хозяйственного строительства большое внимание уделяло выявлению старинных рукописей в мечетях, у арабистов, изучению архивных материалов и сосредоточению их в специальных фондах. Именно в этот период в Республике создается Государственный архивный фонд. Для руководства этим фондом, а также для его пополнения новыми материалами Президиум ДагЦИКа 13 марта 1923 г. создал Архивное бюро Дагестанской АССР. В 1924 г. начинает свою работу Центральный государственный архив Республики. В этом же году Архивное бюро было преобразовано в Центральное управление архивными делами Дагестанской АССР².

Огромное значение для организации и планомерного систематического исследования природных ресурсов, истории, языков и культуры дагестанских народов имело создание специальных исследовательских учреждений. Первое научное учреждение по изучению Дагестана было создано в Москве при Пречистенском практическом институте в феврале 1922 г. – Институт по изучению Дагестана. Возглавил его профессор Д. П. Генкин (ректор Проблемного института), ученым секретарем был назначен профессор Римский-Корсаков. Научными сотрудниками института стали профессора и преподаватели Московского Пречистенского практического института, принимавшие непосредственное участие в работах по изучению Дагестана. Институт имел целью всестороннее исследование Дагестана, а именно:

а) естественных производительных сил – 1) климат, 2) почву, 3) флору, 4) фауну, 5) недра, 6) воды;

б) демографические условия – 1) население, 2) племенной состав;
в) этнические условия;
г) история края,
д) экономика края – 1) сельское хозяйство, 2) добывающая промышленность, 3) обрабатывающая промышленность, 4) кустарная промышленность, 5) транспорт, 6) торговля.

Для решения своих задач Институт организовывал: экспедиции в различные районы Дагестана, исследование которых особенно желательны и важно; исследовательские станции на местах; музей краеведения; лекции, экскурсии, курсы и научные сообщения³. На его открытии присутствовали руководители Дагестана: Н. Самурский – первый секретарь обкома партии, М. Далгат – председатель ДагЦИК, Дж. Коркмасов – председатель Совнаркома Республики. Институт просуществовал неполные 9 месяцев. Тем не менее значение его трудно переоценить в деле научного изучения Дагестана.

Большое значение в развертывании научной работы в Республике, в создании научно-исследовательских учреждений имел краевой съезд социалистической культуры, который прошел в Махачкале в 1924 г. В его работе активное участие принял академик Н. Я. Марр, в докладе которого большое внимание было уделено организации краеведческой работы во всех республиках Северного Кавказа. «Краеведение, – говорил Марр, – это ось будущей организации, как научно-исследовательского, так и научно-учебного, культурно-просветительского дела»⁴.

Исходя из решений съезда, в Республике в 1924 г. было открыто первое научно-исследовательское учреждение – Дагестанский научно-исследовательский институт в г. Махачкале. Руководство Республики считало, что «изучение многогранного по физико-географическому облику, необычайно разнообразного по составу, пестрого по быту и экономике Дагестана надлежащим образом может быть проводимо только при помощи работающего на месте или органически увязанного с местом аппарата»⁵.

Фактически свою деятельность Институт начал с января 1925 г. При нем были образованы следующие «разряды» (отделы): библиографический, этнолого-лингвистический, историко-археологический, естественно-научный, предполагалось организовать и экономический отдел⁶.

Институт создавался как комплексный, многопрофильный исследовательский центр. В условиях, когда в Республике не существовало других научных учреждений, он был призван взять на себя функции организации изыскательских работ по всем доступным направлениям, на первых порах планируя и руководя проведением научных экспедиций, вовлекая в работу местных специалистов⁷.

Для содействия делу изучения Дагестана был создан консультационный орган по вопро-

сам краеведения в Республике, перед которым ставилась задача объединения краеведческих учреждений, обществ и отдельных лиц.

В Дагестане было сформировано три краеведческих общества: общество изучения Нагорного Дагестана (г. Буйнакск), общество обследования Южного Дагестана (г. Дербент), Северо-Дагестанское краеведческое общество (г. Кизляр)⁸.

На первых порах в Институте насчитывалось пять штатных сотрудников: Д. М. Павлов, Н. И. Морев, М. М. Инкачилау, К. И. Каргина, Ю. А. Анзоров. Несмотря на острую нехватку подготовленных исследовательских кадров, должного финансирования, сотрудники института включились в разработку важных для Республики научно-исследовательских проблем. В 1924–1925 гг. Институтом были изданы: бюллетень музея № 1 со сведениями о ходе музейных и научно-исследовательских работ по Дагестану; работа А. А. Гроссейма «Растительность северного известкового Дагестана»; две брошюры: Д. М. Павлова «Схема организации Дагестанского музея» и М. А. Рябова «К вопросу об изучении Дагестана с биографической стороны»; каталог художественного музея; выпущена на средства Наркомпроса в издании Ассоциации брошюра академика Н. Я. Марра «Краеведение». Были сданы в печать следующие издания: бюллетени: музея № 2; № 1 Дагестанского сборника; три брошюры: Д. М. Павлова «Роль местных людей в деле краеведения», Н. И. Морева «О памятниках искусства и старины в Дагестане», М. А. Рябова «Об охране памятников природы в Дагестане»⁹.

Дагестанским научно-исследовательским институтом была налажена связь с рядом научных учреждений и организаций, находящихся в центре, и со многими видными учеными страны. Предпринимались попытки использовать активное содействие этих учреждений в интересах развертывания научной работы в регионе (часть их использовалась для консультативной работы, например, Академия истории материальной культуры, Музей антропологии и этнографии Академии наук; часть – для расширения своего научного влияния на Дагестан, например, Главная Геофизическая обсерватория, часть – для инструктирования местных научных кадров, например, Российский гидрологический институт, и др.)¹⁰.

В 1928 г. Дагестанский научно-исследовательский институт был преобразован в Институт культуры при СНК Дагестанской АССР. В постановлении бюро Дагестанского обкома партии от 21 июня 1928 г. «О создании Института дагестанской культуры»¹¹ указывалось, что «Институт должен непосредственно организовать научно-исследовательские работы в Дагестане кем бы они не производились, и популяризовать научные сведения среди широких масс».

Институту было предложено совместно с Госпланом разработать в Республике пятилетний

план научно-исследовательских работ, увязанный с перспективным планом развития ее народного хозяйства¹².

В первые годы советской власти острая нехватка материально-финансовых ресурсов и подготовленных к исследовательской работе кадров обуславливал необходимость использования традиционного пути научного поиска в регионе – научно-исследовательских экспедиций Академии наук и отраслевых научно-исследовательских институтов страны. Однако в новых условиях их цели и задачи изменились. Экспедиции стали комплексными, результаты исследований активно использовались в развитии отраслей индустрии и сельскохозяйственном производстве, решении острых социально-культурных проблем Республики. Организаторы научных экспедиций по возможности стремились привлечь к ним и местные культурные силы.

Работа по изучению почвенного покрова Дагестана проводилась в основном с 1922 г. Результатом исследований первых лет стали характеристики почв и составление схематических почвенных карт ряда районов Республики. С 1925 г. по инициативе и на средства Наркомзема ДАССР начинается планомерное, систематическое изучение почвенного и растительного покрова, которое к 1928 г. охватывает всю плоскостную часть Дагестана. Эти работы почти всюду проводились параллельно с ботаническим обследованием, которым руководил профессор И. В. Новопокровский.

Много было сделано в области геологического изучения Дагестана. С 1923 по 1927 г. под руководством В. Д. Голубятникова проводилось обследование горючих газов в районе «Дагестанских огней», Дузлака и др. Им же в 1924–1927 гг. была изучена широкая полоса третичных отложений (от Дербента до Каякента). Аналогичная работа на значительной территории Хасавюртовского, Буйнакского округов и Махачкалинского района была выполнена в 1923–1924 гг. К. П. Калицким. В 1923–1927 гг. геологи А. С. Либрович и Д. В. Дробышев, исследуя стратиграфию и тектонику меловых и юрских отложений, выяснили условия генезиса серных месторождений. В 1925 г. исследованиями В. П. Ренгартена были выявлены геологические условия и определено промышленное значение ряда месторождений полезных ископаемых в Кюринском и Самурском округах. Геологоразведочные работы в Дагестане проводили в эти годы Грознефть, Нефтяной институт и другие организации.

Результатом геологических исследований в указанный период стало начало промышленной эксплуатации ряда нефтеносных и газоносных участков, создание на их базе новых предприятий. Перед нефтяной промышленностью Республики, находившейся до революции в жалком состоянии, в новых условиях открылись перспективы бурного развития.

Зоологические экспедиции 1920–1927 гг., организованные Северо-Кавказским институтом краеведения и Дагнаркомпросом охватили 9 округов Республики (все, кроме Кайтаго-Табасаранского). В результате был собран богатый материал о позвоночных, насекомых, выяснен состав охотничьих и промысловых животных Дагестана, обследованы его пушные богатства, установлены районы возможных заповедников, частично определена фауна вредителей сельского хозяйства с целью выработки эффективных мер борьбы с ними.

В 1925–1927 гг. в Республике работала научная экспедиция, организованная Наркоматом земледелия ДАССР, которая обследовала состояние животноводства (коневодство, разведение крупного рогатого скота, овцеводство). Ею был собран значительный материал о развитии животноводства в регионе и его экономическом значении для Дагестана¹³.

Важным направлением научного поиска экспедиций, направлявшихся в Республику, являлось изучение языков, фольклора, истории, археологии Дагестана. Первая такая экспедиция в составе профессоров-лингвистов Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, искусствоведов А. С. Башкирова, Н. Б. Бакланова и других работала в Дагестане в 1923–1924 гг. В состав экспедиции был включен и дагестанец А. Шамхалов – сотрудник по этнолого-лингвистическому отделу.

В 1924 г. экспедиция работала с 29 июня по 4 сентября в Дербентском и Кайтаго-Табасаранском округах в следующих направлениях: этнолого-лингвистическом, искусствоведческом, архитектурном и археологическом. Были изучены даргинский (урахинское наречие) и кубачинский языки; исследован фонетический слог этих языков, собраны материалы по кубачинскому (1500 слов) и даргинскому (около 1000 слов) словарям; проанализирован грамматический строй кубачинского языка (по урахинскому наречию), записано около 400 слов в качестве примеров к аварской фонетике. Все материалы и записи по кубачинскому языку являлись первыми научно-достоверными сведениями о нем, доказывающими близкое родство этого языка с даргинскими наречиями.

В области фольклора и записей текстов на местных языках было собрано 16 связных текстов на кубачинском языке (в том числе песни и исторические предания), являющиеся первыми научно записанными текстами на этом языке: 9 преданий, 12 песен, 7 стихотворений, 1 заклинание против градобития на аварском языке.

Особое внимание уделялось обследованию художественно-кустарного ювелирного производства в селении Кубачи. Также были описаны жилище в этом селении, свадьбы в горном селении и танцы холостой молодежи в селении Амузги.

Изучение памятников архитектуры и искусства сопровождалось обследованиями, обмерами

и зарисовками 3-х архитектурных памятников в селении Ицари. Всего было выполнено 9 архитектурных обмеров с 46 чертежами и, кроме того, 23 наброска с предметов быта и искусства. Что касается направления археологии, был обследован ряд городищ и могильников в районе Махачкалы и Кубачей¹⁴.

23 августа 1924 г. на расширенном заседании Президиума ЦИК и СНК Республики обсуждались доклады руководителей экспедиции И. Ф. Яковлева и Н. Б. Бакланова. Выразив удовлетворение проделанной работой, правительство признало необходимым продолжить эти исследования, издать материалы экспедиции и перевести их на дагестанские языки. Результатом работы лингвистов экспедиции тех лет явились «Грамматика даргинского языка», «Язык аула Кубачи», «Грамматика аварского языка» и др.¹⁵ Они сыграли неоценимую роль при составлении учебников по этим языкам для школ Республики.

Работы по истории и археологии начинались с регистрации памятников старины. Было взято на учет и частично обследовано свыше 1500 интересных в историческом отношении объектов культуры. Имеющая очень широкую известность Дербентская стена стала объектом систематических обследований. Одновременно с регистрацией памятников старины начался учет надписей с копированием еще не отраженного литературного материала (М. Джамалов, М. Инкачилау, А. С. Башкиров), среди которых были обнаружены несколько весьма интересных памятников культуры. Уделялось внимание и сбору мемуарного материала (рукопись Магомеда Дибирова о гражданской войне в Дагестане, опубликованные воспоминания потомков Хаджи-Мурата – наиба имама Шамиля и др.).

Вместе с накоплением исторических материалов по Дагестану шло и написание исторических трудов. Так, были подготовлены очерки С. Габиева по мюридизму, работы А. Гасанова по истории Махачкалы, П. Спасского о Дербентской стене и др.¹⁶

В этот период органы власти Республики большое внимание уделяли изучению кустарных промыслов дагестанских народов. В 1926 г. состояние коврового промысла в Самурском округе по заданиям Дагестанского кустарно-промышленного союза обследовалось А. Пасынковым. Летом 1927 г. научным отделом кустарной промышленности было проанализировано состояние основных видов кустарных промыслов Дагестана (25 артелей) по заранее выработанной анкете, имеющей целью выборочное изучение в определенных пунктах состояния данного промысла в сравнительном плане, выявление перспектив его развития и необходимых мероприятий к его возрождению. Были изучены, главным образом, шерсто-обрабатывающие промыслы (суконно-бурочный и ковровый), а также металлообрабатывающий и кожевенный.

В целях подготовки квалифицированных работников для кустарной промышленности в Дагестане по ходатайству НКПТ Республики ВСНХ РСФСР были открыты 3 учебно-производственные мастерские: Цудахарская суконно-ткацкая и трикотажная, Ахтынская ковровая и Ботлихская – ткацкая и валяльная, снабженные усовершенствованными орудиями производства. В указанных мастерских в 1927/28 учебном году обучались 85 учащихся, в том числе 38 стипендиатов¹⁷.

После преобразования Дагестанского научно-исследовательского института в Институт дагестанской культуры усилилось внимание к сбору, систематизации и подготовке трудов по истории многонационального региона. За период 1929–1930 гг. в этом направлении была проделана следующая работа: научный сотрудник Института П. П. Алферьев осуществил сбор материалов для разработки темы «Газават в свете классово-борьбы в Дагестане» и начал работу по его систематизации; Т. В. Андреева занялась подбором материалов по истории феодализма в Дагестане; сотрудник П. Н. Ковалев завершил следующие исследования: «Классовая борьба в Дагестане. 1917–1921 гг.», «Краткий исторический очерк Дагестана», «1905 г. в Дагестане», «Хроника 1904 г.».

Али Каяв собрал рукописи по древней истории Дагестана на арабском языке и интересную переписку местного происхождения, относящуюся к эпохе Кавказской войны и восстанию 1877 г.; академик В. В. Бартольд перевел с арабского языка две большие статьи на слова «Дагестан» и «Дербент» для энциклопедии ислама; сотрудник А. Шамхалов перевел на русский язык надписи на знаках отличия в эпоху Шаги (всего 19 надписей), рецензировал русский перевод «Асари Дагестан» Г. Алкадарского и др.

Исключительный научный и практический интерес представляли художественно-музыкальные экспедиции, которые стали новым направлением изучения культуры дагестанских народов в послеоктябрьский период. В сентябре 1921 г. 1-я художественно-музыкальная экспедиция выехала по маршруту: Дженгутай, Урма, Леваша, Акуша, Апшима, Улучара, Казикумух, Согратль, Чох, Гуниб, Карадахское ущелье, Хунзах, Анди, Ботлих и обратно через Игали, Гимры. Перед ней была поставлена задача ознакомиться с песнями, бытом, костюмами, пейзажем. Экспедиция работала плодотворно. Зарисовки и записи песен делались почти на каждой продолжительной стоянке, а также в пути. Через месяц экспедиция вернулась. Был сделан доклад на общем собрании Рабпроса, организованы выставка зарисовок, знакомство с песенной культурой дагестанцев, подготовлен полный отчет о работе экспедиции Народному комиссариату просвещения Республики.

Вторая экспедиция состоялась в июне 1925 г. в Самурский и Кюринский округа в составе 4 лиц: студента Ленинградской консерватории

Г. Гасанова, Д. Капаницына, художника Е. Брюнелли и фотографа П. Капаницына. Наркомпрос Республики выделил 400 руб. на месяц работы, Дагестанский музей дал инструкции, фонограф, валики. Экспедицией песенные мотивы были записаны на 83 валиках. Д. Капаницын провел исследовательскую зарисовку коврового, кожаного и других кустарных производств. Е. Брюнелли подготовила очерк о положении женщины в Южном Дагестане с последовательной зарисовкой важнейших моментов из ее жизни. П. Капаницыным был оформлен альбом фотографий по Южному Дагестану.

Летом 1926 г. Дагестанским научно-исследовательским институтом была отправлена экспедиция в Нагорный Дагестан по маршруту: Аракань, Гергебиль, Могох, Хунзах, Гидатль, Тлярата, Гочоб, Согратль. Чох, в состав которой вошли: Г. Гасанов и переводчик Сааду Магомаев. Последний был обязан записать тексты исполняемых песен. Эта экспедиция в месячный срок записала на фонографе около 100 песен и 120 текстов на аварском языке. Ее работа оказалась плодотворной и в научном плане. В 1927 г. было подготовлено исследование об аварской музыке, которая была заслушана и одобрена этнографической секцией Государственного института музыкальной науки в августе, а автору Г. Гасанову присвоена степень член-корреспондента ГИМН¹⁸.

Дагестанское руководство, несмотря на острую нехватку материально-финансовых ресурсов, уделяло большое внимание подготовке научных кадров в других регионах страны. Так, в 1926 г. выдавались стипендии художникам, продолжавшим образование: Х. Мусаеву (Мюнхен), М. Джамалову (Тифлис), скульптору Аскарму Сарыдже (Ленинград), аспиранту научно-исследовательского института М. Шамхалову, занимающемуся лингвистикой. Оказывалась поддержка в научной работе также студенческим кружкам в Баку и Ленинграде¹⁹. Однако и после реорганизации и образования Института дагестанской культуры общая численность его научных сотрудников оставалась ограниченной. По данным на октябрь 1929 г. в составе Института дагестанской культуры числилось 3 научных сотрудника, 2 научно-технических сотрудника, 3 сборщика материалов, 1 секретарь, 1 счетовод-завхоз, 1 машинистка. Кроме несения своих прямых обязанностей по Институту, эти сотрудники систематически участвовали в заседаниях целого ряда учреждений как в качестве представителей, так и персонально.

При Институте дагестанской культуры имелись научная библиотека, Дагестанский музей, Центральное бюро краеведения, Главный комитет по охране памятников природы, искусства и старины, метеорологическое бюро, кружок любителей естествознания, Полиологическая комиссия, Комиссия по поднятию производительности сельского хозяйства, лабораторное бюро и бюро

по опытному делу²⁰. В отличие от своего предшественника Институт дагестанской культуры имел свой постоянный бюджет, который на 1929 г. составил 33178 руб.²¹ Однако этих средств остро не хватало для развертывания исследовательских работ в Республике.

Параллельно с экспедиционными обследованиями природных ресурсов, языков, фольклора, вопросов истории, археологии, культуры в первое десятилетие советской власти руководство Дагестана при активной поддержке центральных отраслевых научно-исследовательских институтов развернуло целенаправленную работу по созданию институтов, лабораторий, опытных учреждений, призванных оказать содействие развитию производительных сил, решению острых медико-санитарных и иных социально-культурных проблем многонационального региона. В их числе были Дагестанская областная сельскохозяйственная селекционная станция (Дербент, 1925); Станция защиты растений Народного Комиссариата земледелия (Махачкала, 1926); Кизлярская опытно-мелиоративный участок (в составе КОМО) (Кизляр, 1924); Коровский опытно-мелиоративный участок около селения Самуркент Махачкалинского округа (1926); Опытный участок по сортоиспытанию зерновых культур (Хасавюрт). В ведении Народного комиссариата земледелия Республики и Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур – Опытное поле технических культур (селение Буртунай Хасавюртовского округа, 1927); Хасавюртовское опытное хлопковое поле (Хасавюрт, 1925); Дагестанская государственная научная библиотека (Махачкала, 1924); Дагестанская научно-промышленная лаборатория (Махачкала, 1925) и др.²²

В июле, августе и сентябре 1925 г. была организована экспедиция по обследованию полеводства и полевых культур во всех округах Республики. Это обследование имело своей основной целью выявление современного состояния сельского хозяйства Дагестана как с экономической стороны, так и с технико-организационной. В то же время оно имело и чисто селекционное значение. В результате обследования был собран огромный материал как статистико-экономический, так и по полевым культурам, возделываемым в Дагестане, который должен был стать основной базой развертывания работ станции по изучению всех существующих сортов полевых культур Республики.

Осенью 1925 г. в г. Дербенте на территории селекционной станции была начата систематическая работа по обследованию полеводства и полевых культур, проводимая на средства, отпущенные Наркомземом Республики²³. В 1925/26 г. на эти цели было выделено 4100 руб., в 1926/27 г. – 2399 руб.²⁴

1926/27 г. прошел под знаком дальнейшего материального и организационного укрепления опытных учреждений, разработки конкретных планов и программы работ. Расширение шло

лишь по линии метеорологической сети, в состав которой было включено в этом же году еще 7 новых станций. В штатном составе указанных учреждений состояло 39 квалифицированных специалистов, из которых почти все имели законченное высшее образование. Кроме того, было 15 наблюдателей на метеостанциях и до 15–20 чел. временного младшего технического персонала, по преимуществу студентов вузов²⁵.

Дагестанский Центральный совет народного хозяйства, учитывая необходимость научного исследования вопросов, связанных с развитием промышленности, улучшением качества продукции, удешевлением ее себестоимости и ряда других вопросов отраслей индустрии региона, решил образовать одну общую Центральную лабораторию, которая бы обслуживала все отрасли промышленности. В январе 1927 г. Дагестанский Центральный совет народного хозяйства отпустил лаборатории необходимые средства для снабжения ее приборами, реактивами и литературой. К концу года она уже имела полное оборудование бактериологического отдела и была укомплектована на 80 % всем необходимым для химического отдела. Был также приобретен и установлен аппарат для выработки газа, которым снабжалась вся лаборатория, устроен внутренний водопровод²⁶.

В первые годы советской власти острой проблемой Дагестана, которая крайне негативно отражалась на развитии отраслей народного хозяйства и деятельности социально-культурных учреждений, являлась малярия. В Республике началась работа по искоренению этого тяжелого заболевания. Так, на совещании при ДагЦИКе 20 октября 1927 г. был специально рассмотрен вопрос «О борьбе с малярией в Дагестане». Для организации планомерной борьбы с малярией в Республике были проведены следующие мероприятия: при ДагЦИКе создана полномочная комиссия с участием заинтересованных ведомств и организаций для выработки плана противомалярийных мероприятий; при Наркомате здравоохранения образован научно-практический центр по изучению малярии и борьбе с ней – Тропический институт; в Москву командированы врачи для специальной подготовки в центральном Тропическом институте; расширена и укреплена существующая сеть малярийных станций²⁷.

Дагестанский тропический институт Наркомата здравоохранения Республики был организован 28 апреля 1928 г. Перед ним были поставлены следующие задачи: научная организация и руководство делом борьбы с малярией в Дагестане; борьба с глистными заболеваниями, амёбной дизентерией и другими инфекциями. Институт проводил следующие научно-исследовательские работы: а) изучение водного фактора – правильной организации осушительных гидротехнических и мелиоративных работ; б) изучение амёбной дизентерии в Дагестане и проведение экспериментов по дифференцировке патогенных и непатогенных

видов амев; в) эксперименты по изучению токсического действия глист на микроорганизмы; г) изучение действия новых химиотерапевтических препаратов при лечении малярии; д) серологическая диагностика малярии. Учреждение находилось в совместном ведении Наркомата здравоохранения Республики и Тропического института в г. Москве²⁸. С организацией Тропического института борьба с малярией в Дагестане стала вестись систематически.

Большую роль в организации планомерного изучения многонационального региона призвана была сыграть созданная в 1924 г. государственная научная библиотека при Дагестанском научно-исследовательском институте. В положении о научной библиотеке отмечалось, что независимо от удовлетворения интересов ученых и учебных работников библиотека открыта для научных работ посторонних лиц в пределах и на условиях, устанавливаемых соответствующими «Правилами пользования»²⁹. По данным на 25 января 1926 г. книжный фонд библиотеки составлял свыше 14000 томов, преимущественно литературы по кавказоведению. При библиотеке был создан отдел рукописей, в котором насчитывалось более 80 названий³⁰.

Таким образом, с 1924 г. усилиями дагестанского руководства при активной помощи и поддержке научного сообщества страны в Республике началась работа по созданию и развитию Дагестанского научно-исследовательского института (с 1928 г. Институт был преобразован в Институт культуры при СНК Дагестанской АССР), отраслевых институтов, лабораторий, опытных учреждений, которые развернули целенаправленную работу по изучению производительных сил, языков, истории, культуры многонационального региона. В исследуемый период они переживали стадию становления. Неоценим вклад русских ученых в эту благородную работу – И. Н. Новопокровского, В. Д. Голубятникова, К. П. Калицкого, А. С. Либровича, Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, А. С. Башкирова и др. В 20-е гг. в Дагестане появились нефтяная, стекольная и некоторые другие отрасли промышленности. В научно-исследовательской работе в Республике наряду с представителями братских народов (прежде всего русского) все активнее участвовали молодые сотрудники и аспиранты из числа представителей дагестанских народов – А. Шамхалов, Г. Гаджибеков, И. Абдуллаев, Г. Гасанов и др.

В рассмотренном ракурсе данная научно-исследовательская проблема по многим аспектам впервые поставлена в отечественной историографии. Первоочередной задачей является продолжение научного поиска в этом направлении. Несмотря на создание и развитие научно-исследовательских учреждений в Республике, основную роль в изучении природных ресурсов, истории, языка, фольклора, истории и культуры дагестанских народов в анализируемый период продолжали играть экспедиции академических

и центральных отраслевых научно-исследовательских институтов.

Примечания

- 1 См.: *Камилов И. К.* Российская академия наук и наука Дагестана. Махачкала : Дагестанский научный центр Российской академии наук, 2001. С. 44.
- 2 См.: Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг. Документы и материалы : в 3 т. / сост. : Л. Г. Каймаразова, М. М. Амирханова. Махачкала : Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2003. Т. 1. С. 12–13.
- 3 Там же. С. 33–39.
- 4 См.: Сообщение газеты «Красный Дагестан» об открытии краеведческого съезда социалистической культуры горских народов // Красный Дагестан. 1924, 7 сент.
- 5 См.: *Павлов Д. М.* Общая характеристика научной работы в Дагестане // Десять лет научных работ в Дагестане. [1918–1928] : сборник статей / под ред. Д. М. Павлова и А. А. Тахо-Годи. Махачкала : Терек, 1928. С. 5.
- 6 См.: Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг. Т. 1. С. 14.
- 7 Там же. С. 69.
- 8 Там же. С. 75.
- 9 См.: Институт истории, археологии и этнографии. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы / сост. : Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко, Н. Д. Чекулаев. Махачкала : Наука-Дагестан, 2014. С. 91.
- 10 Там же. С. 90.
- 11 Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. П-1 (Дагестанский обком КПСС). Оп. 1. Д. 1006. Л. 149–150.
- 12 См.: Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг. Т. 1. С. 77.
- 13 См.: *Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М. : Наука, 1971. С. 240–241.
- 14 См.: Роль России в экономическом и культурном развитии Дагестана (1921–1990 гг.) : Документы и материалы / сост. : Г. И. Какагасанов, М. К. Нагиева, Н. Д. Чекулаев. Махачкала : АЛЕФ : ИП Овчинников М. А., 2011. С. 283–284.
- 15 См.: *Каймаразов Г. Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 2007. С. 173.
- 16 См.: *Павлов Д. М.* Изучение человека за послереволюционный период // Десять лет научных работ в Дагестане 1918–1928 : сборник статей. С. 65–66.
- 17 См.: *Алкадарский А.* Работы ДСУ в области обследования и изучения Дагестана // Десять лет научных работ в Дагестане 1918–1928 : сборник статей. С. 54–55.
- 18 См.: *Гасанов Г.* 10 лет музыкальной этнографии в Дагестане // Десять лет научных работ в Дагестане 1918–1928 : сборник статей. С. 67–69.
- 19 См.: Институт истории, археологии и этнографии. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы 1924–2014 гг. ... С. 132.

- ²⁰ Там же. С. 166.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг. Т. 1. С. 102–104.
- ²³ См.: Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг. : сборник документов : в 2 т. / отв. ред. Г. И. Какагасанов. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 1980. Т. 1. С. 227–229.
- ²⁴ См.: Вейсман А. А. Обследовательские работы за последние 10 лет в связи с задачами селекции и полеводства // Десять лет научных работ в Дагестане. [1918–1928] : сборник. С. 41–42.
- ²⁵ См.: Шульженко И. Н. Организация опытного дела в ДАССР // Десять лет научных работ в Дагестане. [1918–1928] : сборник. С. 35–39.
- ²⁶ См.: Митропольский С. А. О деятельности научно-промышленной лаборатории НКПТ ДАССР // Десять лет научных работ в Дагестане 1918–1928 : сборник статей. С. 59–61.
- ²⁷ См.: История развития здравоохранения в Дагестане в XX в. Документы и материалы : в 2 т. / сост. М. К. Нагиева. Махачкала : Отпечатано в типографии Алеф, ИП Овчинников М. А., 2015. Т. 1 (1900–1941 гг.). С. 121.
- ²⁸ См.: Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 237.
- ²⁹ См.: Институт истории, археологии и этнографии. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы 1924–2014 гг. С. 60.
- ³⁰ Там же. С. 101.

Поступила в редакцию 30.03.2020, после рецензирования 04.04.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 30.03.2020, revised 04.04.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 403–409
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 403–409
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

Научная статья
УДК [94:322](470.44)|1945/1953|

«Саратовская купель»: осложнение государственно-церковных отношений в СССР в конце 1940-х гг. (на материалах Саратовского Поволжья)

Я. Ю. Гусева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гусева Яна Юрьевна, соискатель кафедры отечественной истории и историографии, YanaGuseva85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви (РПЦ) в конце 1940-х гг. на территории Саратовского Поволжья. После нескольких лет вынужденного перемирия государство вновь перешло к ужесточению религиозной политики и возобновлению активной антирелигиозной кампании. Одним из поводов послужил скандал в Саратовской области в 1949 г., связанный с массовым купанием на праздник Крещения и последующей публикацией фельетона И. Рябова в газете «Правда» под названием «Саратовская купель». Последовавшая за данными событиями антирелигиозная кампания вскрыла многократные проявления религиозности в Саратовской области как простого населения, так и представителей власти. Выяснилось, что многие участвовали в таинствах Церкви, носили кресты, оказывали посильную помощь Церкви. В результате снова началась волна административных наказаний: верующих исключали из партии, увольняли с работы. Однако полного разрыва государства с церковью не произошло, что было связано с активной внешнеполитической деятельностью РПЦ и ее участием в борьбе за мир.

Ключевые слова: взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви, Саратовская область, Саратовская епархия, фельетон «Саратовская купель», антирелигиозная пропаганда

Для цитирования: Гусева Я. Ю. «Саратовская купель»: осложнение государственно-церковных отношений в СССР в конце 1940-х гг. (на материалах Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 403–409. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Saratov font”: Complication of church-state relations in the USSR in the late 1940s
(based on materials from the Saratov Volga region)

Ya. Yu. Guseva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yana Yu. Guseva, YanaGuseva85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>

Abstract. The article reveals the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (the ROC) in the late 1940s on the territory of the Saratov Volga region. After several years of a forced truce, the state began to tighten its religious policy again and resumed an active anti-religious campaign. One of the reasons was the scandal in the Saratov region in 1949, connected with the mass bathing on the Epiphany holiday and the subsequent publication of I. Ryabov’s feuilleton called “Saratov font” in the Pravda newspaper. The anti-religious campaign that followed these events revealed multiple manifestations of religiousness in the Saratov region of both the ordinary population and representatives of the authorities. It turned out that many people participated in the sacraments of the Church, wore crosses and provided all possible assistance to the Church. As a result, a wave of administrative punishments started again: believers were expelled from the party, fired from their jobs. But a complete rupture of relations between the state and the church did not happen, which was associated with the intense foreign policy activities of the ROC and its participation in the struggle for peace.

Keywords: the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church, Saratov region, diocese of Saratov, “Saratov font” feuilleton, anti-religious propaganda

For citation: Guseva Ya. Yu. "Saratov font": Complication of church-state relations in the USSR in the late 1940s (based on materials from the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 403–409 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Период с 1941 по 1947 г. был временем более терпимого, внешне благожелательного отношения Советского государства к Русской Православной Церкви. Государственно-церковные отношения, установившиеся в годы войны, казалось, развивались в лучшую сторону. Открывались храмы, выпускались на свободу священнослужители, возрождались архиерейские кафедры. Но это была лишь видимость церковного возрождения. Так, к 1948 г. в Русской Православной Церкви числилось 14 329 храмов. Это менее 1/5 от количества храмов, действовавших до революции. Но и из этого числа Русская Православная Церковь уже имела 3 021 действующий храм в 1941 г., причем около 3 тыс. из них находились на территориях, присоединенных в 1939–1940 гг.¹

За годы войны на территориях, оккупированных Германией, было открыто 7 547² церквей, 2 491³ храм перешел к РПЦ от униатов. В результате за 1942–1947 гг. советскими властями было открыто только 1270 храмов, т. е. менее 2 % от числа храмов, имевшихся у РПЦ до прихода к власти большевиков. Из этого количества в ходе войны было открыто лишь 529 храмов. Эта цифра говорит о конъюнктурном, вынужденном характере смягчения политики И. В. Сталина по отношению к РПЦ в годы войны. Данный вывод подтверждается и данными таблицы.

Уступки советского руководства Русской Православной Церкви (восстановление патриаршества, открытие храмов, семинарий и т. д.) были вынужденными и обуславливались как неблагоприятной военной обстановкой первого периода войны, так и вытекавшими из нее важными внешнеполитическими задачами (обретение союзников). Кроме того, уступка была вынужденной реакцией власти на открытие без преувеличения огромного числа храмов и приходов, беспрепятственную религиозную жизнь на оккупированной территории¹⁷. Однако после завершения коренного перелома в ходе войны, с конца 1944 г. политика власти в отношении церкви начинает постепенно, пока еще довольно мягко возвращаться в старое довоенное русло. С выходом 28 сентября 1944 г.

постановления ЦК ВКП (б) «Об организации научно-просветительской пропаганды» начинается агитационно-пропагандистская деятельность властей, носящая антирелигиозный характер и направленная, прежде всего, против РПЦ.

Вопрос оживления религиозных настроений был поднят в Саратовской области в декабре 1946 г. на областном совещании заведующих отделами агитации и пропаганды, заведующих партийными кабинетами райкомов и горкомов ВКП (б) партии Степанидиным, заведующим отделом агитации и пропаганды Ворошиловского райкома, который говорил о том, что в личных беседах с представителями «сельской интеллигенции» проскальзывало «бахвальство», рассказы о венчании и обручальных кольцах¹⁸. Согласился с ним и секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации М. Г. Мурашкин, добавив, что сейчас вопросу религиозного влияния в ряде случаев не придается серьезного значения, а некоторые партийные деятели считают, что раз было разрешено богослужение в церкви, то политика государства изменилась. М. Г. Мурашкин объяснил, что политика большевистской партии по отношению к религии не менялась и меняться не будет, и поэтому нельзя относиться равнодушно к религиозным вопросам. Секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации призвал бороться за материалистическое мировоззрение, напомнив, что оружие в борьбе – решение ЦК партии о естественной-научно пропаганде¹⁹.

4 марта 1948 г. заведующий сектором парткадров обкома ВКП (б) Митяньшев докладывал М. Г. Мурашкину итоги городской партийной конференции в г. Пугачеве, на которой также был поднят вопрос о росте влияния «церковников». Так, коммунисты Аристов и Киселев в своих выступлениях на конференции 29 февраля 1948 г. приводили данные о росте «влияния церковников», о том, что церковные свадьбы, крестины участились и входят в быт и что комсомольцы допускают свадьбы в церкви. Митяньшев посетовал на то, что работа городской партийной организации по данному вопросу совершенно отсутствует,

Основные показатели благополучия Русской Православной Церкви в 1917–1948 гг.

Основные показатели благополучия РПЦ		1917 г.	1941 г.	1948 г.
Количество храмов	Всего	77 682 ⁴	3 021 ⁵	14 329 ⁶
	В Саратовском Поволжье	1 064 ⁷	0	14 ⁸
Количество священнослужителей	Всего	6 819 ⁹	?	11 846 ¹⁰
	В Саратовском Поволжье	?	0	38 ¹¹
Количество архиереев	Всего	179 ¹²	4 ¹³	70 ¹⁴
	В Саратовском Поволжье	1 ¹⁵	0	1 ¹⁶

несмотря на то, что данные сигналы заслуживают серьезного внимания и проверки на местах. По итогам доклада Митяньшева секретарю Пугачевского горкома ВКП (б) Приходько были даны жесткие указания об усилении антирелигиозной пропаганды²⁰. Таким образом, охлаждение государственно-церковных отношений становилось заметным уже в первые послевоенные годы.

18 марта 1948 г. Совет по делам РПЦ вынес последнее, позднее отмененное, постановление об утверждении принятых местными органами власти решений об открытии церквей. 25 июля 1948 г. министр государственной безопасности В. С. Абакумов подал И. В. Сталину обширную докладную, где подчеркивалась необходимость усиления репрессий против Церкви. В сентябре 1948 г. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), возглавляемый Д. Т. Шепиловым, разработал проект постановления, которое получило название «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний»²¹.

Исследователи среди причин охлаждения государственно-церковных отношений чаще всего называют переключение внимания правительства на новый виток внутривластной борьбы, чисток и репрессий. Вновь заработала полным ходом «машина устрашения». Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личного самознания, религиозного жизнеощущения²². Однако немало важными были и внешнеполитические причины.

Церковь в послевоенные годы использовалась для нейтрализации возможного сопротивления православных христиан в странах Восточной Европы, когда иерархи РПЦ убеждали руководство румынской, болгарской, сербской православных церквей не пытаться становиться в активную оппозицию коммунистическому режиму²³. Но уже к концу 1948 г. в странах Восточной Европы постепенно утвердились коммунистические режимы, в результате чего политическая целесообразность активной деятельности Русской Православной Церкви, с точки зрения сталинского режима, уже не имела смысла. Сюда же можно присоединить и провал попытки Патриаршей Церкви стать во главе мирового православия. В образах сталинского мышления Церковь снова стала помехой, поскольку оставалась несовместимой с идеологией сталинского социализма²⁴.

В 1949 г. произошло резкое обострение государственно-церковных отношений. Его началом послужила публикация в газете «Правда» от 19 февраля 1949 г. фельетона под названием «Саратовская купель» о массовом купании на праздник Богоявления в Саратове²⁵. Примечательно, что еще 6 декабря 1948 г. глава Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов разослал своим уполномоченным инструктивное письмо № 34 (№ 1135 с) с предложением о том, «чтобы на местах не чинилось препятствий к нормальному совершению богослужений в храмах, а также

крестных ходов в дни рождественских и крещенских праздников». Епископ Борис Вик после крещенских торжеств, в конце января 1949 г. сообщил уполномоченному Совету по делам РПЦ П. В. Полубабкину, что «служба и крестные ходы прошли нормально, препятствий со стороны местных органов советской власти не было».

В крестных ходах участвовало довольно много людей: в Саратове – до 10 тыс. чел., в Вольске – до 5 тыс., в Хвалынске – около 2 тыс.²⁶ Отчеты представителей государственной и церковной властей свидетельствуют о том, что реакция вышестоящих органов была для них неожиданной.

В Саратове и других районах области власти оказывали помощь в проведении праздника Крещения. В Саратове, опасаясь за состояние льда на Волге, сотрудники ОСВОДа поставили в опасных местах предупредительные вехи и по заказу священнослужителей сделали прорубь в безопасном месте и крест изо льда. Милиционеры помогая верующим ходить в прорубь и выходить из нее, потом и сами искупались²⁷. В Дергачах в день праздника верующие организовали крестный ход на воду и купание в проруби на р. Алгата. В числе купающихся были бригадир колхоза «Пятилетка в 4 года», жена председателя Петропавловского сельсовета и др. Купающимся на обратном пути были предоставлены лучшие колхозные лошади²⁸. Начальник ОРС (Отдел рабочего снабжения – организация (предприятие) государственной розничной торговли в СССР) Ртищевского района выдал напрокат священнику Ртищевской церкви 2 больших кадки для крещенского водосвятия, которые были установлены около церкви, из них верующие черпали святую воду²⁹.

Саратовские события стали предметом для разбирательства на Секретариате ЦК ВКП (б) в начале февраля 1949 г. В Саратов срочно был командирован заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшев. По итогам его поездки были составлены докладные записки в ЦК партии о положении Церкви в Саратовской области, о духовенстве Саратовской епархии, о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ П. В. Полубабкина. Совет в предоставленных документах особо подчеркивал, что религиозный обряд прошел без нарушений существующего порядка. Несмотря на все его усилия сгладить сложившуюся ситуацию, разработчики антицерковного постановления из Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) нашли в «саратовском купании» необходимый им яркий пример «церковного мракобесия». В результате было принято постановление ЦК ВКП (б) «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещения” в г. Саратове»³⁰.

В свою очередь 10 февраля 1949 г. бюро Саратовского горкома партии обсудило произошедшее и постановило отправить в отставку председателя Волжского райисполкома И. Д. Прибытка с за-

несением выговора в личное дело. Та же мера наказания постигла заведующего городским коммунальным отделом Скрябина и начальника Горосвода (городское отделение Общества спасения на водах) Т. Карамышева. Заместителю начальника городского управления милиции Комарову объявили выговор³¹.

Именно с публикации фельетона И. Рябова «Саратовская купель» антирелигиозная кампания получила большой размах не только в Саратовской области, но и в целом по стране. Фельетон послужил толчком к выходу целого ряда антирелигиозных статей воинствующего характера и принятию административных мер против духовенства и верующих. Чтобы обратить особое внимание партийных организаций на вопросы, поднятые в фельетоне, Саратовский обком ВКП (б) подготовил и направил горкомам и райкомам Закрытое письмо «О задачах партийных организаций по усилению идейно-политического воспитания коммунистов и улучшению естественной пропаганды среди населения»³².

В результате областной комитет постановил: обсудить фельетон на собраниях первичных парторганизаций; систематически заслушивать на бюро обкома отчеты об антирелигиозной пропаганде; провести районные собрания агитаторов; укрепить состав лекторских групп; проверить идейный уровень преподавания в школах. Секретарь обкома ВКП (б) А. Ключников докладывал заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Д. Т. Шепилову, что «Саратовская областная партийная организация, сделав серьезные выводы из фельетона “Саратовская купель”, приложит все силы к тому, чтобы противопоставить проискам церковников-мракобесов научную марксистско-ленинскую пропаганду, решительно улучшит дело политического воспитания трудящихся области»³³.

Во всех первичных партийных организациях области планировалось провести собрания по Закрытому письму Обкома ВКП (б). Так, например, из 119 первичных партийных организаций Балаковского района партийные собрания состоялись в 82 организациях. В Свердловском районе с 14 до 22 марта 1949 г. собрания были проведены в 43 парторганизациях, на которых присутствовали 402 коммуниста, в прениях участвовали 156 чел. В Саратове на 21 марта 1949 г. из 726 партийных организаций города обсудили закрытое письмо только 319³⁴.

На собраниях вскрывались «факты политической слепоты и потери большевистской бдительности отдельными коммунистами». Секретарь Балаковского райкома партии Сыромолот сообщал, что на закрытых партийных собраниях района текст Закрытого письма и фельетон вызвали живой интерес у коммунистов. Так, на совещаниях первичных партийных организаций Свердловского района они «выражали твердую решимость в повседневной работе приложить все

силы по преодолению религиозных предрассудков». Секретарь обкома ВКП (б) М. Г. Мурашкин доложил заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Д. Т. Шепилову, что случай, описанный в фельетоне, вызвал возмущение подавляющего большинства трудящихся Саратова и области³⁵.

События, описанные в фельетоне, и последствия, с ним связанные, обсуждались на заводах и в учебных заведениях. В частности, профессор Саратовского госуниверситета С. Г. Лехницкий говорил на партсобрании: «Я глубоко возмущен теми безобразиями, которые описаны в фельетоне, и очень сожалею, что такие факты происходят в Саратове – городе вузов. К своему удивлению я узнал, что профессор Красовская и ее муж придерживаются иного взгляда. Они считают, что появление этой статьи оскорбляет чувства верующих». Спокойнее высказался доцент кафедры русской литературы Е. Т. Павловский: «Этот фельетон не порицает сам факт освящения Иордани, а только осуждает варварский обычай купания голыми зимой в проруби». А доцент экономического института И. Ф. Ломов высказался так: «На крещение каждый год бывало купание и по поводу этого ничего не писалось, а теперь об этом написана целая статья в “Правде”. Вероятно, ставка в отношении религии стала меняться. Очень давно ничего не печаталось такого, что было бы направлено против религии». Сотрудник Вольского музея П. С. Козлов назвал фельетон «началом гонений против религии»³⁶.

Как антисоветское было расценено высказывание учительницы Базарно-Карбулакской школы, которая сказала, что статья имеет большие разногласия с Конституцией. «В Конституции говорят одно, а сами делают по-другому. Сколько я знаю, не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь заболел после купания». На заводе № 292 Министерства авиационной промышленности плановик Бурлакова высказала даже такое мнение: «Церковь послужила полезное дело во время Великой Отечественной войны, а теперь она не нужна, поэтому и стали нападать на религию»³⁷.

Если не считать верноподданническое выступление профессора Лехницкого, больше напоминавшее донос на коллег, в остальных приведенных фрагментах выступлений их авторы, не находившиеся под влиянием сталинской пропаганды, дали довольно объективные оценки происшедшему – началу новых гонений на церковь.

После всех событий, связанных с фельетоном, в Саратовской области антирелигиозная пропаганда получила еще больший размах. Достаточно сказать, что за первое полугодие 1949 г. лекторами обкома, горкомов, райкомов было прочитано 1345 лекций на антирелигиозные темы («Марксизм-ленинизм о религии», «Происхождение и классовая сущность религии», «Как возникли религиозные обряды и праздники», «Научное предвидение и суеверия» и др.). Лекции, как

сообщалось в докладе о работе лекторской группы Саратовского областного комитета ВКП (б) за первое полугодие 1949 г., активно посещались и с интересом слушались³⁸.

Например, на заводе «Коммунист» Марковского района состоялась вечер с чтением доклада «Происхождение жизни на земле», на котором присутствовали 300 чел. В Ртищевском районе была проведена серия бесед по местному радиовещанию на антирелигиозные и естественно-научные темы, а 22 марта 1949 г. состоялось общегородское собрание агитаторов, посвященное обсуждению пропаганды естественнонаучных знаний. Отдел пропаганды Пугачевского райкома партии за февраль – март 1949 г. провел 17 лекций на антирелигиозные темы. Бюро Федоровского райкома партии выделило группу лекторов в составе 6 чел., которым было поручено подготовить доклады. С ними они начали выступать с 25 марта 1949 г.³⁹

В архиве сохранились и другие факты. В Дергачевском районе Саратовской области лекция перед Пасхой была сорвана, слушатели не появились. В церкви же, наоборот, в этот вечер было много людей. Обком ВКП (б) обвинил работников Дергачевского райкома, которые не провели должной работы с населением⁴⁰.

Главной проблемой в организации лекций на антирелигиозные темы была нехватка лекторов. На областном совещании секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации М. Г. Мурашкин в декабре 1946 г. признался, что за годы Великой Отечественной войны «мы растеряли кадры лекторов – антирелигиозников и теперь с большим трудом их собираем. Слабо помогаем со стороны Областного лекционного бюро. Сейчас областной лекционный отдел и лекционное бюро принимают меры, чтобы возобновить работу в этом направлении»⁴¹.

Второй проблемой, как отмечается в партийных документах, был порою низкий общий и особенно идеологический уровень читаемых лекций. К примеру, лекция доцента Пумпянского на тему «Наука и религия» не удовлетворила слушателей. Лектор не подготовился и не сумел ясно изложить материал. Профессор Елпатьевский при чтении лекций на тему «Происхождение человека» не дал четкого «диалектико-материалистического объяснения вопроса о происхождении человека»⁴².

В результате изменения религиозной политики партийное бюро Балаковского района приняло решение ознакомиться с жилищно-бытовыми условиями ряда коммунистов. Партийные работники побывали в квартирах и установили, что отдельные коммунисты имели у себя иконы. Выявленные факты стали предметом обсуждения на партсобрании. На следующий день коммунисты явились в партбюро и сообщили, что «изъяли» иконы из своих квартир. Подобную акцию провела партийная организация Балаковского судоремонтного завода. Заведующий отделом партийных,

профсоюзных и комсомольских органов Обкома ВКП (б) Г. Цикин признался, что совершая такие действия, власть снова встала на путь административного управления⁴³.

Ранее в 1942 г. на 9-м пленуме обкома ВКП (б), проходившем с 13 по 16 ноября, секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров, объясняя причину улучшения государственно-церковных отношений и открытие храма в Саратове, сказал, что в ходе войны история исправила ошибки, допущенные до войны, которые состояли в «переадминистративировании»⁴⁴. Теперь власть снова предпринимала те самые административные меры, которые в 1942 г. были названы секретарем обкома ВКП (б) «ошибкой».

Однако наличие икон дома было не единственным проявлением религиозности населения. В Балаковском районе члены семей некоторых коммунистов соблюдали религиозные праздники, носили кресты, посещали церковь. Члены ВКП (б) Ворошиловского райкома при отправке сыновей в армию в ноябре 1948 г. благословляли их иконами. Случаи венчания были очень распространены во всех районах Саратовской области. На деревообрабатывающем заводе г. Пугачева некоторые работники изготавливали кресты, за что были осуждены партийным собранием. В г. Марксе верующие регулярно собирались в частных домах, которые периодически посещали священники из Саратова. В селах Красовка, Романовка, Митрофановка Федоровского района верующие устраивали моления по религиозным праздникам в домах колхозников. Жительница с. Мещановка просила разрешение властей на передачу собственного дома под молебный дом⁴⁵.

В докладной записке секретарь Свердловского райкома партии А. Логик писал, что «отдельные коммунисты не верят в силу передовой агротехники, преклоняются перед силами природы». Все дело в том, что в колхозах «Серп и молот», имени Пушкина, «7 ноября», имени Ворошилова, «Большевик» группы колхозников проводили религиозные шествия с иконами и молитвами о ниспослании дождя. Шествия по полям организовывали и в Татищевском районе⁴⁶.

В результате обсуждений религиозного положения в области на закрытых партийных собраниях выяснилось, что нередким явлением было оказание помощи церквям и священникам местными властями и организациями. Так, работники электросилового хозяйства Ртищевского района электрифицировали церковь и квартиру священника. Уполномоченный комитета заготовок установил личные отношения со священником и привез ему 2 мешка первосортной муки и две автомашины дров. Начальник дистанции сигнализации и связи установил на квартире священника телефонный аппарат, который, по указанию ГК ВКП (б), в 1949 г. был снят. А директор ресторана из первой партии поступления арбузов выдал со склада священнику 200 кг. Коммунисты и ком-

сомольцы венчались в церкви, а председатель Дергачевского райкома выделял транспорт для свадеб. Председатель колхоза «Маяк» Ворошиловского района поддерживал священников пшеном и картошкой. По этому делу райком ВКП (б) поручил провести расследование работнику Министерства государственной безопасности (МГБ)⁴⁷.

Реакция населения на изменение государственно-церковной политики была различной. В Ворошиловском районе после собрания многие коммунисты снимали иконы со стен в своих домах. Такая же реакция была и у работников Балаковского судоремонтного завода. Коммунист из партоорганизации с. Сабуровки, оправдываясь, сказал, что не знал, что коммунисту нельзя держать иконы, а если так, то я сегодня их выброшу. На следующий день с женой они сняли иконы. На собрании родители-коммунисты Ворошиловского района, окрестившие ребенка, чтобы смягчить гнев властей, заявили, что сделали это по настойчивому требованию своих родителей. «Мы не знали, что из себя представляла церковь, никогда в ней не приходилось быть, в Бога не верили», – добавили они. Учитывая, что родители являлись стахановцами, за крещение ребенка им объявили лишь строгий выговор с занесением в личное дело. Коммунисты очень часто оправдывали наличие икон в своем доме таким образом: этого требуют их пожилые родители⁴⁸.

Между тем некоторые люди под напором районной администрации не меняли своего отношения к религии. Например, в партоорганизации колхоза им. Ворошилова кандидат в члены ВКП (б) с 1946 г. сказал: «У меня жена верит в Бога, дети мои носят кресты, я не хочу расстраивать семейную жизнь, поэтому прошу исключить меня из кандидатов в члены ВКП (б)». А кто-то просто сомневался и не знал что делать. Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ворошиловского райкома партии Боганов сообщал, что некоторые коммунисты Ворошиловского района проявляют «малодушие и боятся снять иконы своими руками»⁴⁹.

Факты проявления религиозности снова стали преследоваться властями. Иногда верующие отделялись «легким испугом». Случаи крещений, венчаний становились предметом обсуждения на закрытых партийных собраниях, но часто верующих исключали из партии. Так, был исключен бывший председатель колхоза им. Ворошилова за крещение своих детей. Венчавшиеся в церкви работники механического завода Пугачева комсомольцы были также исключены из комсомола. Работник этого же завода за приверженность вере был уволен с работы⁵⁰.

В результате изменения религиозной политики вновь актуальным стал вопрос об атеистическом воспитании школьников. Выяснилось, что ученики железнодорожного училища Ртищевского района ходили на Крещение за святой водой. Ученики младших классов Свердловского

района славляли Рождество и Пасху, а некоторые пионеры перестали носить галстуки. На закрытом собрании коммунистов педучилища Пугачева отмечалось, что на некоторых уроках не велась антирелигиозная пропаганда, отдельные учащиеся носили кресты, на уроках пения делались сравнения с церковным пением. На собрании требовали развернуть естественнонаучную пропаганду не только среди учащихся, но и их родителей, которые якобы заставляли своих детей соблюдать посты и носить нательные крестики⁵¹.

В результате ужесточения религиозной политики в школах Федоровского, Балаковского районов были организованы проверки идейного уровня преподавания биологии, географии и истории. На партийных собраниях г. Пугачева было принято решение провести во всех школах и училищах педагогические советы по вопросу развертывания естественнонаучной пропаганды среди учащихся и их родителей⁵².

История, связанная с купанием в праздник Крещения в Саратове, стала поводом для ужесточения религиозной политики не только в Саратовской области, но и в целом по стране. С 1949 г. постепенно прекращались службы вне стен храмов, отменялись крестные ходы, кроме Пасхальных, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имевших сана.

Неоднократные попытки первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Однако в 1949 г. И. Сталин не желал еще кардинально менять избранный курс в религиозном вопросе. Церковь была пока нужна. Важнейшей сферой приложения услуг Церкви в то время была борьба за мир. Поэтому на полный разрыв отношений с церковью государство не пошло. В последние годы жизни И. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне равных отношений⁵³.

Таким образом, в конце 1940-х гг. произошло существенное осложнение государственно-церковных отношений. Здесь сказалось не только начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия, но и внешнеполитические обстоятельства. Термин «антирелигиозная борьба» снова вошел в обиход и получил широкое распространение, но повторения разгрома Церкви в 1930-х гг. не произошло, хотя подобная опасность не была устранена, а была лишь отодвинута на время. Новая волна так называемых «хрущевских» гонений обрушилась на все конфессии СССР уже после смерти Сталина.

Примечания

¹ См.: Ганган В. Д. Отношение Церкви и государства в период Великой Отечественной войны // Шаг в науку : материалы IV областной научно-практической конференции студентов. Смоленск : Универсум, 2004. С. 112.

- ² См.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М. : Издательство Крутицкого подворья ; Общество любителей церковной истории, 2009. С. 12.
- ³ См.: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия : Жизнеописания и материалы к ним. Тверь : ООО «Издательский дом «Булат», 1999. С. 28.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: *Ганган В. Д.* Указ. соч. С. 112.
- ⁶ См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Издательство Крутицкое Патриаршее подворье ; Общество любителей церковной истории, 2005. С. 398.
- ⁷ См.: *Яковлева Ж. В.* Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 111.
- ⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (название фонда). Оп. 2. Д. 1761 Л. 158.
- ⁹ См.: *Хмуркин Г. Г.* Церковь и революционный террор. Очерки по статистике «гонений» в 1917–1926 гг. М. : [б. и.], 2018. С. 11.
- ¹⁰ См.: *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 347.
- ¹¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1380. Л. 71.
- ¹² См.: Статистика Русской Православной Церкви. URL: <https://drevo-info.ru/articles/11316.html> (дата обращения: 12.09.2020).
- ¹³ См.: *Смирнов Д. В.* Русская Православная Церковь и ее жизнь в советском государстве в годы Великой Отечественной войны // Православный собеседник. 2004. № 7. С. 60.
- ¹⁴ См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 398.
- ¹⁵ См.: Гонения на Русскую Православную Церковь в Саратовском крае / сост. М. Плякин, В. В. Теплов. Саратов : Издательство Саратовской митрополии, 2012. С. 16.
- ¹⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1761. Л. 158.
- ¹⁷ См.: *Гусева Я. Ю.* Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-403-409>
- ¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4895. Л. 102.
- ¹⁹ Там же. Л. 131.
- ²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 665. Л. 44.
- ²¹ См.: *Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др.* Русская Православная Церковь. XX век. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2008. С. 406, 407, 413.
- ²² См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 342.
- ²³ См.: *Митрофанов Г.* Спасибо товарищу Сталину? URL: <http://tricolor.org/history/ka/period/4/mitrofanov/> (дата обращения: 12.09.2020)
- ²⁴ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М. : Республика, 1995. С. 264.
- ²⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2 Д. 708. Л. 54.
- ²⁶ См.: *Мраморнов А. И.* К 60-летию «Саратовской купели» (1949–2009). URL: // <http://www.bogoslov.ru/text/373897.htm> (дата обращения: 22. 08. 2020).
- ²⁷ См.: *Моисейченко Л. А.* Власть и церковь в послевоенные годы (1946–1953) : региональный аспект // Культура и речь Саратовского края : сборник статей и методических материалов / под ред. А. А. Демченко, О. И. Дмитриевой. Саратов : Наука, 2015. Вып. 4. С. 37.
- ²⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1008. Л. 44.
- ²⁹ Там же. Л. 24.
- ³⁰ *Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др.* Указ. соч. С. 416.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 708. Л. 54.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Д. 1089. Л. 61.
- ³⁴ Там же. Д. 1008. Л. 54.
- ³⁵ Там же. Л. 1, 25, 54.
- ³⁶ *Мраморнов А. И.* Указ. соч.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 963. Л. 27.
- ³⁸ Там же. Д. 1042. Л. 87, 88.
- ³⁹ Там же. Д. 1008. Л. 21, 23, 24, 27.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1042. Л. 89.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 4895. Л. 77.
- ⁴² Там же. Оп. 2. Д. 708. Л. 106.
- ⁴³ Там же. Д. 1008. Л. 1, 47.
- ⁴⁴ См.: *Гусева Я. Ю.* Указ. соч. С. 402.
- ⁴⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1008. Л. 2, 4, 21, 23, 26, 28.
- ⁴⁶ Там же. Л. 25.
- ⁴⁷ Там же. Л. 24, 25.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5, 7, 10, 44, 23.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 21.
- ⁵¹ Там же. Л. 21, 24, 25.
- ⁵² Там же. Л. 21.
- ⁵³ См.: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 344.

Поступила в редакцию 11.02.2020, после рецензирования 28.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
 Received 11.02.2020, revised 28.02.2021, accepted 12.04.2021

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 410–415

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 410–415

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-410-415>

Рецензия

УДК [94:323.3](470+571)|1917/1922|(049.32)

Новое исследование по истории российского крестьянства периода Гражданской войны

Рецензия на книгу: Кондрашин В. В. Крестьянство в годы Гражданской войны : учебное пособие для магистратур вузов. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 464 с.

П. С. Кабытов, Н. Н. Кабытова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443011, г. Самара, ул. академика Павлова, д. 1

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Аннотация. В рецензии представлен анализ учебного пособия В. В. Кондрашина, в котором на основе комплекса архивных и опубликованных документальных материалов и научной литературы воссоздана панорама взаимоотношений российского крестьянства противоборствующих властных структур, которые появились и функционировали в России в период Великой российской революции, между большевистской властью и ее политическими противниками, белыми и другими режимами. Отмечается, что особое внимание автор уделил концептуальным воззрениям советских, российских и зарубежных историков, что позволило получить новые знания о практиках поведения крестьян различных регионов России во время социальных конфликтов – восстаний и других протестных акций и проследить их отношение к аграрной политике советской власти, а также правительств и лидеров белого движения. Определены факторы, повлиявшие на выбор российского крестьянства – поддержку советской власти, что обеспечило ее победу в ходе Гражданской войны.

Ключевые слова: российское крестьянство, аграрная политика, продовольственная диктатура, крестьянские восстания, Комуч, Поволжье, Украина, Белоруссия, Сибирь, Колчак, Деникин

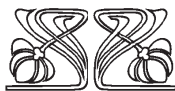
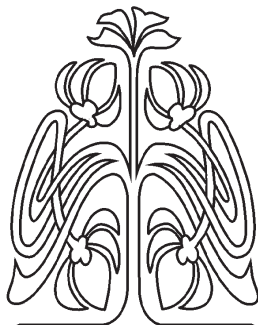
Для цитирования: Кабытов П. С., Кабытова Н. Н. Новое исследование по истории российского крестьянства периода Гражданской войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 410–415. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-410-415>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

A new study on the history of the Russian peasantry during the Civil War

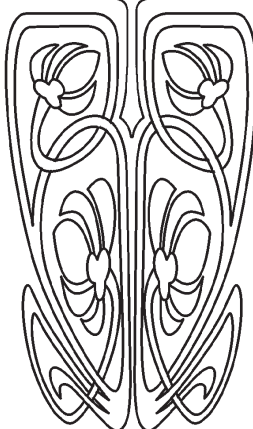
Book review: Kondrashin V. V. *Peasantry During the Civil War*. Textbook for the master's degree. Moscow, Berlin, Director-Media Publ., 2019. 464 p. (in Russian).

КРИТИКА

И

БИБЛИОГРАФИЯ

P. S. Kabytov, N. N. Kabytova

Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Nadezhda N. Kabytova, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Abstract. The review presents an analysis of V. V. Kondrashin's textbook, which, on the basis of a large complex of archival and published documentary materials and scientific literature, recreated a panorama of the relationship of the Russian peasantry with the opposing power structures that appeared and functioned in Russia during the Great Russian Revolution – the Bolshevik government and its political opponents that arose during the Civil War, white and other regimes. It is noted that the author paid special attention to the conceptual views of Soviet, Russian and foreign historians, which made it possible to gain new knowledge about the practices of the behavior of peasants in various regions of Russia during social conflicts – uprisings and other protest actions and to trace their attitude to the agrarian policy of the Soviet government, as well as the governments and leaders of the white movement. Factors that influenced the choice of the Russian peasantry were identified – support for the Soviet government, which ensured its victory during the Civil War.

Keywords: Russian peasantry, agrarian policy, food dictatorship, peasant uprisings, Komuch, Volga region, Ukraine, Belarus, Siberia, Kolchak, Denikin

For citation: Kabytov P. S., Kabytova N. N. A new study on the history of the Russian peasantry during the Civil War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 410–415 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-410-415>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2019 г. издательство «Директ-Медиа» опубликовало книгу крупнейшего специалиста по аграрной истории России, главного научного сотрудника, руководителя центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук, доктора исторических наук, профессора В. В. Кондрашина «Крестьянство в годы Гражданской войны».

Уникальность рецензируемой книги состоит в том, что она одновременно является и монографией, и учебным пособием. Ее появление так или иначе генетически связано с научной и учебной практиками В. В. Кондрашина. Но содержание книги, обширный корпус архивных и опубликованных источников, использование автором книги современного исследовательского инструментария с применением традиционных исторических методов, а также многофакторного анализа и междисциплинарного подхода позволяют сделать вывод о том, что эту книгу следует отнести к числу монографических исследований. Автор же позиционирует данное издание как учебное пособие для магистратуры вузов. В связи с этим в конце каждой главы он помещает «Вопросы и задания», которые нацеливают на включенность обучающихся в обсуждение дискуссионных и недостаточно изученных проблем повстанческого движения крестьян в период Гражданской войны.

Публикация книги обусловлена тем, что ее автор на протяжении многих лет разрабатывал и читал такой курс лекций для студентов исторического факультета Пензенского педагогического института, а затем Пензенского государственного университета. Поначалу основу курса составляли материалы докторской диссертации, которая была защищена в диссертационном совете при Самарском государственном университете в 2001 г.¹ Тогда же московское издательство «РОССПЭН» опубликовало его монографию. Заметим, что

в это же время В. В. Кондрашин принимал участие в качестве составителя сборника документов, в который были включены материалы о крестьянских восстаниях в Поволжье в 1919–1922 гг.² По этой же проблеме в 2009 г. он опубликовал монографию, в которой была воссоздана панорама крестьянского движения периода Гражданской войны на материалах России³. В. В. Кондрашин был инициатором, а затем выступил и в качестве одного из редакторов коллективной монографии по истории российского крестьянства и казачества в условиях революции и Гражданской войны⁴. Эти данные мы приводим для того чтобы показать, что проблема истории российского крестьянства периода Гражданской войны всегда находится в центре внимания В. В. Кондрашина.

Отличие от предыдущих изданий в рецензируемой книге «Введение» начинается с постановки проблемы. Здесь же уделено внимание методологическим аспектам темы – вопросам терминологии крестьянского движения. В центре внимания автора – два вопроса, которые являются предметом острейших полемики как профессиональных историков, так и представителей гуманитарного знания. Речь идет о том, почему в крестьянской стране победил режим, проводивший «явную антикрестьянскую политику военного коммунизма», а проиграли противники советской власти, выступавшие под лозунгами защитников народа от большевистского произвола. Не менее значим и второй вопрос, который ранее сформулировал учитель В. В. Кондрашина выдающийся историк В. П. Данилов. Смысл его заключается в том, что в ходе жестокой по накалу Гражданской войны «сгорели» демократические возможности и из «жесточайшего насилия» «выросла государственная диктатура – сталинизм»⁵.

Ответы на эти вопросы автор дает, анализируя практически весь спектр аспектов рассматриваемого

мой проблемы. Как и в ранее изданной монографии, ученый обращается к причинам крестьянского движения в годы Гражданской войны, которое современные историки квалифицируют как внутренний фронт борьбы против советской власти; рассмотрен и такой вопрос, как крестьянство и Самарский Комуч. Кстати, В. В. Кондрашин уделяет внимание и правовому пространству, анализирует декреты советской власти, аграрные проекты, реальные действия Комуча, белых правительств и показывает отношение к ним крестьянства. Не обходит он вниманием и такие вопросы, как программа крестьянского движения, выявляя характер взаимоотношений крестьян как с советами, так и с эсерами. Конечно, особый интерес представляют разделы книги, в которых представлен анализ масштабов, особенностей и результатов крестьянских восстаний в 1918–1922 гг.

Позитивно оценивая отказ В. В. Кондрашина от традиционных понятий, которые использовались многие десятилетия советскими историками при анализе крестьянского движения в 1918–1922 гг., следует согласиться с автором в том, что такие термины, как «кулацкий мятеж», «кулацкое восстание», «банды», «главари банд», неверно отражают реальную действительность. В. В. Кондрашин использует такие термины, как «крестьянское движение», «крестьянское восстание», «волнение», «выступление», «мятеж», «повстанческий отряд», «группа», «повстанческое движение», «руководители», «командиры», «вожаки», «главари повстанческих отрядов, групп», и дает определение каждому понятию. Отказ от традиционных штампов и традиций при реконструкции истории противостояния крестьян с властными структурами (от большевиков до белых) позволил историку, используя современный исследовательский инструментарий, получить новые знания о причинах, характере крестьянского движения и значении роли крестьянства в трагические дни Гражданской войны.

В историографии рассматриваемой в книге проблемы автором выделены два периода – советский, в котором на первом этапе (1917 г. – первая половина 80-х гг. XX в.) концептуальные построения советских историков базировались на основе ленинских идей. Новые подходы в оценке событий Гражданской войны и роли в ней крестьянства наметились во второй половине 1980-х гг., когда ученые попытались дать объективную картину социально-экономического положения российской деревни в 1918–1922 гг.

Историографическая ситуация изменилась в период становления новой российской государственности. Помимо расширения проблематики научных исследований, современные российские историки отказались от традиционных мифов и догм о кулацком и контрреволюционном характере крестьянских восстаний, которые якобы были инспирированы белыми. Позитивно ими был оценен термин «крестьянский фронт», который

возник как закономерная реакция на антикрестьянскую политику советской власти. В своей книге В. В. Кондрашин отмечает воздействие на расширение проблематики исследований и формирование новых концепций научной деятельности В. П. Данилова и Т. Шанина, а также руководимого ими коллектива, который реализовал международный проект «Крестьянская революция в России» по выявлению и изданию пятитомной документальной серии о причинах, ходе и масштабах крестьянского движения в Центральном Черноземье⁶, Поволжье, на Дону⁷ и Украине⁸. Автор акцентирует внимание на том, что в этой публикации содержится около 2,5 тыс. документов, которые впервые были введены в научный оборот и стали доступны исследователям истории Гражданской войны. Подчеркивается значимость региональных сборников документов, изданных в новейший период развития российской историографии. Особо выделяется сборник документов, который был опубликован в Саранске⁹.

К числу несомненных заслуг ученого следует отнести то, что он не только перечисляет авторов и их научные труды, но и дает оценку их взглядам и достижениям. В этой связи В. В. Кондрашин прослеживает не только динамику изменений концепций историков, но и говорит об историографической ситуации, которая оказывала воздействие на их научные практики. Среди современных лидеров изучения исследуемой проблемы он называет Т. В. Осипову, А. В. Посадского, П. П. Щербинина; не обойдены вниманием многие историки Поволжья, Дона, Сибири, а также Белоруссии и Украины. Особо отметим, что автор органично вписал в контекст историографического анализа исследования зарубежных историков, что существенно повышает научную значимость рецензируемой книги.

В. В. Кондрашин вполне обоснованно уделяет большое внимание анализу исторических причин конфликта крестьян с государственной властью. В связи с этим он приводит данные о протестном движении в Российской империи в конце XIX – начале XX в., активность которого резко возросла в период неурожая и голодных годов, а также революции 1905–1907 гг. и проведения столыпинского землеустройства. Как правило, обострение социальных противоречий наблюдалось в лесостепных уездах России, в зоне преобладания помещичьего землевладения. При этом он подчеркивает, что имперская политика по отношению к деревне являлась главной причиной крестьянского движения. Ситуация изменилась в 1918–1922 гг., когда эпицентры крестьянского движения переместились в зону торгового зернового земледелия, в районы, где среди сельского населения преобладали бывшие государственные крестьяне. Речь идет о степных районах Поволжья, Южного Урала, Юга России, Сибири.

В книге выявляются причины, которые оказали влияние на обострение конфликта советской

власти с крестьянами. В частности, отмечается недород хлебов в 1917 г., заключение Брестского мира, потеря Россией ряда территорий, введение хлебной монополии, что и привело к обострению социальных противоречий в стране и возникновению внутреннего фронта. Размышляет автор и о том, были ли альтернативы курсу большевиков на введение продовольственной диктатуры. По его мнению, стремление местных советов ввести свободную торговлю продовольственными товарами не учитывало интересы государства, которое должно было обеспечивать продовольствием промышленные центры России и армию.

Большое внимание уделено анализу взаимоотношений крестьян с Самарским Комучем. На основе изучения комплекса архивных материалов, опубликованных документов и научной литературы автор доказывает, что Самарский Комуч не смог привлечь на свою сторону крестьянство, что обусловило крах «демократической альтернативы» в революции. В числе факторов, приведших к росту выступлений крестьян против Комуча, он называет мобилизацию крестьян в Народную армию, стремление бывших помещиков вернуть свое конфискованное имущество, применение артиллерии против непокорных деревень, массовые порки крестьян¹⁰.

Несомненным достоинством книги является то, что автор, осуществляя реконструкцию крестьянских восстаний, демонстрирует для обучающихся в магистратуре свою научную лабораторию, в том числе исследовательские методы, с помощью которых воссоздает картину противостояния крестьян советской власти. Детально анализируются причины «Чапанной войны», «Вилочного восстания». Особо подчеркнем в этой связи, что В. В. Кондрашин в текст своего повествования о тех трагичных событиях включает раздел, в котором анализируется ответственность центральной и местной властей за размах крестьянского движения. Нельзя не согласиться с автором, когда он говорит о том, что центр, как правило, перекладывал ответственность на «стрелочников» – на структуры местной власти, которая вынуждена была проводить в жизнь политику центральной власти. И все же В. В. Кондрашин правомерно возлагает главную вину на центральную власть, так как именно она определяла содержание и формы реализации государственной политики в деревне¹¹.

Как известно, уже в самом начале крестьянских восстаний в Поволжье центральные и местные органы власти квалифицировали их как антикоммунистические, контрреволюционные. Более того, звучали обвинения в том, что эти восстания были инспирированы белыми, что их руководителями были эсеры и белые офицеры. Эти мифы в течение многих десятилетий пересказывались в работах советских историков. В. В. Кондрашин на основе прочтения большого массива документальных источников крестьянского повстанче-

ского движения в Поволжье и в других регионах России установил момент истины – что же было на самом деле. Историк изучил воззвания, обращения, приказы, декларации, программы и другие материалы, вышедшие из лагеря восставших. В. В. Кондрашин правомерно подчеркивает ценность исторической информации, зафиксированной в этих документах: «В них в концентрированном виде изложены основные требования повстанцев к власти, дается крестьянское видение волнующих их проблем»¹². Он сопоставляет эти источники с документами властных структур, в которых содержались извлечения из повстанческих материалов. Привлекались также отчеты сотрудников губчека, донесения командования Красной армии, тех командиров воинских соединений, кто непосредственно участвовал в проведении карательных экспедиций.

В. В. Кондрашин перечисляет причины применения принудительных мер изъятия хлеба у крестьян – это заключение Брестского мира и Гражданская война. Вину за это они возлагали на коммунистическую партию, а коммунисты, по их мнению, скрывали правду о реальной ситуации в стране. Крестьяне называли их зажимщиками веры и гонителями свободы. Негативно была воспринята крестьянами идея власти о создании коммун. И, конечно, негативно они отнеслись к реализации продовольственной диктатуры, в ходе которой продотряды из деревни стали «выкачивать» хлеб. В книге приведен значительный спектр требований и лозунгов крестьян, что позволило автору сформулировать вывод о том, что ни «чапанная война», ни «вилочное восстание» не были антисоветскими и контрреволюционными. Эти движения крестьян были нацелены на очищение местных органов власти от коммунистов, допускавших злоупотребления. В. В. Кондрашин считает, что крестьяне Поволжья сумели отделить коммунизм как идеологию от коммунизма как реальной политики большевистской власти периода Гражданской войны, что, по мнению автора, органично связано с основами крестьянского, общинного менталитета. Важен также вывод о том, что антикоммунизм в крестьянской среде не имел соответствующей материальной основы. В своих лозунгах повстанцы Поволжья выступали за советы без коммунистов.

В. В. Кондрашин приводит сведения о распространении в Поволжье лозунгов с антисемитским содержанием. Но в иерархии других лозунгов они находились не на лидирующих позициях. Им установлено, что антисемитизм крестьянского сознания не оказывал существенного воздействия на интенсивность и географию крестьянского протеста. Но антисемитизм лишь дополнял другие лозунги и тем самым придавал им эмоциональную окраску. Вполне обоснованно звучит также тезис о том, что у участников крестьянских восстаний в Поволжье отсутствовали монархические иллюзии.

В книге дан анализ радикальных лозунгов участников крестьянского движения (Антоновщины) в Тамбовской губернии. При этом В. В. Кондрашин выделяет два этапа в формировании лозунгов. Во время первого этапа август – декабрь 1920 г. в постановлениях и воззваниях содержатся призывы к свержению коммунистического правительства и к созданию партизанских отрядов. Автор правомерно, на наш взгляд, говорит о влиянии партии эсеров на содержание документов, вышедших из лагеря восставших. В. В. Кондрашин, помимо опубликованных материалов, привлекает и архивные документы, которые впервые вводятся в научный оборот. Он приходит к выводу о том, что в 1921 г. меняется риторика в пропагандистских документах повстанцев, что было связано с разгромами карательными экспедициями отрядов повстанцев. В лозунгах восставших сохраняется идеология повстанческого движения, но ответственность за страдания крестьян возлагается персонально на вождя российских большевиков В. И. Ленина.

Так же как и в Европейской России, в Сибири на лозунги восставших крестьян оказали влияние захват власти на местах коммунистами и продразверстка, что обусловило разорение крестьянских хозяйств. В. В. Кондрашин отмечает и разные подходы повстанцев к вопросу о власти: одни (бывшие красные партизаны) выступали за советы без коммунистов, другие (казаки и крестьяне, которые не поддерживали идею советской власти) – за Учредительное собрание и даже за царя. Анализ лозунгов и программных установок повстанцев позволяет рассматривать крестьянское движение как проявление их антигосударственной позиции, что было обусловлено условиями жесточайшего противостояния в период Гражданской войны и особенностями крестьянского менталитета¹³.

Значительное место автор уделяет анализу такой массовой формы крестьянского движения, как «зеленое движение», основу которого составляли дезертиры. Автор детально раскрывает причины дезертирства крестьян как из рядов Красной армии, так и Народной армии Комуча, выявляет динамику бегства из армии мобилизованных крестьян на военную службу, а также перечисляет мероприятия советской власти по предотвращению дезертирства. Он прослеживает изменения позиции крестьян к большевикам и Красной армии, что было обусловлено приобретением крестьянами опыта «знакомства с чехами», а также реальной угрозой со стороны казачьей армии генерала Краснова. Весьма важным представляется вывод о том, что эта, на первый взгляд, противоречивая позиция крестьян была продиктована тем, что они считали казаков символом старого мира. В книге показано участие дезертиров в качестве командиров повстанческих отрядов. Акцентируется внимание на росте дезертирства в связи с цикличностью проведения сельскохозяйственных работ, а также с белопольской кампанией и борьбой с Врангелем.

Впечатляют разделы книги, в которых дан анализ мятежа А. В. Сапожкова и восстаний казаков на Дону. Эти разделы написаны на архивном материале, а потому выводы и наблюдения автора обоснованы, и в них содержатся достоверные оценки участия в протестном движении войсковых соединений и казачества. Важное значение имеет вывод о том, что казачество, воюя за красных, за белых и за себя, по сути дела, являлось третьей силой в Гражданской войне, так же как и все всероссийское крестьянское движение¹⁴.

Особый интерес представляет раздел, в котором анализируется состав участников крестьянского движения, как рядовых повстанцев, так командиров и вожаков. Одним из итогов Великой российской революции стало то, что в 1918 г. деревня раскололась на два враждебных лагеря – бедноту и остальных крестьян: середняков и зажиточных крестьян. И все же община выступала единым фронтом, когда возникала необходимость защищать интересы сельского мира, например по земельному вопросу или в случае набегов продовольственных отрядов. И все же это единение было кратковременным, а в деревне выделялись сильные (середняки и зажиточные) и слабые (беднота). Между ними началась борьба за право контроля за сельскими и волостными советами. Установлено, что реализация советской властью декрета о комбедах вызвала всплеск недовольства зажиточных крестьян и середняков, что привело к росту крестьянских выступлений в поволжских губерниях. И сильные, и слабые вновь стали выступать единым фронтом против советской власти. Так, в ходе «Чапанной войны» крестьяне сразу же заявили об общекрестьянском характере этого движения. В. В. Кондрашин устанавливает, что и в «вилочном восстании» также участвовали все крестьяне. В книге указаны эпицентры крестьянских восстаний, которые находились в зоне торгового зернового земледелия.

Повышенный интерес вызывает раздел о Несторе Ивановиче Махно и его повстанческой армии. В. В. Кондрашин развеивает мифы о Махно, которые транслировались в советской исторической литературе. Нельзя не согласиться с его мнением о том, что Н. И. Махно был одним из выдающихся вождей крестьянской революции на Украине, «сравнимым с самыми известными в истории России и Украины защитниками трудового народа»¹⁵.

Новые выводы и наблюдения автор сформулировал в разделе «Крестьянское движение и внешний фактор: кто кого». Здесь реконструированы взаимоотношения повстанцев с эсерами и анархистами. В. В. Кондрашин солидарен с мнением тамбовских историков о том, что крестьяне находились под огромным идейным влиянием эсеров. Но здесь же он говорит о том, что не эсеры подготовили восстание. Это был стихийный протест против антикрестьянской политики большевиков. Он также отмечает, что

аналогичная ситуация была в Западной Сибири. Что касается вопроса о влиянии анархистов в Западной Сибири и на Украине, то автор правомерно говорит о том, что повстанцы у них заимствовали идею о самоуправлении народа. Весьма значимо его замечание о том, что крестьяне были восприимчивы к идеям эсеров и анархистов, так как они совпадали с их интересами. В этом проявился в полной мере прагматизм крестьян.

Не обойдена В. В. Кондрашиным и проблема взаимоотношений крестьян и белого движения. В центре внимания автора находилась аграрная политика верховного правителя России адмирала Колчака. Рассмотрены проекты предполагаемой аграрной реформы, показано отношение к ним крестьян. Здесь же автор отрицает обвинения повстанцев в белогвардейщине, истоки которых восходят к донесениям командующего 4-й армии Восточного фронта М. В. Фрунзе. Он считает, что, вероятно, Фрунзе был введен в заблуждение подчиненными ему должностными лицами. Анализ аграрного законодательства Деникина свидетельствует о том, что оно почти не отличалось от законодательства адмирала Колчака. Но оба эти законопроекта не привлекали крестьян, так как они «ориентировались на защиту интересов прежних владельцев»¹⁶. В этой связи белое движение не могло заручиться поддержкой со стороны крестьян. Несмотря на жесточайшее насилие в период реализации политики военного коммунизма, как это ни парадоксально, крестьянство России сделало свой выбор и вынуждено было выбирать из двух зол меньшее – поддержать советскую власть.

Примечания

¹ См.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2001. 561 с.

- ² См.: Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг. : сборник документов и материалов. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
- ³ См.: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне : к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН, 2009. 574 с.
- ⁴ См.: Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны : национально-региональный аспект / редкол. : В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков, Д. И. Люкшин и др. ; отв. ред. В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков. М. ; Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1046 с.
- ⁵ Кондрашин В. В. Крестьянство в годы Гражданской войны : учебное пособие для магистратур вузов. Москва ; Берлин : Директ Медиа, 2019. С. 5.
- ⁶ См.: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. : документы, материалы, воспоминания / сост. В. П. Данилов и др. Тамбов : Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 727 с.
- ⁷ См.: Филипп Миронов : Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы / отв. ред. В. Данилов, Т. Шанин. М. : Международный фонд «Демократия», 1997. 787 с.
- ⁸ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921 гг. Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2006. 997 с.
- ⁹ См.: Российское крестьянство в эпоху революции и Гражданской войны : регионально-национальный аспект. Сборник документов / отв. ред. В. В. Кондрашин и В. А. Юрчёнков. Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 877 с.
- ¹⁰ См.: Кондрашин В. В. Крестьянство в годы Гражданской войны. С. 140–141.
- ¹¹ Там же. С. 207.
- ¹² Там же. С. 208.
- ¹³ Там же. С. 288.
- ¹⁴ Там же. С. 357.
- ¹⁵ Там же. С. 304.
- ¹⁶ Там же. С. 436.

Поступила в редакцию 14.01.2021, после рецензирования 12.04.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 14.01.2021, revised 12.04.2021, accepted 12.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 416–419

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 416–419

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-416-419>

Рецензия

УДК [821.161.1.09-94:94(470+571)|18/19|+929Никонов](049.32)

«Я пишу эти воспоминания, прежде всего с той целью, чтобы по возможности правдиво и точно изобразить события и людей, с которыми встречался на своём жизненном пути»

Рецензия на книгу: *Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности* : в 3 т. / публ. В. А. Соломонова и Е. Е. Федорова ; вступ. статья В. А. Соломонова и Ю. Г. Степанова ; коммент. и указатель имён В. А. Соломонова ; генеалог. древо Е. Е. Федорова. М. : Новый Хронограф, 2018. Т. 1, 688 с., ил. ; Т. 2, 520 с., ил. ; Т. 3, 448 с., ил.

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Аннотация. В рецензии анализируются особенности и содержательная часть уникального эго-источника – воспоминаний видного деятеля революционного движения позднеимперской России С. А. Никонова, на страницах которых оживают фрагменты революционной борьбы и культурно-общественной жизни страны рубежа XIX–XX вв., а также представлена галерея исторических портретов и зарисовок видных, а подчас и малоизвестных персонажей той эпохи. Особое внимание уделяется оценке научно-публикаторского труда по подготовке этого издания, проделанного доцентом В. А. Соломоновым.

Ключевые слова: С. А. Никонов, воспоминания, народник, социалист-революционер

Для цитирования: *Варфоломеев Ю. В. «Я пишу эти воспоминания, прежде всего с той целью, чтобы по возможности правдиво и точно изобразить события и людей, с которыми встречался на своём жизненном пути» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 416–419. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-416-419>*
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

«I write these memoirs, first of all, with the aim to portray as truthfully and accurately as possible the events and people I met on my life path»

Book review: *Nikonov S. A. MY MEMORIES. From the Revolutionary Struggle and Cultural and Social Activities*. In 3 vols. Publ. V. A. Solomonov and E. E. Fedorov ; intro. article by V. A. Solomonov and Yu. G. Stepanov ; comment. and the decree of the names of V. A. Solomonov ; genealogist. trevo E. E. Fedorov. Moscow, New Chronograph Publ., 2018, vol. 1, 688 p., ill. ; vol. 2, 520 p., ill.; vol. 3, 448 p., ill.

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuriy V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Abstract. The review analyzed the characteristics and content of a unique ego-source, the memoirs of a prominent figure in the revolutionary movement of late Imperial Russia S. A. Nikonov, on the pages which come to life fragments of revolutionary struggle and cultural-public life of Russia at the turn of the twentieth century, and presents a gallery of historical portraits and sketches prominent and often little-known characters of that era. The reviewer pays special attention to the evaluation of the scientific and publishing work on the preparation of this publication, done by Associate Professor V. A. Solomonov.

Keywords: S. A. Nikonov, memoirs, narodnik, socialist-revolutionary

For citation: Varfolomeev Yu. V. «I write these memoirs, first of all, with the aim to portray as truthfully and accurately as possible the events and people I met on my life path». *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 416–419 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-416-419>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На рубеже XX–XXI вв., возрождение многопартийности вызвало повышенный интерес исследователей к истории российских политических партий, особенно тех, на изучение деятельности которых в советский период практически было наложено табу. К таким партиям, безусловно, относятся и партия социалистов-революционеров, деятельность и персоналии которой в советской историографии изучались или кратко и тенденциозно, или на долгий период вообще исчезли из сферы исторических исследований.

Имя автора воспоминаний – видного эсера Сергея Андреевича Никонова (1864–1942) – хорошо известно ученым, изучающим общественно-политическое движение России конца XIX – начала XX в. Судьба его уникальна и противоречива. Дворянин по происхождению, сын адмирала Российского Императорского флота Андрея Ивановича Никонова (1811–1891), врач-хирург по образованию, он стал убежденным и активным революционером, оставив яркий и заметный след в истории русского освободительного движения. В 1885 г. С. А. Никонов вступил в партию «Народная Воля», а в 1886–1887 гг. вместе с А. И. Ульяновым, о дружбе с которым опубликовал воспоминания¹, участвовал в подготовке покушения на Александра III. В январе 1887 г. по делу о пропаганде среди юнкеров Павловского училища он был арестован, но через 11 месяцев тюремного заключения выпущен на поруки отца по болезни и в мае 1888 г. выслан административным порядком в Сибирь (Минусинск) на 4 года. Вслед за С. А. Никоновым в Сибирь последовала и его жена Нина Васильевна, урожденная Москопуло (1867–1941). В Минусинске родился их первенец – сын Андрей. «Вероятно, – замечала П. Н. Шавердо, – если бы Никоновы остались жить в России, они гораздо больше бы пропутешествовали и изучили “места не столь отдаленные” самодержавной России. Но Сергей Андреевич после первой ссылки уехал изучать медицину за границу и там жил долгое время»². В 1892–1897 гг. Сергей Никонов учился на медицинском факультете Парижского университета, одновременно поддерживая тесную связь с одним из выдающихся теоретиков народнического движения П. Л. Лавровым, а также другими видными эмигрантами-народниками, жившими в ту пору во Франции³. Вся его дальнейшая жизнь пестрит перипетиями революционных будней – аресты, ссылки, эмиграция.

С началом Великой российской революции он постоянно находился в эпицентре общественной и политической жизни страны: был комиссаром Временного правительства России по Севастополю, городским головой, участвовал в заседании Учредительного собрания, а в 1918 г.

занимал пост министра просвещения и культов во Втором Крымском краевом правительстве. Однако после прихода к власти большевиков жизнь пламенного борца с царизмом и его семьи круто меняется. Несмотря на то, что С. А. Никонов не оказался в числе репрессированных советской властью, тем не менее «Дамоклов меч» сталинского режима угрожающе висел над его головой всю оставшуюся жизнь.

После себя С. А. Никонов оставил богатейшее литературное наследие. Наряду с отдельными изданными работами («Жизнь студенчества и революционная борьба 80-х годов»⁴, «Борис Николаевич Никитенко»⁵, «Несколько встреч с А. Ю. Фейтом»⁶) центральное место в нем занимает рукопись его неопубликованных воспоминаний, имеющих исключительную научно-познавательную и исследовательскую значимость, над которыми автор работал с 1925 по 1938 г. В предисловии к своему жизнеописанию мемуарист отметил, что никогда не вел дневников и события многолетней давности воспроизводит в основном по памяти, уточняя, при возможности, что-то из увидевших свет мемуаров современников, бесед с оставшимися в живых свидетелями тех или иных событий. При этом он с сожалением констатирует: «...Я не вел, потому что считал это недопустимым, никаких записей о прошлом, и потому все приходится восстанавливать почти исключительно по памяти <...> и по немногим сохранившимся у меня документам и письмам. Между тем, память – источник не всегда надежный...»⁷. Действительно, отдельные фактические неточности в его воспоминаниях все-таки встречаются, но они немногочисленны и не столь существенны, и, по моему мнению, никоим образом не влияют на историческую ценность этого уникального эго-источника.

Не следует забывать, что рецензируемые воспоминания написаны в сталинской России, в атмосфере всеобщего страха, постоянной слежки, обысков и доносов. Вопрос публикации данных мемуаров для С. А. Никонова не стоял. В одной из своих заметок он отмечал, что не надеется на то, что в ближайшее время эта большая работа увидит свет, но когда-нибудь, много лет спустя, она как по возможности правдивая летопись того бурного времени станет всеобщим достоянием⁸. Следует также отметить, что написание воспоминаний стало для нашего героя «нравственным долгом», так как он считал, что таким образом спасет от мрака забвения многие имена честных революционеров⁹.

С. А. Никонов, являясь членом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВОПКиС), очевидно, надеялся на то, что его мемуарные записки увидят свет в числе других

публикаций этого общества. Однако и деятельность ВОПКиС, и его периодические и продолжающиеся издания были ликвидированы в 1935 г., а рукопись видного эсера с этого момента получила не просто крамольную окраску, а стала бы в руках сталинских карателей опаснейшей уликой для ее автора. Думается, что С. А. Никонов, подвергавшийся административным преследованиям советских властей, дописывал свои мемуары, как говорится, в стол, не надеясь на их издание в ближайшем будущем, тем более что многие оценки и суждения мемуариста были бы восприняты «компетентными органами» как явная «идеологическая диверсия». Тогда становится понятной и реплика мемуариста о том, что его большая работа (т. е. воспоминания) в ближайшее время опубликована не будет, а увидит свет много лет спустя и, возможно, послужит материалом для будущих беспристрастных историков¹⁰.

Никонов до преклонных лет сохранял здравый ум и ясную память, с удивительной точностью, с множеством подробностей и нюансов, метких наблюдений, реконструируя дела давно минувших дней. В нескольких случаях он вступает в полемику с авторами изданных в СССР мемуаров, уточняя истинную подоплеку событий или защищая честь и достоинство своих соратников от клеветы. Множество замечаний, ремарок, уточнений, разбросанных по тексту воспоминаний, дают твердое основание полагать, что С. А. Никонов внимательно изучал исследования и материалы по интересующим его сюжетам.

Воспоминания С. А. Никонова удачно и логично структурированы. Автор в рубриках своего труда придерживается в основном хронологического принципа. Внушительный объем информации разделен на 3 части, каждая из которых содержит 2 книги, разбитые на 12–14 глав. Мемуары С. А. Никонова впечатляют своей масштабностью и в целом представляют собой 6 томов машинописного текста общим объемом 1415 страниц. Первая часть рукописи охватывает период от его рождения в 1864 г. до окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., вторая – от восстания на броненосце «Потемкине» 1905 г. до архангельской ссылки 1907 г. и переезда в Оренбург, третья – посвящена событиям 1917 г. в Оренбурге, Крыму и Петрограде, а заканчивается рукопись трагическими событиями 1938 г.

Каждый из разделов воспоминаний Никонова богато иллюстрирован фактами, подчас неизвестными даже узким специалистам. Текст рукописи не только отображает весь жизненный путь мемуариста, но и позволяет увидеть широкую панораму политической, общественной и культурной жизни России на рубеже столетий. Автор воспоминаний ярко и, насколько это возможно, подробно, излагает события, которые имели, по его мнению, важное общественно-политическое значение. Особое место на страницах его воспоминаний

отведено ключевым эпизодам революционной борьбы. Самобытную ценность и живое звучание тексту придает галерея исторических портретов и зарисовок известных, а подчас и вовсе неизвестных персонажей той эпохи.

Отмечу две главных особенности рецензируемых мемуаров: впечатляющую временную протяженность – от царствования Александра II до правления Иосифа Сталина, а также свободный, непредвзятый стиль автобиографического повествования на фоне бурных событий переломной исторической эпохи. В описании людей и дел прошлого Никонов на удивление свободен от духа кружковщины, догматизма, партийных пристрастий, мелкого тщеславия и стремления показать свою роль в «деле революции», присущих, увы, воспоминаниям многих революционеров.

Мемуары С. А. Никонова можно отнести к редкому жанру свободного жизнеописания, вплетенного в ткань общественно-политической жизни России рубежа веков. В этом колоритном калейдоскопе сплетения людей и судеб, интересном самом по себе, не менее важно и другое: проследить, как и почему сын адмирала, некогда наивный провинциальный юноша, который по собственному признанию «окончил гимназию совершенно девственным» по части политики, в кратчайшие сроки «дозрел» до идеи борьбы с царским режимом. Однако сам автор, подчеркивает, что он никогда не был профессиональным революционером в узком смысле: «не был теоретиком социализма», не уходил в глубокое подполье, оставаясь на разных этапах своей биографии «студентом, фельдшером, врачом <...> занимаясь своей профессией»¹¹.

В отличие от большинства своих единомышленников, постигавших все многообразие жизни общества исключительно через сухие формулы теоретиков революционной мысли, Никонов всегда жил в ритме повседневности. Думается, он не случайно дал уточняющий подзаголовок своим мемуарам: «Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности». Воспоминания свидетельствуют о том, что для автора общественная работа и повседневная жизнь были не менее важны, чем революционная деятельность. Как это видно из текста мемуаров, С. А. Никонов на протяжении всей жизни стремился совмещать революционные будни с общественной и культурной работой. В этом отношении показательны страницы воспоминаний, на которых он увлеченно описывает практику обустройства земских больниц, а позднее и школ. Однако мечтая о созидательном обустройстве России, он в то же время ни разу не усомнился в целесообразности террора как метода революционной борьбы, правда, при этом признавал в нем и определенные изъяны.

Фрагменты рукописи С. А. Никонова хранятся в Российском государственном архиве лите-

ратуры и искусства (РГАЛИ). Однако историки революционного движения России обращались к воспоминаниям Никонова эпизодически, почти не используя эти архивные документы в своих исследованиях. Машинописный вариант рукописи полного текста воспоминаний С. А. Никонова хранится в семейном архиве потомка автора – Евгения Евгеньевича Фёдорова. Небольшой фрагмент мемуаров, посвященный периоду парижской эмиграции Сергея Андреевича, уже был опубликован¹². Между тем следует констатировать, что обширные и очень ценные воспоминания Никонова фактически не были введены в научный оборот и оставались неизвестны специалистам вплоть до выхода в свет настоящего издания, которое стало возможно благодаря многолетнему скрупулезному труду кандидата исторических наук, доцента В. А. Соломонова. На заключительном этапе к огранке никоновского «алмаза» эго-нарратива присоединился его коллега – кандидат исторических наук, ученый-архивист Юрий Геннадьевич Степанов. Профессионально и настойчиво, год за годом, собирая, систематизируя и атрибутируя колоссальный массив рукописных материалов С. А. Никонова Владимир Анатольевич довел эту работу до логического завершения – в конце 2018 г. многотомный труд был опубликован в столичном издательстве «Новый Хронограф».

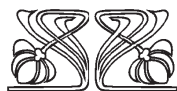
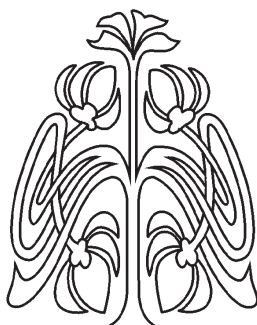
Более 100 печатных листов опубликованных воспоминаний – это не только партийно-революционное летописание, но и исторические зарисовки жизни отдельных семей и личностей. В их судьбах нашли отражение ключевые события жизни страны, современниками которых они стали, а также настроения и уникальные особенности эпохи, которые сложно понять, изучая официальные документы. Воспоминания одного из выдающихся деятелей революционного движения России Сергея Андреевича Никонова, безусловно, являются широко информативным и востребованным сколком исторической памяти и, вне всяких сомнений, будут востребованы не только в научных исследованиях, но и будут интересны широкому кругу людей, размышляющих над судьбой России. Трехтомник воспоминаний С. А. Никонова, без преувеличения, является ценнейшим эго-источником, и я уверен, что он займет

достойное место в интеллектуальной палитре когнитивной истории.

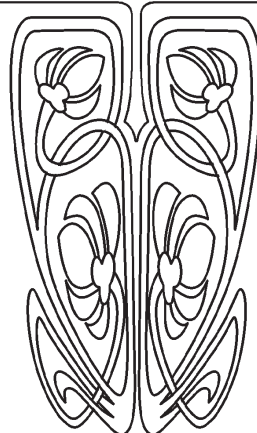
Примечания

- ¹ См.: Никонов С. А. Из воспоминаний об А. И. Ульянове // Пролетарская революция. 1929. № 2–3. С. 172–190.
- ² «Боролась за землю, за волю, за свободу народа» : Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо / вступ. статья, коммент. и подгот. текста к публ. Г. А. Салтык // Отечественные архивы. 2002. № 6. С. 80.
- ³ См.: Никонов С. А. Пётр Лаврович Лавров. Русская эмиграция в Париже в 1892–1897 гг. (отрывок из воспоминаний) / публ. и коммент. В. А. Соломонова, Е. Е. Фёдорова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2011. Вып. 3. С. 228–262.
- ⁴ См.: Никонов С. А. Жизнь студенчества и революционная борьба 80-х годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1-го марта 1887 г. / сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М. ; Л. : Государственное издательство, 1927. С. 135–481 ;
- ⁵ См.: Никонов С. А. Борис Николаевич Никитенко // Каторга и ссылка : Историко-революционный вестник / под общ. ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М., 1927. № 2 (31). С. 212–246.
- ⁶ См.: Никонов С. А. Несколько встреч с А. Ю. Фейтом // Там же. № 5 (34). С. 185–188 и др.
- ⁷ Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности : в 3 т. Т. 1 : 1864–1904 / публ. В. А. Соломонова и Е. Е. Фёдорова ; вступит. статья В. А. Соломонова и Ю. Г. Степанова ; коммент. и указатель имён В. А. Соломонова ; генеалог. древо Е. Е. Фёдорова. М. : Новый Хронограф, 2018. С. 28.
- ⁸ См.: Никонов С. А. Письмо в редакцию // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 255.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности... Т. 1. С. 27.
- ¹² См.: Никонов С. А. Пётр Лаврович Лавров. Русская эмиграция в Париже в 1892–1897 гг. (отрывок из воспоминаний)...

Поступила в редакцию 27.01.2021, после рецензирования 12.04.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 27.01.2021, revised 12.04.2021, accepted 12.04.2021

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Журнал выходит 4 раза в год
Подписной индекс издания 36018
Цена свободная

Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7(845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83
СГУ имени Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Тел.: +7(845-2) 21-06-32
Факс: +7(845-2) 21-06-51
E-mail: larisachernova@mail.ru
Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>